

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская речь

1987 ЯНВАРЬ · ФЕВРАЛЬ

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

В НОМЕРЕ:

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

- 3 *В. В. Иванов.* Русский язык и наука о нем — важнейшая часть духовной культуры народа

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина

- 10 *М. Ф. Мурьянов.* По обе стороны Черной речки
18 *С. А. Фомичев.* «Затемнена некоторыми облаками...»
(Из наблюдений над языком пушкинской прозы)
25 *А. Н. Архангельский.* «Вот счастье! вот права...»
32 *А. Н. Старков.* «Язык — стихия писателя»

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

- 39 *Н. П. Кохтев.* Г. М. Кржижановский — автор плана ГОЭЛРО и «Варшавянки»

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 45 *Н. А. Кондрашов, Н. С. Умленкова.* Ресурсы разговорной речи
49 *Е. Н. Миллер.* Выразительные возможности антонимов

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- 52 *Н. И. Орлова.* Бронзоветь
55 *В. А. Корнилов.* Поредельный

ЯЗЫК ПРЕССЫ

- 60 *Л. А. Качаева.* «Зеленому лекарству — зеленую улицу»

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 65 Алексей Иванович Соболевский (1857–1929)
70 Анастасия Петровна Евгеньева (1899–1985)

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 76 *О. Ю. Чехомова*. Мастер изобразительных находок
 82 *О. С. Иссерс*. Где поставить ударение?
 86 *Б. Т. Хайитов*. Фразеологизмы в словаре

СРЕДИ КНИГ

- 90 *А. А. Брагина*. Синонимы в литературном языке
 92 *Р. А. Агеева*. Происхождение имен рек и озер

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 95 *Н. Б. Музруков*. На VI Конгрессе МАПРЯЛ
 98 *Н. И. Целищева*. Аудитория – планета

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 104 *А. В. Чернецов*. Стефан Пермский – просветитель народа коми
 109 *Н. П. Саблина*. «Салернский кодекс здоровья» на Руси
 114 *Л. Л. Левандовская*. У истоков стиховедческой терминологии

ПОЭТ И ФОЛЬКЛОР

- 119 *Н. И. Неженец*. Поэтическая мифология Сергея Клычкова

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 126 *П. Ф. Лебедев*. Пословица вовек не сломится

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 130 *В. В. Цоффка*. Чай
 133 *И. Г. Добродомов*. Потасовка
 137 *М. П. Полинская*. Белка – вёкша – вёверица
 140 *А. В. Гришин*. Почему «Тайны Мадридского двора»?
 За знакомой строкой
 145 *И. О. Клязький*. «В сарачинской шапке белой...»

149 КРОССВОРД**ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**

- 151 Всего одно слово
 153 *Торжокский* или *торжковский*?
 154 Нужны ли кавычки?
 156 Почему ракета называется «крылатой»?
 157 О произношении иноязычных слов

На обложке рисунок Б. Захарова

Рисунки портретов С. Жагина

Русский язык и наука о нем — важнейшая часть духовной культуры народа

В. В. ИВАНОВ,

доктор филологических наук,
главный редактор журнала
«Русская речь»

Решения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК и XXVII съезда КПСС вызвали глубокую перестройку во всех сферах жизни советского народа. Ускорение в социально-экономическом развитии нашего общества, честность и добросовестность в труде и жизни, правда и гласность, критика и самокритика — вот те главные условия, которые обеспечат прогресс Советской страны на ее пути к достижению коммунистического идеала. Долг каждого человека — внести свой вклад в решение задач, стоящих перед советским народом, личным трудом способствовать достижению программных целей партии. Вне этого всенародного подъема не может стоять и наука, которая много сделала для того, чтобы за исторически короткий срок СССР стал могущественнейшей державой, впервые в мировой истории построившей социализм, а наш народ поднялся на высокую ступень духовного развития.

Социалистическому обществу нужны не только честные и добросовестные работники, но и высокообразованные, культурные люди, ибо лишь в этом случае будет и полезнее и эффективнее их труд, и сознательнее, активнее отношение к жизни, ко всем общественным процессам.

В повышении культурного уровня советского народа, в развитии его духовных сил и возможностей неопределимая роль принадлежит науке о русском языке, призванной действовать и способствовать воспитанию языковой культуры, являющейся важнейшей частью его духовной культуры. Хорошее владение языком свидетельствует о высоко развитых мыслительных способностях человека, его образованности, о владении накопленными в обществе духовными ценностями. Язык — национальное достояние, и по-

этому высокая языковая культура — это приобщение к истории народа, к его прошлому, к его радостям и бедам, ко всему, чем он жил и чем гордился.

Знать родной язык — это не просто говорить и писать на нем. Знать родной язык — это владеть всеми выразительными средствами, какими он располагает; это уметь правильно, четко и ясно выразить свои мысли; это знать, как воздействовать силой слова на людей. А уж если говорить и писать, то говорить правильно, с соблюдением принятых в обществе литературных норм произношения, и писать грамотно, согласно существующим нормам орфографии.

Современный русский язык (язык великого русского народа, язык межнационального общения народов СССР, один из мировых языков) — это очень сложное и объемное понятие, так как русский язык существует в разных формах — в литературной и диалектной, как разговорная речь и как просторечие, как профессиональные разновидности языка и как различного рода жаргоны; русский язык функционирует как в устной форме, так и в письменной; литературный русский язык как одна из форм русского национального языка характеризуется системой функциональных стилей; в особой эстетической функции литературный язык выступает в художественной литературе.

В то же время надо иметь в виду, что русский язык — не застывшее, раз навсегда данное образование, он прошел большой путь развития: изменялся его словарный состав, совершенствовалась грамматическая — морфологическая и синтаксическая — система, эволюционировала звуковая сторона; в произведениях писателей далекого и относительно недавнего времени, в различных жанрах и видах письменности складывались нормы русского литературного языка, вырабатывались функциональные стили. Иначе говоря, современный русский язык — это историческое явление, результат прошлых эпох развития. И в наши дни русский язык не стоит на месте, он подвергается постоянным изменениям, подчас, может быть, незаметным для сегодняшнего носителя языка, а в ряде случаев — совершенно отчетливо видимым.

Сложность и объемность понятия современного русского языка, как и длительность эпох его исторического развития, обусловили широкую разветвленность науки о русском

языке, которая тоже пережила определенные этапы своей истории. В наши дни русистика охватывает все области изучения системы русского языка, характера его функционирования в различных условиях общения людей, его взаимодействия с другими языками; историческая русистика реконструирует прошлые состояния звуковой и грамматической систем русского языка, историю его словарного состава.

Надо признать, что наукой о русском языке сделано очень много, и ее достижения не остаются чисто теоретическими «выкладками»: они находят применение в преподавании русского языка в школе, в практике газетной и журнальной работы, оказывают влияние на использование языка в художественной литературе. Эти достижения имеют огромное значение в распространении правильных взглядов на русский язык, его литературные нормы, выразительные средства, его историю и его роль в общении народов в нашей стране и за ее пределами.

Сделано, без сомнения, много, но сегодня, в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества необходимо направить внимание лингвистов-русистов на быстрее удовлетворение потребностей нашего народа. Надо сделать так, чтобы труды ученых теснее были связаны с практическими нуждами людей, чтобы они быстрее находили своих «потребителей», чтобы эти труды оказывали большее влияние на повышение языковой культуры народа.

Так, не ослабляя теоретических исследований в области русской лексикологии и лексикографии, надо увеличивать количество самых разнообразных словарей для учащихся, для взрослых, для русских и нерусских читателей, — словарей, имеющих разные задачи и разный объем, но всегда направленных на лучшее познание русского словарного состава, особенностей того или иного русского слова, характера его употребления. Большим недостатком словарного дела у нас является долгий путь словаря от времени его составления до выхода в свет (не говоря уже о малых тиражах). В сокращении этого пути могла бы сыграть роль автоматизация словарной работы, но внедрение машинных способов создания словарей идет крайне медленно.

Распространение русского языка как средства межнационального общения народов СССР породило особую

область науки о русском языке, задачей которой стала разработка теоретических вопросов взаимодействия русского языка с национальными языками, функционирующими в нашей стране, их взаимовлияния на разных уровнях языковой структуры. Важнейшей проблемой этой области русистики, имеющей непосредственный выход в практику преподавания, является описание системы русского языка с позиций человека, для которого русский язык не является родным, создание грамматики русского языка, в которой данная система была бы представлена с учетом этих позиций. Такая грамматика явилась бы надежной теоретической базой учебников русского языка для различных национальных школ и вузов, ориентированных на родные языки обучающихся.

Вместе с тем распространение русского языка в нашей стране, овладение им представителями различных наций и народностей Советского Союза настоятельно требует подготовки разного рода пособий, справочников и опять же словарей, которые помогали бы осваивать правила и нормы русского языка, учили бы правильному произношению и словоупотреблению, прививали бы любовь к русской речи. Чем быстрее и больше (и, конечно, качественнее) будут создаваться такие книги, тем больше можно будет надеяться на улучшение знания русского языка всеми народами нашей страны.

Особые задачи в наши дни встали перед историей русского литературного языка, как и перед историей языка вообще. Острую актуальность приобрели проблемы возникновения литературного языка в древней Руси и его развития в донациональный период и в период складывания русской нации. Эти проблемы оказались в центре идеологической борьбы с теми западными лингвистами, которые отрицают самобытность русского литературного языка и самостоятельность его развития. Не признавая этой самобытности и отдавая приоритетную роль в истории русского литературного языка древнеболгарскому и западноевропейским языкам, буржуазные (да и не только буржуазные) лингвисты принижают русский народ, создавший русский язык и являющийся его носителем, лишают его собственного литературного языка, на котором написаны величайшие произведения, относящиеся к сокровищнице мировой культуры. Задача советских русистов заключается в том, чтобы, опираясь на изучение па-

мятников древнерусской и старорусской письменности, опровергнуть антиисторические и антирусские взгляды на историю русского литературного языка, с фактами в руках доказать самобытность и самостоятельность его складывания и развития. А такие факты, без сомнения, есть.

Конечно, теоретические труды лингвистов по русскому языку — это не «книги для чтения» — они предназначены прежде всего для специалистов, но каждая из таких работ может стать основой интересных и полезных книг для широкого круга читателей, каждая из них может служить делу повышения языковой культуры нашего народа. Разрабатывая ту или иную теоретическую проблему, ученый всегда должен помнить о практическом значении своего труда, о том, какую пользу приносит его работа обществу. Занимается ли он проблемами стилистики и языка художественной литературы, составляет ли он этимологический или исторический словарь, изучает ли он современную разговорную речь или пытается реконструировать живую речь наших далеких предков — он всегда имеет дело с одним и тем же русским языком, уходящим корнями в прошлое и живущим полнокровной жизнью сегодня. Задача лингвиста — правильно понять и объяснить то, что было, и то, что происходит сейчас, научить объективно оценивать языковые факты прошлого и настоящего, а следовательно, помочь нашему современнику овладеть всеми накопленными в языке богатствами.

Нет необходимости перечислять проблемы науки о русском языке и его истории, которые требуют дальнейшей разработки, — лингвистам они известны. Однако следует подчеркнуть, что разработка этих проблем в сегодняшней период развития нашей страны должна вестись путем сосредоточения усилий на главных направлениях, отказа от распыленности научных сил на изучение второстепенных по отношению к магистральному развитию русского языка вопросов, усиления практической направленности теоретических исследований.

Практическая направленность исследований в области русского языкознания должна сказаться и на чрезвычайно важном аспекте деятельности лингвистов — на пропаганде знаний о русском языке и самого знания русского языка.

Нельзя сказать, что этот аспект находится вне внимания русистов: печатаются научно-популярные брошюры, рассказывающие о русском языке и его истории, ведутся разделы типа «Как правильно?» и «Почему мы так говорим?» в газетах и журналах, организуются передачи о русском языке по радио и телевидению. Но этого, как видно, недостаточно, и здесь необходимо усиление всей работы, большей ее целенаправленности, отказа от случайного, от мелкотемья, от пустозвонства. Необходимо сосредоточение усилий лингвистов, журналистов, работников радио и телевидения, чтобы пропаганда лингвистических знаний стала действенной и эффективной.

Особая роль в этом деле принадлежит журналу «Русская речь» — единственному в Советском Союзе научно-популярному журналу о русском языке, хорошо известному читателям разных возрастов и профессий, как и специалистам-лингвистам.

В 1987 году «Русская речь» отмечает свое двадцатилетие — двадцатилетие службы русскому языку, пропаганды его силы и красоты, богатства и могущества. За эти годы журнал обрел свое лицо и четко определил свои задачи, связанные прежде всего со стремлением воздействовать на повышение уровня языковой культуры советского общества. Решение таких задач наталкивается на немалые трудности, так как круг читателей журнала оказывается чрезвычайно широким: это не только (и, быть может, не столько) филологи-лингвисты, преподаватели и студенты, но и школьники старших классов, инженеры и агрономы, домохозяйки и пенсионеры; журнал читают в наших национальных республиках и за рубежом.

Такой круг читателей вызывает необходимость серьезного отбора материалов для публикации: они должны быть интересными и доступными для самого разного читателя. Но одновременно с этим они должны быть и такими, которые «работали» бы в одном, главном направлении — способствовали бы развитию интереса к русскому языку, вырабатывали бы желание лучше знать его, воспитывали бы вкус к яркому, образному русскому слову. Достичь всех этих целей можно, конечно, не только тем, что просто учить, как правильно сказать, где поставить ударение, как правильно написать то или иное слово и т. п., но — главное — тем, чтобы показать, как владели русской речью лучшие писатели и поэты, критики и публицисты прошлого.

го, как ею владеют современные художники слова, — показать, как блестяще знал и умело использовал силу и выразительность русской речи В. И. Ленин.

Учиться на образцах художественной литературы и публицистики, постигать тайны выразительности речи, воспитывать в себе языковой вкус — вот то, что стремится развивать в своих читателях «Русская речь». Конечно, не все удастся журналу сделать так, как надо, но связано это зачастую с чисто лингвистическими сложностями явлений. Преодолеть эти сложности, научиться говорить и писать о них просто и понятно — это задача, которую журнал решает и должен решить.

Воспитание языковой культуры — это и воспитание патриотизма, ибо любовь к родному языку — это любовь к своей Родине, к своему народу. Человек, не любящий родного языка, пренебрежительно относящийся к своей речи, коверкающий ее, засоряющий русскую речь ненужными заимствованиями или жаргонными словечками, — такой человек будет так же пренебрежительно относиться и к жизни своего народа, к его делам и свершениям, его истории. А история народа запечатлена в его языке. Именно поэтому знание истории языка, закрепленной в словах и выражениях, — неотъемлемая часть языковой культуры современного человека. И именно поэтому «Русская речь» всегда уделяла и будет уделять большое внимание рассказам об истории русского языка как важному элементу патриотического воспитания.

Советская страна вступила в новый период своего развития, вместе со всем народом, перестраивающим экономическую и социальную жизнь советского общества, в новый период вступили и ученые-русисты. Ускорение в развитии науки о русском языке — это стремление, поднимая теоретический уровень исследований, быстрее использовать их результаты в решении практических задач, это стремление сократить путь продвижения необходимых нашему обществу книг, словарей, пособий, справочников, научно-популярной литературы от момента их создания до рук читателей. У советских русистов есть все возможности для того, чтобы внести свой весомый вклад в духовное развитие нашего общества.

К 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина

По обе стороны Черной реки

М. Ф. МУРЬЯНОВ,
кандидат филологических наук

1. Пустое сердце

Оба первых поэта России — Пушкин и Лермонтов — погибли в расцвете лет на дуэли.

Современное им дворянское общество находило, что оскорбленную честь можно восстановить либо публичным извинением (просить его считалось более или менее унижительным), либо обменом цистолетними выстрелами с обидчиком на поединке — или по одному выстрелу, или «до первой крови», или «до повалу». Правые и неправые имели в среднем одинаковый шанс быть убитыми, то есть дуэль не была правосудием и — более того — сама преследовалась законом. Тем не менее ее светский престиж был очень высоким, ценилось спокойное бесстрашие, с которым дуэлист смотрел в глаза смерти. Дрогнувший, даже если он был тысячу раз прав в самом поводе к дуэли, покрывал себя несмываемым позором.

На гибель Пушкина Лермонтов тотчас отозвался стихотворением «Смерть Поэта», имевшим небывалый по величине общественный резонанс и распространившимся во множестве списков. Оно и поныне является хрестоматийным, каждое новое поколение учится понимать Россию 1837 года прежде всего по этому стихотворению, чья неистовая гневность обернулась распоряжением царя о психиатрическом освидетельствовании автора.

Известны слова Николая I: «Ненавижу дуэль. Это — варварство. На мой взгляд, в ней нет ничего рыцарского». Он и в самом деле сурово наказывал попавшихся. Однако к дуэли Пушкина отношение монарха оказалось необычным: Дантес, боявшийся быть заперотым казачьими нагайками в Петропавловской крепости, приговоренный военным судом к смертной казни, отделался разжалованием и высылкой во Францию. А четыре года спустя чисто символически был наказан и убийца Лермонтова — посажен на три месяца на гауптвахту.

Стихотворение «Смерть Поэта» оказалось невозможным опубликовать, пока был жив Николай I, оно было напечатано только

после катастрофической Крымской войны, в 1858 году (сначала в Англии, а затем без последних 16 стихов — в России), и тем самым обрело новый смысл, прозвучав как проклятие рухнувшему николаевскому режиму.

Язык и поэтика стихотворения являются предметом внимательного изучения, интересная сводка литературы по этому вопросу дана в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). Работа филологов продолжается, она идет с нарастающей точностью, уже заставившей, например, Н. М. Шанского дать своим этюдам об этом стихотворении выразительное название: «Художественный текст под лингвистическим микроскопом» (Русский язык в школе, 1971, № 3). Лингвистическую микроскопию применим и мы на следующих строках стихотворения:

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

Перед нами законченное изображение Дантеса на дуэли, изображение не только позы, но и — что гораздо существеннее — внутреннего состояния убийцы в роковое мгновение, изображение отчетливо зрительное, как бы живописное, хотя и созданное средствами словесного искусства.

Хочется найти сравнение с натурой и с другими образцами портретов, то есть с сооставными произведениями поэзии. Но это невозможно. Во-первых, никому из нас не известна «натура», долготрапное душевное состояние в дуэльной ситуации; во-вторых, имеющаяся систематика сюжетов мировой поэзии XIX века не дает по теме «дуэль» ровно ничего. Лермонтов, во многом обязанный

своей начитанности, литературной образованности, в таких случаях, как этот, исходил из живого опыта, не из книжного знания. Следовательно, мы поставлены перед необходимостью интерпретировать этот уникальный поэтический портрет, исходя из него самого.

В психологизме этого портрета (а психологизм здесь основное; черты лица, прическа, глаза, костюм совершенно не интересовали художника) имеется контрастная противоположность между внешним и внутренним началами. Смысл этих начал стягивается к двум ключевым словам, *удар* и *сердце*, которые нам и надлежит рассмотреть под «лингвистическим микроскопом».

Примем во внимание варианты чернового автографа:

Его противник хладнокровно
Наметил выстрел,

Сошлись, противник хладнокровно
Навел удар... надежды нет...

Первоначальное *выстрел* уступило место окончательному *удар*. Зачем понадобилась эта замена? Обыденное сознание (оно зафиксировано в переводах стихотворения на другие языки) подразумевает, что наведен пистолет или, если мыслить метонимически, выстрел из этого оружия. Однако пистолетный выстрел не принято называть ударом. Допустим, что его могли так называть в офицерской среде, откуда далеко не каждый жаргонизм попал в тексты, на которых основывается академический словарь русского литературного языка. Допустим даже, что в данном поэтическом контексте функция такого жаргонизма — это характеристика самого Дантеса, почти что его прямая речь. Но трудно представить себе, чтобы жаргон мог проникнуть в столь патетическое стихотворение, что поэту в такой момент могло изменить чувство стиля. Гораздо больше оснований предположить другое. Синтаксическое соседство *спасенья*, слова, имевшего в эту эпоху философское содержание и унаследованного из церковнославянского языка, дает возможность догадываться, что *удар* — это недосказанное *удар судьбы*, сделанный рукой ничтожного, мало что понимающего Дантеса.

Причинность событий и так называемая судьба занимала умы многих. Дуэлисты и карточные игроки поколения 1830-х годов свою жизнедеятельность имели обыкновение связывать с проблемой фатализма. Тем самым они основывались — иногда сами того не подозревая — на учении очень древнем, получившем свой окончательный вид в философии Шеллинга, находившего, что возможны только три философские системы — фатализм, субъективный ате-

изм и религия, при этом фатализм исходит из того, что все без исключения события predetermined неотвратимой, слепой судьбой. Хорошо известно, что убийцы Пушкина и Лермонтова на старости лет объясняли свою роль убийц тем, что они всего лишь являлись невольным орудием судьбы.

В таком контексте глагол *наводит* имеет значение отнюдь не стрелковое. Так в фольклоре *наводят* порчу. И вместе с тем в силу многозначности глаголу *наводит* присуща своя роль в том, что мы как бы видим позу убийцы, во весь рост, анфас, медленно, спокойно поднимающего руку с пальцем на курке. Магия слова, поэтическое *наваждение*! В черновике стихотворения был *противник*, в окончательном тексте — *убийца*. Разница огромна, не каждый текст выдержит такую замену. К примеру, ее не выдержал бы известный пассаж из пушкинской повести «Выстрел», содержащей описание кишиневской дуэли Пушкина с прапорщиком Зубовым: «Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника».

Если из третьего стиха вычленим фразу *сердце бьется ровно*, то это — нейтральное выражение, описывающее безмятежное состояние души и тела. Можно было бы сказать — превосходный медицинский факт, если не знать, что в эту минуту никто не проверял пульс и не прикладывал стетоскоп к груди человека, о котором идет речь. Эта же фраза в применении к некоему гвардейскому офицеру николаевской эпохи, изготовившемуся к выстрелу на дуэли, обретает новый смысл, она означает, что далеко не все спокойно, поэт дуэлист спокоен, что дуэлист, хотя мы его и не знаем, — настоящий гвардейский офицер, каким ему и положено быть. Если же нам становится известным, что дуэлист — действительно гвардейский офицер, но он перед этим тяжко оскорбил фамильную честь человека и теперь готов застрелить его на дуэли, причем его мишенью является Пушкин, то эта же фраза характеризует дуэлиста Дантеса именно так, как отозвался о нем Лермонтов: «Я презираю таких авантюристов — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети» (Лермонтовская энциклопедия, с. 126).

Однако непосредственно из контекста рассматриваемого четверостишия ничего этого мы «не знаем». А знаем самое страшное — из запятого эпитета к *сердцу*, начинающего стих:

Пустое сердце бьется ровно.

Пустое сердце — троп редчайший и означающий не всегда одно и то же. В Словаре русского литературного языка имеется цитата из незавершенного тома «Архива братьев Тургеневых»: «Сладостный луч надежды проникает в пустое сердце мое, и я оживаю»

(т. 11. М.—Л., 1961, с. 1716). Природа этой пустоты — другая, наше читательское чувство к человеку — совсем иное. В стихах Пушкина тоже есть признание, предназначавшееся для поэмы «Кавказский пленник»:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

1821

Эта пустота — уже в прошлом. В настоящем человек страдает — значит, его сердце этим заполнено, оно переживает процесс облагораживания.

Великую загадку жизни человек издревле связывал с биением сердца, воображение наделяло этот чуткий комок материи такими свойствами, которые не имеют никакого отношения к данным науки о сердце — кардиологии наших дней. Соответственно этому язык строил удивительные метафоры, играющие важную роль в поэзии. О сердце человека и поныне можно сказать, что оно *доброе, горячее, пламенное, восковое, ретивое, золотое, львиное*. Или, наоборот, *злое, черствое, каменное, железное*, даже — по Далю — *воробьиное* (когда в ничтожном человеке кипучий нрав). В крайнем случае можно сказать, что такой-то человек — вообще бессердечный. *Пустое сердце* встретить в языке поэзии можно гораздо реже, чем его противоположность, *полноту сердца* — этим тропом увлекались многие романтики, особенно Новалис.

В чем же причина того, что из всех поэтических примеров на *пустое сердце*, которые удается выявить, единственно лермонтовский контекст производит жуткое впечатление?

Здесь художественное прозрение поэта поднялось над сомнительными, преходящими условностями светского дуэльного псевдоправа и раскрыло в прогремевшем на всю Россию выстреле 27 января 1837 года то, чем он является в своей вечной сущности — преднамеренным убийством.

Юристам приходится иметь дело с этим тягчайшим преступлением, но судят они об убийстве как-то извне, даже если до мельчайших, тщательно классифицируемых подробностей. Лишь сердцеведам-художникам дано вникнуть во внутренний — иногда очень сложный — мир злодея, распознать все, что в нем происходит в кровавый миг. Лермонтов назвал то, что было — холодную пустоту.

2. Посмертная маска

Человек ушел из жизни, навсегда. Остается память о нем. Поэтов помнят по их стихам. И все-таки поэт и его поэзия — далеко не одно и то же. Поэт — это личность, во всей полноте значений этого слова. Личность врезается в память своей внешностью, всегда неповторимой. Когда мы вспоминаем человека, перед нашим внутренним взором возникает его лицо.

За считанные дни до смерти Пушкин просил награвировать свой портрет на стали. Просьба была обращена к мастеру, резцу которого все мы поныне обязаны своими привычными представлениями о том, какой была внешность М. В. Ломоносова, А. С. Грибоедова и многих других великих русских. Это был гравер Н. И. Уткин. Заказ был выполнен, но этот офорт, датированный 1838 годом, признается не очень удачной вариацией знаменитого уткинского офорта 1827 года с портрета кисти О. А. Кипренского (Прищева Г. А. Николай Иванович Уткин. Л., 1983, с. 90—92); от последнего облика Пушкина он возвращает нас к времени, которое самому заказчику, надо полагать, казалось в 1837 году бесконечно далеким.

В день кончины Пушкина в дом были вызваны профессор скульптуры Академии художеств С. И. Гальберг и формовщик Балин, снявшие гипсовую маску с лица умершего. По скульптурному негативу было изготовлено примерно 15 масок первого отлива, они были розданы на память родным и близким. Сведения об этом опубликованы вместе с очень хорошего качества фотографией маски (Февчук Л. П. Посмертная маска Пушкина. — В сб.: Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962, с. 395—398). Здесь же объяснено и значение маски — она «дает представление об облике поэта в последние годы его жизни и сохраняет непреходящее значение первоисточника для последующей иконографии».

Чуткость ко всему, что с этим связано, не в последнюю очередь должна относиться к самому слову *маска*. Что же это такое, маска? Большой академический словарь русского языка объясняет: «5. Слепок из гипса или другого материала, снятый с лица человека... Франц. *masque*, от араб. *mashara* — насмешка» (т. 6. М.—Л., 1957, с. 656—657). Неудовлетворенность лаконичностью объяснения предмета дополнилась чувством неловкости от этимологической справки. Начнем разбираться заново!

Маска мученической смерти не может дать истинное представление об облике жизни, да еще во все последние годы сразу. Смерть преображает человека. Как соотносятся маска и живое лицо Пушкина, документировано записью В. А. Жуковского, при-

существовавшего при кончине: «Я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Что выразалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо!.. Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание... Никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли...»

Я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось» (Жуковский В. А. Соч., т. 3. М., 1980, с. 509—510; ср. гексаметры «А. С. Пушкин» — т. 1. М., 1980, с. 316—317).

Примечательно, что Жуковский признался в неумении сказать словами то, что он увидел. Выразить это неизреченное призвано изобразительное искусство. Посмертная маска — особый жанр изобразительного искусства, самый реалистический и самый одухотворенный. Изготовление маски — только начало творческого акта скульптора, завершается этот акт созданием скульптурного образа. Высший художественный результат наиболее вероятен — при прочих равных условиях, — когда скульптор знал изображаемого им человека в жизни.

Гальберг пережил Пушкина не надолго, но исполнить бюст поэта успел, это творение нашло у современников благодарное признание и стало классическим. Гальберг считался первым скульптором России, многие ставили его выше воспетых Пушкиным скульпторов Кановы и Торвальдсена. Знал ли он живого Пушкина? По этому вопросу высказывалась неуверенность (Временник Пушкинской комиссии 1970. Л., 1972, с. 101—102), но в отчете Академии художеств за 1836 год записано, что Гальберг работает над скульптурным портретом Пушкина (Пушкин и его современники, XXXVII. Л., 1928, с. 201). Работа над посмертной маской была для Гальберга большим художественным переживанием, единственным в своем роде переломным событием. Идея запечатлеть великое живое преобразовалась и дала образ вечности, мемориал. Конец жизни и началом вечности, границей между двумя безднами явилась маска. *«Бездна бездну призывает гласом хлябей своих».*

Издrevле искусство любило прием персонификации, он давал возможность выразить неизобразимое. Когда возникала необходимость изобразить бездну, рисовалось что? — Ее олицетворение,

в виде маски! (Lexikon der christlichen Ikonographie, Bd. 3. Freiburg, 1971, Sp. 234). Но каким словом она называлась?

Во французском языке слово *masque* обнаруживается не ранее 1511 года, тогда как в латыни *masca* найдена в лангобардском эдикте 643 года, со значением «волшебница, колдунья». В 680 году *masca* имеет в английской латыни значение «маска» (O. Bloch, W. von Wartburg. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1975, p. 395). Оба смысла не так уж далеки друг от друга: существует обширная этнологическая литература, зафиксировавшая магические функции маски в верованиях и обрядах многих народов мира. *Masca* — это изначально сеть, в которую закутывали покойника перед погребением, она должна была не пускать его обратно к людям; затем этим словом стали называть воображаемого выходца с того света, и наконец — лицо этого существа (G. Meinen. Sinn und Gestalt der Maske.— *Antaios*, Bd. 11. Sonderheft «Maske». Stuttgart, 1969, S. 138).

В романской филологии есть тенденция считать *masca* словом долатинским, то есть принадлежащим языку исчезнувшего народа этрусков, обитавшего на Апеннинском полуострове до римлян. Этруски имели обычай изготавливать посмертные маски, это стало одним из источников высокого портретного искусства римских скульпторов (H. Drerup. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern.— *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*, Bd. 87. Rom, 1980, S. 81—129). По другой гипотезе, *masca* происходит, через посредство цезарсвидетельствованного прилагательного **massica*, от существительного классической латыни *massa* «тесто» (Le Robert, t. 6. Paris, 1985, p. 284), что как раз совпадает с фактом изготовления масок из гипсового теста, если оставить без рассмотрения бездонный выход в такое значение *massa* как «первичная материя, хаос» — в языке Овидия.

Посмертная маска Пушкина была и остается тем, что хоть однажды видит каждый любящий творчество зрелого Пушкина, и уж во всяком случае без нее не обходится ни один художник, работающий над созданием живописного или пластического образа поэта. Понимание, герменевтика маски — проблема, где в совместные раздумья включается филолог.

Иллюстрация с ксилографии Н. Я. Павлинова

„Затемнена некоторыми облаками...”

Из наблюдений над языком
пушкинской прозы

С. А. ФОМИЧЕВ,
доктор филологических наук

Приступая в 1821 году к первому «капитальному» прозаическому произведению — автобиографическим запискам, — Пушкин прежде всего попытался определить особенности языка прозы, не находя в современной литературе достойных для себя образцов: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 7. Л., 1978, с. 12—13; в дальнейшем цитируется это издание, авторский курсив сохраняется, разрядка — наша).

Этому завету писатель всегда оставался верен. «Пушкинская проза гола как-то», — замечал Л. Н. Толстой, имея в виду ее неприязнительность, ее чуть ли не протокольную сухость. Однако такое впечатление обманчиво. Повествование у Пушкина только на первый взгляд просто, в нем постоянно пульсирует некое интеллектуальное напряжение. Оно свежо, потому что парадоксально, или, по-пушкински, остроумно — в соответствии с его собственным определением: «Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения» (VII, 98).

Такое определяющее качество пушкинской прозы становится особенно очевидным, если мы обнаруживаем ее полемическую на-

правленность — ее, от противного, высветление понятий, то ли неумело, то ли нарочито затемненных, перевернутых.

Чрезвычайно характерен в этом отношении портрет Грибоедова, воссозданный в «Путешествии в Арзрум»:

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение ваше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью, уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (VI, 451—452).

Парадоксальность первого абзаца — в соотношении кажущегося и сущего; здесь контекст — бытовой, равно для Грибоедова, На-

полеона и Декарта. Далее — качественный перелом, арена — историческая, стремительное повествование о нарастающих успехах героя, обрываемое просветленно трагической кодой. И наконец, последний абзац, отчетливо ориентирующий пушкинский текст на иное жизнеописание Грибоедова.

Дело в том, что «биография» автора «Горя от ума» — и пушкинские читатели знали это! — уже появилась в печати: в первом номере журнала «Сын отечества» за 1830 год «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» поспешил опубликовать небезызвестный Ф. В. Булгарин. О реакции современников на эту бестактную выходку мы можем судить хотя бы по письму М. И. Загоскина к Н. И. Гнедичу от 14 января 1830 года: «Ты, я думаю, читал биографию Грибоедова, написанную автором «Выжигина» — по мне — умора! Он, потеряв Грибоедова, осиротел навеки! Фаддей Булгарин осиротел навеки!! Ах, он собачий сын! Фаддей Булгарин был другом Грибоедова, — жил с ним повою жизнью!! — как не вспомнить русскую поговорку, в которой говорится о банном листе».

Между тем Булгарин и позже не уставал подчеркивать свои дружеские отношения с погибшим писателем. Об этом он постоянно «проговаривался» на страницах своей газеты «Северная пчела». А в начале 1835 года из печати вышла первая часть булгаринского романа «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни», где тень Грибоедова опять была потревожена в образе одного из персонажей:

«Александр Сергеевич Световидов принадлежал к хорошей и старинной дворянской фамилии (...) В юности Световидова пример родителей и недостаток нравственного образования едва не увлекли его на стезю порока и едва не свергнули в бездну разврата, если бы сила ума его и характера не удержала его (...) В короткое время Световидов прошел все вопреки соблазна и испытал все буйные наслаждения. Но вскоре он опомнился, почувствовал пустоту в сердце и вышел в отставку. Одно неприятное приключение в столице, которое он навлек на себя остатками своих гусарских привычек, заставило его удалиться от света. Семь лет он прожил в уединении, с книгами и с собственным сердцем, вычерпал, так сказать, всю книжную мудрость и, процедив ее сквозь здравый рассудок, сделался истинным философом, сохранив при том всю любезность светского человека.

Природа наделила его удивительною памятью и необыкновенным даром убеждения (...) Он имел от природы этот, так сказать, сверхъестественный дар, эту симпатическую силу очаровывать сердца одним взглядом и заставлял верить себе на слово. Привив-

легия истинного гения! Если б Световидов был брошен судьбою на поприще политической деятельности, он бы достигнул недосыгаемого величия. Он был рожден быть или Бонапартом или Магометом.

«...» Когда я познакомился с ним, ему было около тридцати лет от рождения. Он уже с полгода жил в Петербурге, собираясь путешествовать по Европе «...» Световидов часто рассуждал со мною о страстях и пороках, бытующих в свете, подобно вихрям в море, и угрожающих добрым кораблекрушением или задерживающих их в пути «...»

На «Записки Чухина» Пушкин намеревался откликнуться в «Современнике» краткой рецензией:

«Г-н Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по-видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина нимало не уступает его прежним» (VII, 222).

Язвительная эта реплика в пушкинском журнале не появилась — может быть, потому, что в первом номере его было напечатано «Путешествие в Арзрум», где в кратком жизнеописании Грибоедова Пушкин уже откликнулся на этот роман — на основное в нем, что требовало опровержения.

Нельзя не заметить, что Пушкин сознательно повторяет в своем очерке ряд деталей, намеченных и в болгаринском рассказе о Световидове. Там герой сравнивается с Бонапартом — Пушкин вспоминает Наполеона, но для того, чтобы обронить апофегию (сентенцию), по виду вполне простодушную, а на деле прямо целящую в прилипчивых к славе болгаринных: «Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос».

Однако главное в другом. В традициях дидактического романа с его «нравственной тенденцией» болгаринский Световидов проходит обычный путь от «заблуждений юности» и «разврата» (разврат же, по толкованию «Словаря Российской академии», — это «лжеучение, противное закону, вере или истине») к раскаянным рассудка и становится благонамеренным «порядочным человеком». Для Пушкина же Грибоедов — истинный сын своего века, гениальные задатки проявивший в поэтической и государственной деятельности.

Важная деталь. Пушкин, вроде бы, вполне очевидно нарушает хронологию событий («...уехал в Грузию, где пробыл восемь лет...» — ср. у Булгарина: «Семь лет он прожил в уединении», — здесь более или менее точно, так как подразумеваются годы 1818—1825). Если даже ориентироваться на обозначенные самим Пушкиным веки: 1817—1824 (на самом деле Грибоедов уехал на Восток в 1818 году, а в Москву возвратился в 1823-м), — то и тогда хронология не сходится. Она станет точной, если мы поймем, что весь второй абзац обобщенно характеризует у Пушкина второй, «действительный» период биографии Грибоедова — вплоть до его гибели в самом начале 1829 года: именно тогда он провел на Востоке (в Грузии и Персии) действительно около восьми лет, учитывая длительный отпуск 1823—1825 годов (а то, что Грибоедов в 1825 году был еще в Петербурге, Пушкин хорошо знал по переписке с петербургскими друзьями), полугодовое пребывание в Петербурге в 1826 году в связи с арестом по подозрению в принадлежности к тайному обществу и трехмесячное пребывание в столице в 1828 году (в эти дни Пушкин встречался с ним постоянно, именно тогда в полной мере оценив его личность).

Данные выкладки совершенно необходимы, чтобы правильно осмыслить фразу о «некоторых облаках», открывающую весь второй абзац. Лишь на первый взгляд за этими словами скрывается тот же намек, который мы находим в булгаринской характеристике Световидова, — на «одно неприятное приключение в столице», то есть на участие Грибоедова в нащумевшей дуэли Завадовского с Шереметьевым в конце 1817 года. Странно, что Пушкин с его лаконичной манерой письма второй раз возвращается к одному событию: ведь и подозрение в трусости Грибоедова, о котором Пушкин упоминал выше, было связано с досужими сплетнями по поводу той же дуэльной истории. Но если и упоминание об «облаках» о том же, тогда всю эту пушкинскую фразу, очевидно, можно было бы истолковать следующим образом: жизнь Грибоедова была потому «затемнена некоторыми облаками», что «пыльные страсти» друзей (Пушкин знал, что Грибоедов здесь был лицом посторонним) привели к смертельному столкновению, в котором Грибоедов был принужден участвовать по законам дворянской чести (повинуясь «могучим обстоятельствам»). Но поставив в данном отношении все точки над *i*, мы не можем не поразиться, насколько напыщенной и вялой оказывается пушкинская метафора (и это при исключительной редкости метафоры в пушкинской прозе!).

Как известно, Пушкин был непримиримым противником цветастых перифраз. «Эти люди, — замечал он про современных про-

запков,— никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр.» (VII, 12). Если метафорические обороты в пушкинской прозе и встречаются, то они всегда — своеобразный смысловой курсив: предупреждение читателю о необходимости поразмышлять, понять точное значение тщательно отобранных писателем слов. Необходимо и в данном случае проверить смысл пушкинских определений, обратившись к привычному для него словарю. Читаем: «пылкость тогдашних чувствований» (о конце 1810-х годов — см. VII, 209), «чувствительный и пылкий Радищев» (VII, 243), «пылкой его души» (VII, 285 — о молодом Вольтере). Как видим, для Пушкина «пылкость» — примета души незаурядной, отважной (ср. в монологе Чацкого: «Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?»). А «обстоятельства» — к тому же «могучие»? О «силе обстоятельств» Пушкин вспоминал обычно в связи с историческими судьбами тех или иных явлений: «Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: пашествие мавров и крестовые походы» (VII, 25).

В 1826 году Пушкин по прямому поручению Николая I пишет записку «О народном воспитании», где пытается дать свое понимание причин, породивших революционное выступление декабристов: «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий» (VII, 30) — и далее цитирует царский манифест о происшествиях 14 декабря 1825 года: «Не просвещению, но праздности ума <...>, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник б у й н ы х с т р а с т е й» (VII, 34). Думается, именно в этих (вынужденно благонамеренных) пассажах мы находим наиболее точные ориентиры для толкования ключевой фразы в пушкинской характеристике Грибоедова — как иначе мог бы сказать он о дружеских связях Грибоедова с декабристами, о его аресте в 1826 году? А сказать об этом в «Путешествии в Арзрум» было просто необходимо! Вспомним, что напечатано оно в пушкинском «Современнике», открывавшемся его же стихотворением «Пир Петра Первого», которое было отважным призывом о «милости к падшим». Тема эта варьировалась в других материалах журнала и прежде всего — в «Путешествии в Арзрум», где впервые в русской литературе было рассказано о судьбе многих осужденных декабристов: о В. А. Мусине-Пушкине, М. И. Пущине, Н. Н. Семичеве, В. Д. Сухорукове, П. П. Коновницыне и др. (в журнальном тексте их фамилии были обозначены начальными буквами). Только в таком контексте становится понятным появ-

лению в «путевых записках» развернутой характеристики Грибоедова, славного представителя декабристского поколения, личности, по мысли Пушкина, в полной мере состоявшейся, — к славе отечества. «Могучие обстоятельства» и «пылкие страсти» лишь на время затемнили его судьбу «некоторыми облаками», но сколь многое сумел он совершить! Неужели «Наполеонами, не командующими ни одною егерскою ротою» останутся его духовные братья, томящиеся в «мрачных пропастях земли»?

В том же ключе прочитывается и несколько неожиданное определение качества грибоедовского ума: «его о з л о б л е н н ы й ум» (ср., по-пушкински контрастные, смежные упоминания о «меланхолическом характере» и «добродушии»). В словаре Пушкина этот эпитет также обычно характеризовал человека, активно недовольного современным состоянием общества. «Я был озлоблен, он угрюм» (V, 24), — замечал поэт в первой онегинской главе, противопоставляя охлажденного Онегина и пылкого автора, а в седьмой главе сочувственно вспоминал два-три романа, «в которых отразился век и современный человек (...) с его о з л о б л е н н ы м у м о м, кипящим в действии пустом» (V, 129). Тот же эпитет в пушкинском упоминании: «озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков» (VII, 53) — в связи с этим замечанием уместно вспомнить сохранившееся А. Н. Вульфом пушкинское обещание: «Я непременно напишу историю Петра, а Александрову — пером Курбского».

«Определяйте значение слов» (VII, 161) — вслед за Декартом призывал Пушкин, и неоднократно сам занимался этим, показывая, к каким недоразумениям приводит неточное понимание обыкновенных слов. Примером здесь могут служить пушкинские комментарии к некоторым народным пословицам: «*На посуле как на стуле*. *Посул* — церковная дань, а не *обещание*, как иные думали; следовательно, пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле»; «*Не твоя печаль чужих детей качать* — не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь*»; «*Кто в деле* (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве)» (VII, 365 — ср. сходное с последним замечанием в пушкинском отзыве о романе Загоскина «Юрий Милославский» — VII, 73).

Пушкинское предупреждение всегда важно помнить при осмыслении языка его прозы, ясного и точного «языка мыслей».

„Вот счастье! вот права...“

А. Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Читатель, воспитанный на сложнейших метафорических и ритмических построениях лирики XX века, не всегда способен воспринять во всей полноте даже самые простые стилистические приемы поэтов минувшего столетия, ибо рассчитаны они на свободное владение «культурным языком» той эпохи, прочно и основательно забытым ныне. А поскольку «приемы» всегда так или иначе воплощают тончайшие оттенки смысла, постольку образуются лакуны и в нашем понимании некоторых текстов. И здесь на помощь читателю приходит лингвистический анализ.

Попробуем прочитать одно из самых поздних, итоговых, пушкинских стихотворений — «Из Пиндемонти» (1836 г.) — сквозь призму жанровых традиций XIX в.; возможно, это позволит нам лучше разобраться и в его смысловых глубинах.

Но сначала вспомним, что к 1830-м годам история *собственно жанровой* лирики в целом завершилась; на первый план вышло стремление выразить поэтическую индивидуальность автора во всей ее полноте и стихийной непредсказуемости. В стиле, в языковом строе произведения превыше всего стали цениться «смещения» поэтических клише, «остраннение» их. В том числе и жанровых клише, разумеется. Однако Пушкин, если позволительно так выразиться, был художником «хозяйственным» — он не порывал безоглядно с тем в истории культуры, что выполнило свое предназначение и завершило самостоятельный цикл развития. Напротив, он вступал с такими литературными реалиями в сложное сотрудничество на новых основаниях. Поэт очень хорошо понимал, что сказать «золотые дни», — значит, просто воспользоваться штампом, а вот написать «золотые ночи» — подчинить лексический штамп собственной творческой воле, заставить «работать» его на свой замысел.

Нечто подобное произошло и с классическими жанрами лирики — элегией, одой, идиллией, сатирой, посланием и т. п. Не разрушая их, но и не «преклоняясь» перед их поэтическим авторите-

том, Пушкин воспользовался их стилистическим фоном для решения глубоко индивидуальных, внежанровых задач. Ему достаточно было переключки, «отсылки» к канону какого-либо из жанров в тексте своего стихотворения, чтобы *напомнить* читателю о том, как та же самая проблема решалась, скажем, в элегии или в оде. Броская отчетливость сатирически язвительного осмеяния; медлительная расслабленность элегической меланхолии; рациональная величественность одического восторга — эти и другие жанровые приметы трудно спутать. И, вспомнив их, читатель начинает сравнивать, а, сравнив, глубже и эмоциональнее воспринимает художественное и этическое решение «своего» поэта! При этом «отсылка» может быть и несколько; тут возможна «игра» жанрами; игра, которая способствует серьезному духовному взаимодействию поэта и читателя.

Именно с таким случаем «жанрового отнесения» мы и сталкиваемся в медитативном стихотворении «Из Пизидемонти»:

Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Все это, видите ль, *слова, слова, слова.*
 Иные, лучшие мне дороги права;
 Иная, лучшая потребна мне свобода:
 Зависеть от властей, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними. (...)

Прервем цитату, приведенную, так же, как и все дальнейшие ссылки на Пушкина, но изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в XVII тт. М.—Л., 1937—1949. Тем более, что Пушкин, разбив здесь строку надвое, обозначил конец одной темы и начало другой.

Стилистический ореол первой части стихотворения напоминает нам о языковом строе современной Пушкинскому стихотворной сатиры. Явственный сатирический «заряд» несут в себе обороты «отказали боги», «оспоривать налоги», «свободно ли печать»; не подлежит сомнению жанровая огласовка слов «ропщу», «цензура», «стесняет»; наконец, создается впечатление, что Пушкин *сознательно* перечисляет устойчивые мотивы сатиры: обличение налоговой системы, военной политики, требование свободы слова...

Но ясно, что Пушкин, в отличие от многих, использует сатирическую лексику и интонацию отнюдь не в жанровых целях; с этим спорит все содержание высказывания; потому-то в самом

начале стихотворения стоит отрицательная частица *не*, как минус перед формулой, взятой в скобки; потому-то «права» названы «громкими», возвышенное выражение «в сладкой участи» употреблено по отношению к сниженному «оспоривать налоги» и т. д. В результате возникает эффект прониц, с помощью которой Пушкин отрицает отрицающий пафос сатиры. Уничтожающая ирония, с которой — как с меркой — подходит к жизни сатирик, сама уничтожается иронией: «Все это, видите ль, слова, слова, слова...». По словам А. Д. Григорьевой, перед нами — «серия перифраз, признанных иронией» («Язык лирики Пушкина 30-х годов». — В кн.: Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов. М., 1981, с. 206). Первая часть стихотворения — это, по сути, «минус» — сатира, или, иначе говоря, жанр, опровергнутый его же собственными средствами.

Но случайно ли Пушкин использует стилистический пласт этого жанра как «знак» отрицательного, неглубокого подхода к жизни? Стоит ли за этим только чисто формальное намерение мастера или философская, этическая позиция поэта? Очевидно, все же второе.

В самом деле, в статье «Александр Радищев» (написанной чуть раньше, чем «Из Пиндемонти») Пушкин не раз употребил слово «сатира»: «сатирическое воззвание к возмущению»; «эти горькие возмутительные сатиры» (XII, 33). Некоторые выражения, к которым Пушкин прибегает в полемических целях — «горькое злоречие», он «поносит власть господ как явное беззаконие», «старается раздражить» ее (XII, 36) — явно связаны с традиционным для того времени пониманием жанра сатиры. (Вот определение, данное одним из теоретиков той поры Н. Ф. Остолоповым: «Сатира есть речь в стихах, или поэма, в которой открыто восстают на человеческие пороки, заблуждения и странности». — Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821, ч. 3, с. 76.)

Более того, поэт упрекает Радищева за то, что он «злится на цензуру», ибо лучше было бы «потолковать о правилах, копии должен руководствоваться законодатель, дабы <...> мысль, священный дар Божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своеправной управы» (XII, 36), — то есть фактически повторяет один из мотивов «Из Пиндемонти». Очевидно, что, споря с Радищевым, Пушкин вовсе не призывал отказаться от критики существующего строя и сурового анализа человеческих пороков, но указывал на главную цель любого отрицания: *утверждение новой истины*. Вот почему все, связанное с однозначным отрицанием, в пушкинскую модель бытия не входит и изгоняется вон, — даже если «жалкий дух сомнения и отрицания» (XII, 101) воплощен в

такой безобидной и сугубо литературной форме, как сатирическое осмеяние.

Интересно заметить, что в книге итальянского философа и общественного деятеля Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека. Наставление юноше» (СПб., 1836), которую Пушкин читал и восторженно рецензировал для своего журнала «Современник» в те же месяцы, когда работал и над процитированными статьями, и над стихотворением «Из Пиндемонти», можно обнаружить аналогичные высказывания: «страсть, столь многим свойственная, негодовать на беспорядки общества, а может быть и мнение, что следует нарочно их преувеличивать, дабы они скорее были исправлены, возбуждало некоторых людей» (с. 84). Или: «в припадке злобы сатирической» (с. 36).

Но для позднего Пушкина было немыслимо просто «разоблачить» ошибочную позицию своего «жанрового оппонента»: нет, он всегда стремился указать на иное, истинное и глубокое мироощущение, то есть воплотить в тексте свой идеал. Именно поэтому уже в первой части «Из Пиндемонти» появляется двустишие, как бы «выпадающее» из стилистического и эмоционального настроения окружающих его строк: «Иные, лучшие мне дороги права; / Иная, лучшая потребна мне свобода <...>»

Это двустишие в содержательном плане «расслаивается» на два высказывания, обращенные к двум несхожим собеседникам: незримому оппоненту и читателю-другу. Во-первых, сатирику поэт указывает на ограниченность, мелочную ничтожность его притязаний (ну что значат буржуазные *права и свободы* в сравнении с «иными, лучшими» *правами творческого отношения к жизни и свободой*, понимаемой как *состояние человека и мира?*..). Во-вторых, перед «своим» читателем разворачивается перспектива «иных, лучших» устремлений, раскрывающих его истинное предназначение.

И вторая часть стихотворения завершает духовную работу по утверждению этого идеала:

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрея
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствам и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

Вот что интересно: если в первой части поэт все свое насмешливое внимание сосредоточивал на событиях внешнего мира, даже еще уже — на отношениях к проблемам политического устройства, —

то во второй — его интерес перемещается на личность, на человеческое «я». И это смещение интереса самым непосредственным образом сказывается на стиле стихотворения, в котором обнаруживаются новые черты.

Вслушаемся в торжественный голос Пушкина, постараемся до конца понять его мысль и способы ее языкового выражения; он как бы говорит нам: дело не в том, что человека *заставляют* гнуть шею (хоть это и отвратительно), а в том, чтобы ему *самому* «для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» (ведь это втрое отвратительно!). Дело не в том, что нас отчужденно *окружает* прекрасный мир природы, а в том, что мы наделены способностью *дивиться* «божественным природы красотам», принимать их возвышенный образ в *свое* сердце. Дело, наконец, не в том, что гениями *создано* множество произведений искусства, а в том, что человек может *сознательно* радоваться им, «трепеща <...> в восторгах умиления». (Кстати, возможно, прямой источник этой строки — книга «Мои темницы. Записки Сильвио Пеллико», изданная в Петербурге в 1835 году. Читаем: «Я пошел за ним в присутственные места, трепеща от радости и умиления»; цитата, разумеется, дана в том переводе, который читал Пушкин). Для сатирика главное — заметить недостатки внешнего по отношению к нему мира. Для Пушкина главное — в себе самом, в совести своей утвердить нравственное начало, научиться видеть в действительности то, что составляет ее высшие проявления, искать всюду не тьму, но — свет. Свобода личного поведения может быть «обеспечена» только глубиной и силой личной ответственности.

И вполне естественно завершение стихотворения на высшей точке утверждающего восклицания: «Вот счастье! вот права...». И теперь Пушкин уже не спорит с сатириком, а как бы и его призывает разделить свою радость от не нарушенного ничем единства с бытием, подсказывает ему новый, не сатирический (разоблачающий), а жизнеутверждающий идеал творчества.

Обратим внимание, однако, на интонационный и речевой строй второй части «Из Пиндемонти». Медлительное течение речи успешно тем, что все высказывание (начиная со слов «Никому Отчета не давать <...>» и до конца) слито в одно предложение, каждая из последующих частей которого (отделенная точкой с запятой) эмоционально более значима, чем предыдущая. Первое условие «глубинной» внутренней свободы — «никому отчета не давать», второе — если и угождать, то лишь своему духовному «я»; для этого необходимо преодолеть зависимость от «власти и ливреи»; только тогда откроются человеку два «мира», где царствуют истинные гармоничные отношения — природа и культура, и объединяет их — к р а

с о т а, воплощающая в себе царство подлинной свободы. Вот оно, «имя» пушкинского идеала! С красотою несовместима дисгармония — общественная, личностная и даже... стилистическая.

«Утвердительный» пафос второй части «Из Пиндемонти» ни в коей мере не противоречит оттенку грустной мечтательности. Провозглашаемый идеал пока еще не осуществлен; не случайно в последнем полустихии многоточие подчиняет себе восклицательный знак. Тем самым восторженность уступает место медитативности. Все это создает интонационную отсылку к жанровому канону медитативной элегии; но именно отсылку. Элегией в полном смысле слова стихотворение не становится. Этому мешает, во-первых, «антисатирическая» первая часть и, во-вторых, *целесолагающая* направленность части второй.

И это тем более удивительно, что пушкинская эпоха в лице своих теоретиков выдвинула концепцию элегии или как исключительно «унылого» жанра («Елегия, следуя истинному словопроизведению, есть поэма, посвященная слезам и жалобам». — Остолопов Н. Ф. Указ. соч. ч. 1, с. 356), или как жанра, разрешающего в чувстве меланхолии противоположные ощущения радости и печали, — то есть стремится «воспевать блага, которых лишаемся» (Галич Л. И. Опыт науки изящного. СПб, 1821, с. 33). Как бы ни были несовместимы эти определения, они едины в одном: в том, что элегической медитации противопоказана *целесолаженность*, составляющая суть второй части пушкинского стихотворения. И есть все основания полагать, что Пушкин сознательно соотнес ее с каноном медитативной элегии, — не для того, чтобы «поспорить» с жанром вообще, а для того, чтобы развенчать свое собственное унылое умозаключение, столь блистательно воплощенное в ранней (1817 г.) элегии «Безверие». Герой ее — «несчастный», который «первого лишился утешенья» — разочаровался в вечном измерении бытия и бродит, уединившись, там,

(...) где илестый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени (...)

Этому пейзажу удивительно близко описание природы в стихотворении «Когда за городом задумчив я брожу» (1836 г.), которое создано почти одновременно со стихотворением «Из Пиндемонти» и, более того, входит с ним в один — «каменноостровский» — цикл! Но когда мы продолжаем чтение элегии «Безверие», наше удивление возрастает еще больше. Оказывается, здесь есть несомненные текстуальные параллели со второй частью «Из Пиндемонти»:

Напрасно в пышности свободной простоты
 Природы перед ним открыты красоты (<...>

Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
 С досадой тихому внимают он моленью.

Сходство со строками «По прихоти своей скитаться здесь и там, Дивясь божественным природы красотам, И пред созданьями искусств и вдохновенья Тренеща радостно в восторгах умиленья (<...>» настолько очевидно, что сомневаться во внутренней перекличке двух этих стихотворений не приходится. Но это перекличка совершенно особая, основанная на *диссонансе*, на отталкивании от давнего опыта, на *споре с самим собою*. Если *тогда* главным было эгегическое слово «напрасно», то *теперь* смысловым центром высказывания стала сама его категорическая императивность. Ибо, когда решены основные вопросы духовной жизни, тут уж не до эгегической безысходности: «Вот счастье! вот права...» Иными словами, содержание не только канонической сатиры, но и канонической элегии не совпадает с жизнеутверждающим, гармонически светлым взглядом на мир. А ведь именно таким взглядом, как мы доподлинно знаем, отличался Пушкин. Поэтому он «построил» здание своего медитативного стихотворения «Из Пиндемонти» как бы на двойном фундаменте, на пересечении двух стилистических (а, значит, — содержательных!) традиций, ни к одной из них окончательно не примыкая, и преодолел жапровую узость сатиры и элегии, побеждая подобное — подобным.

Остается ответить на вопрос: поняли бы мы смысл этого стихотворения вне связи с культурным «языком» эпохи? Разумеется, ибо великий Пушкин умел во временном осуществлять вечное, частному придавать масштаб всеобщего. Но лирическая поэзия, даже самая философская, все же не сводится к непосредственному смыслу высказывания. Многое, слишком многое в ней «держится» на тончайших оттенках содержания и формы. И как раз эти смысловые оттенки, составляющие суть лирики, помогает нам выявить и сопережить лингвопоэтический анализ, раскрывающий, если воспользоваться выражением А. Д. Григорьевой, «лексический состав анализируемого произведения» как «непосредственно несущий смысл в эмоциональную окрашенность содержания».

„Язык — стихия писателя“

А. Н. СТАРКОВ,

кандидат филологических наук

«Художественная литература — это искусство слова. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя.

Мы знаем хорошие произведения литературы с несовершенной или даже плохой композицией. Но хорошего произведения с плохим языком быть не может».

Эти слова из речи К. А. Федина на Втором Всесоюзном совещании молодых писателей (март 1951 г.) достаточно известны. Известно и то, что Федин оставил после себя немало работ, посвященных слову и жизни слова в художественном произведении. В их числе — «К дискуссии о языке» (1933), «О мастерстве» (1951), «О книге академика В. В. Виноградова» (1960) и др.

В нашей статье на материале сравнительно недавно опубликованных писем Константина Федина, его дневников и записных книжек предприятия попытка показать, в чем состояло своеобразие подхода писателя к языку и стилю художественных произведений. Высказывания Федина о языке своих коллег-писателей, отличающиеся неллицеприятным, деловым, но в то же время доброжелательным тоном, выходят за рамки личных, вкусовых пристрастий и служат примером вдумчивого, бережного отношения признанного мастера к отечественной письменной речи.

Еще в 1930 году, отвечая на вопрос анкеты журнала «Литературная учеба» о писательском труде, Федин признавался:

«Самое трудное для меня — работа над словом. Чем руководюсь я, предпочитая одно слово другому? Во-первых, слово должно с наибольшей точностью определять мысль. Во-вторых, оно должно быть музыкально-выразительно. В-третьих, должно иметь размер, требуемый ритмической конструкцией фразы. Трудность работы состоит в одновременном учете этих трех основных требований. К ним надо прибавить два других, не менее сложных: в авторской речи надо избегать частых повторений одного и того же слова и нельзя употреблять изношенных, вульгарных, мнимокрасивых слов...

Борьба за новое слово для меня заключается в постоянном обновлении фразы путем бесчисленных сочетаний тех самых «обыкновенных», «некрасивых» слов, которые усвоены нашей живой

речью и литературой» (Федин Конст. Собр. соч. в двенадцати томах. Т. 9. М., 1985, с. 294—295; далее цитируется это издание с указанием тома и стр.).

Было бы наивным, конечно же, рассматривать сегодня это давнее признание как некое «кредо», неукоснительно соблюдавшееся Фединым на протяжении четырех с лишним десятилетий последующего литературного труда.

Выступивший в 1930 году против частого повторения одного и того же слова в авторской речи, Федин спустя два десятка лет, встретив в рассказе Л. Толстого «Дьявол» фразу «И, Боже мой, с какой прелестью рисовало ему ее его воображение», — запишет в записной тетради «О, Слово!»: „Ему ее его“ — это не небрежность, не нарочитость, не обдуманная грубость речи, а только простота. Так говорится в жизни, когда не изыскивают форму, а заботятся только о передаче душевного состояния, о выражении мысли» (Дружба народов, 1986, № 5, с. 257).

Стремившийся в начале 30-х годов к тому, чтобы слово «с наибольшей точностью определяло мысль», Федин всего лишь через десять с небольшим лет, процитировав слова А. Толстого «посвящает водяным голосом иволга» (роман «Хождение по мукам»), невольно скорректирует прежнее высказывание: «Точность и ясность языка являются задачей всей жизни писателя. Но точность искусства не одинакова с точностью грамматики... Водяной голос — это неточность. Но на таких неточностях стоит искусство» (т. 9, с. 111).

Так само время, собственный обогащавшийся с годами творческий опыт заставили писателя отказаться от излишней «жесткости» некоторых давних формулировок. Однако в главном взгляды Федина на язык художественной литературы остались, разумеется, неизменными.

Весьма показательна, с точки зрения более детальной характеристики этих взглядов, переписка писателя с академиком В. В. Виноградовым. Заметивший сам о себе (в письме от 31 декабря 1955 г.): «...я совсем не литературовед и, если существует „менее“, чем „совсем“ — еще менее лингвист» (т. 11, с. 369), — Федин однако не мог не откликнуться подробным письмом на просьбу Виноградова поделиться мыслями в связи с предполагавшейся в то время организацией журнала «Русский язык» (речь идет о журнале «Русская речь», начавшем выходить в 1967 году. — А. С.)

«Журнал, посвященный русскому языку, — решительно поддерживает он В. В. Виноградова в письме от 4 августа 1956 года, — на мой взгляд, очень нужен и нашей науке, и литературе, и обширному кругу читателей. О таком журнале можно сказать, что он сегодня

ня не вполне своевременен только потому, что его надо было основать давным давно.

Говорить о языке как первооснове культуры излишне. Но объем задач в области русской лингвистики особенно велик вследствие того, что наш язык — общегосударственный и международный, им обеспечивается прочная общность наций внутри Советского Союза и он — сильнейшее орудие связей советской культуры с зарубежными. Русское языкознание, в силу исторических условий, призвано не только продолжить исследования своего предмета, начатые в прошлом, и обобщить их результаты, но еще и пристально изучать, в каких формах отражается на жизни языка повое сознание общества, порожденное новым общественным строем.

Надо помнить, кроме того, что подъем культуры, вызванный обязательной у нас грамотностью и распространением просвещения, необыкновенно расширил круг людей, нуждающихся, так сказать, в постоянном языковедческом «авторитете». Я имею в виду, конечно, не любителей языковых забав или загадок, не высквиателей письменных оплошностей, курьезов речи, по людям, связанных работой, профессией, призванием с развитием русского языка, будь то литераторы, издательские редактора, журналисты, переводчики или педагоги, преподаватели речи, дикторы, наконец, и ученые далеких от лингвистики специальностей» (т. 11, с. 373—374).

Видя цель нового журнала, в первую очередь, в борьбе за культуру слова, Федин особо подчеркивал необходимость удовлетворения жажды знаний, бурно проявляемой самыми широкими кругами рядовых читателей, ищущих ответа на вопрос, как правильно говорить и писать: «Мне кажется, что в интересах сближения науки с жизнью... особенное внимание следовало бы обратить на вопросы нормативных правил, на разработку таких тем, как взаимодействие устной речи и литературного языка; лексика русских писателей и народные говоры, наречия, диалекты; традиция и поваторство в литературе; неологизмы, «словотворчество»; международная терминология; лексикография в связи с практикой составления и издания русских словарей и пр.» (т. 11, с. 376).

Журнал, способный решать эти задачи, считал Федин, будет полезным пособием и для массового читателя, и для лингвиста, и для писателя. Последнему журнал также должен быть необходимым как трибуна для обсуждения вопросов писательского мастерства в сфере языка.

Каковы основные причины, порождающие небрежность, приблизительность писательского слова?

Если отбросить в сторону элементарный непрофессионализм, эстетическую глухоту определенной и, кстати, весьма многочисленной категории людей, берущихся за перо и уже по этой причине считающих себя писателями, то приходится говорить, в первую очередь, о поспешности и недостаточно требовательном отношении к слову. Здесь Федин полностью разделял взгляды, высказывавшиеся задолго до него. «Слову свойственно выражать понятие,— писал он.— Но ему не свойственно непременно выражать его наилучшим образом. Здесь все решается качеством. И писатель обязан помнить, что при одном и том же идейном уровне двух произведений то из них имеет большую художественную ценность, в котором качество слова выше. Он обязан в своих произведениях стремиться к высшему качеству. Этого от него требует литература, читатель, эпоха» (т. 9, с. 312).

Говоря как об одном из главных слагаемых успеха художника о необходимости постоянной, не знающей поблажек работы над словом, Федин прекрасно понимал, что существуют еще и природный талант, и большая или меньшая погруженность — нередко с детских лет — в стихию родного языка, и ряд других факторов, ставящих двух разных писателей уже изначально в неравное положение. Если один художник владеет, подобно А. Толстому, едва ли не всем «драгоценнейшим кладом» русской речи, то другой выпужден то и дело убивать в себе газетчика, журналиста, прекрасно видящего то, что он стремится изобразить, но не всегда умеющего выбрать необходимый языковой строительный материал, годный для сооружения здания повести или романа. И тем не менее каждодневный, буквально каторжный труд над словом обязателен как для «классика» при жизни, так и для начинающего: без этого художника быть не может. «Язык — стихия писателя. Если вырванный из этой стихии, как рыба из воды, он не задыхается,— значит, он не писатель» (т. 9, с. 317).

Важнейшими признаками добротного языка художественных произведений Федин считал точность словоупотребления, простоту и образность; к числу нетерпимых явлений он относил многословие, засоренность письменной речи областными словами и оборотами, а также профессионализмами, риторическими штампами; восставал он и против неумеренной стилизации.

Писательские соображения по этим вопросам, хорошо известные читателю по фединской книге «Писатель. Искусство. Время» (М., 1957), в немалой степени дополняет его эпистолярное наследие, дневники и записные книжки. Принципиальный характер писем и дневниковых записей особенно обнаруживается в оценках творчества таких мастеров литературы, как К. М. Симонов или

А. Т. Твардовский. В каких-то случаях, даже допуская мысль, что он не прав, Федин не считает нужным скрывать свое расхождение с коллегами по литературному цеху.

Таковы письма к К. М. Симонову о прочитанном Федем в рукописи романе «Товарищи по оружию». Высоко оценивая произведение в целом, Федин тем не менее предлагает автору еще потрудиться, как он выражается, «над манерой своего письма, над фразеологией, языком...»

«...Бросается в глаза, как много употреблено лишних слов,— пишет он Симонову 18 марта 1952 года.— Обычно это мало что выражающие газетные речения, не несущие никакой службы. «В сущности», «тем более», «по меньшей мере», «больше того», «как ни странно», «разумеется...» Художнику не следует допускать широко распространенных фразеологических оборотов, если этого не требует характеристика героев. Такие выражения лишены иногда просто смысла. «Предельно кратко выраженная сумма взглядов» — о чем здесь речь? «А пальто стоило целое состояние» — это не дает нужного представления о драгоценности пальто в лагере испанских беженцев, у которых не было ни целого, ни полцелого состояния..

Есть, наконец, своеобразные фигуры кокетства,— не могу их иначе назвать: «...умер и его нельзя возвратить к жизни как раз потому, что он умер». Такая фигура не только алогична, она не остроумна и плоха по вкусу. Напишите ли Вы: «он сел, и про него нельзя сказать, что он стоял, как раз потому, что он сел»? Или «представления не мог дать ни один возвышавшийся в степи предмет. В степи не было никаких предметов...». При Ваших возможностях образно описывать реальный мир нет надобности в подобном кокетстве» (Константин Симонов. Уроки Федина.— В кн.: Воспоминания о Константине Федине. М., 1981, с. 182—183).

Следующая группа замечаний — «о языке и словоупотреблении»:

«Японцы держат у Вас проволоку „за два конца“, — но должны держать просто за концы, ибо концов не три и не более, как добавил бы Горький (338). И добривать можно, пожалуй, не «вторую», а другую скулу (324). Почему Вы пишете «будет будущее» (110)? Не лучше ли — наступит, придет?

Вы, скажем, совсем не замечаете довольно коварных «сдвигов», получающихся от связи причастий с предложениями «на», «за», «от»: «от сидевшего» (49), «на стоявшую» (71), «за тянувшимся» (214), «от хлеставшего» (327) и т. д. Допускаете сочетание — «с Ритой» (24)...

У Вас все данные для того, чтобы можно было говорить о стиле Симонова. Этот момент наступит тем скорее, чем медленнее Вы

будете работать над манерой своего письма, над фразологией, языком и словоупотреблением» (т. 11, с. 327—328).

Почти все федюские замечания, как известно, были Симоновым с благодарностью приняты и учтены при последующей работе над текстом романа.

В мае 1953 года Федю в качестве члена редколлегии «Нового мира» знакомится в верстке с главами поэмы Твардовского «За далью — даль». 9 мая он пишет в редакцию журнала: «Дорогие товарищи, стихи Твардовского очень, очень хороши, о чем я ему и пишу в прилагаемом письме». И следом: «Может быть, он остановит свое внимание на следующих строчках: „Опясаши шар земной“ — как быть с ударением? Опояса́ли? (стр. 6). „На две большие половины“ — две половины? (стр. 15)» (т. 11, с. 338).

Язык художественного произведения, считал Федю, должен быть безупречен. Именно поэтому так восставал его слух против «двух концов» у Симонова, «двух половин» у Твардовского и «двух половин города» у А. Чаковского (статья «О мастерстве»)...

Еще одна запись, на этот раз из тетради «Писатель за столом»: «О *вдумчивости* литератора.

«...*Ясным и снежным* днем 8 марта нынешнего года...»

«Снежным» днем может быть только день, когда идет снег, т. е. когда он, зимою, покрывает собою землю, лежит на земле, всякий день ничем не отличен от любого другого дня и не может быть назван «снежным». Снежным днем называется лишь тот день, когда идет снег, так же, как дождливым — день, когда идет дождь.

Но ежели день был снежным, т. е. шел снег, то тот же день не мог быть «ясным», а был, наоборот, серым, затянутым снежными тучами... Литератор не видит того, о чем пишет, — слова делают с ним, что угодно; ослепляют его своей красотью...» (т. 12, с. 509).

Если Федю не могли оставить равнодушным чужие языковые неточности, то стоит ли удивляться тому, насколько нетерпимо относился он к собственным промахам? Внутренний «контролер» не склонен был давать поблажку даже тогда, когда писатель трудился не над художественной прозой, а над обычным, рядовым письмом.

Два примера.

13—14 августа 1928 года Федю пишет из Копенгагена жене: «Сейчас заказал билет на завтра. Если получу — еду... прямо в Осло. Надеюсь не только остановиться, но и жить все *время* у М. А. Дьяконова (советский писатель, переводчик, находившийся в ту пору в Норвегии. — А. С.) — он обещал, в свое *время*, устроить меня «со всеми удобствами». Боюсь, что *время* теперь каникулярное и в Осло будет гостить Миша (сын М. А. Дьяконова. —

А. С.)». Вечером этого же дня, перечитав письмо перед отправкой, писатель не преминет дописать: «Как ужасно я пишу письма, какой у меня суконный язык!.. Смотри: в трех строках три раза слово «время»! Прямо страшно!!» (т. 11, с. 120).

Другое письмо, от 10 января 1952 года, главному редактору альманаха «Литературный Саратов» Г. Ф. Боровикову. Письмо это смело можно характеризовать как деловое, но и здесь Федин не прощает себе бросающихся в глаза при перечитывании повторов. «Вообще исследование Ерымовского не пройдет бесследно...» — пишет он об одной из помещенных в альманахе статей и тут же добавляет в скобках: «Вот Вам образец приглушения слуха — „исследование“ и „бесследно“, — потабена для редактора!..» (т. 11, с. 319).

Постоянное внимание, которое Федин уделял жизни слова, нашло свое отражение в замысле специальной книги о языке.

Получив в 1960 году в подарок от Б. Н. Тимофеева книгу «Правильно ли мы говорим?» (Л., 1960), К. А. Федин в ответном письме от 13 декабря напишет:

«От времени до времени я тоже собирал всевозможные уродства живого и книжного современного нам языка. Множество замеченных мной нелепостей вошло — насколько я успел обнаружить — в Вашу книгу, которая предвосхищает мое давнее намерение написать что-нибудь о жизни русского языка.

Возможно, я это еще успею сделать. У меня, впрочем, была мысль о книге несколько иного, чем Ваша, плана или «разреза». Я думал назвать свою работу «Писатель за столом». Стало быть, многое в ней должно быть посвящено вопросам стилистики, а не только речи» (т. 11, с. 438—439).

К сожалению, замыслу этому не суждено было осуществиться до конца.

И все же хочется верить, что недавнее появление в свет одгнадцатого и двенадцатого томов двенадцатитомного Собрания сочинений писателя, включающих в себя множество неизвестных писем и дневниковых записей (в том числе — о языке), а также наиболее интересные записи из тетрадей «Писатель за столом» и «О, Слово!», позволит существенно обогатить наши представления о том, чем было для Федина русское слово.

Г. М. Кржижановский — автор плана ГОЭЛРО и «Варшавянки»

Н. Н. КОХТЕВ,
кандидат филологических наук

Глеб Максимилианович Кржижановский (1872—1959) — профессиональный революционер, друг и соратник В. И. Ленина, человек огромного трудолюбия, блестящего ума, изумительной целеустремленности. После Великого Октября инженер Г. М. Кржижановский становится председателем Комиссии ГОЭЛРО и Госплана, руководит составлением знаменитого плана электрификации России и первой пятилетки. В 1929 году он избирается академиком, затем вице-президентом Академии наук СССР.

В 1931 году по инициативе Г. М. Кржижановского был создан Энергетический институт АН СССР, названный его именем в 1932 году (ныне — Государственный научно-исследовательский энергетический институт имени Г. М. Кржижановского).

Выдающийся ученый-энергетик, крупнейший организатор советской науки, Г. М. Кржижановский, был прекрасным оратором, выступал перед различной аудиторией. Его публичные речи оказывали сильное воздействие на слушателей. Поэт А. И. Безыменский вспоминал: «Работая в 1920 г. в Казани, я по комсомольским и партийным делам прибыл в Москву, где увидел афишу, возвещавшую о том, что состоится лекция инженера Глеба Максимилиановича Кржижановского „Электрификация России“. Надо ли рассказывать, как я спешил туда.

Лекция Глеба Максимилиановича была необычайно интересной, глубоко содержательной. Яркое ораторское искусство сочеталось с пропагандистским умением донести до ума и сердца людей суть и значение того, о чем шла речь. Так раскрывалась предо

мною одна из блистательных граней таланта Глеба Максимилиановича.

Я был восхищен лекцией, восхищен нарисованной оратором перспективой перемен, которые принесет России электрификация. И не один я. Примерно три четверти аудитории встретили заключительные слова лектора дружными аплодисментами» (Глеб Максимилианович Кржижановский. Жизнь и деятельность. М., 1974, с. 167).

Г. М. Кржижановский вдохновенно пропагандировал электрификацию России. Вот перечень лишь некоторых его выступлений в первые годы осуществления плана ГОЭЛРО: доклад на пленарном заседании Петроградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о проблемах электрификации (1921), статья «Перспективы электрификации» (1925), статья «Текущие проблемы планирования» (1926), доклад «Научные работники и социалистическое строительство» (1928).

На V съезде Советов председатель Госплана СССР Г. М. Кржижановский выступил 23 мая 1929 года с общим докладом «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР». В докладе большое внимание было уделено плану ГОЭЛРО, электрификации нашей страны. Оратор нарисовал слушателям яркие картины великих преобразований. Вот он просит техников осветить на огромной карте станции, а затем обращается к залу: «Вы видите, на карте зажглись огоньки существующих и строящихся электростанций. Их пока немного, это только пионеры нашей будущей огромной работы в этой области. Вы видите, около Ленинграда освещается голубым светом Волховстрой (гидроэлектростанция освещены на карте голубым светом)...

Только две большие гидростанции пока у нас в ходу. Горят белые огоньки в Москве и Ленинграде...

Для того чтобы вы могли представить себе наглядно всю работу в области электростроительства, я попрошу осветить на карте все станции, намеченные к постройке в этой пятилетке (карта освещается: бурные аплодисменты).

Товарищи, те станции, которые я указывал вначале, были только пионерами. Вы видите, какое количество новых электростанций будет вновь построено» (Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957, с. 277—278).

В этом отрывке простые и ясные слова, которые точно выражают мысль, непосредственное обращение к аудитории создаст теплоту, задушевность речи, активизируют ее интерес и внимание.

А далее — характеристика важнейших станций, которые вновь будут построены. Перед слушателями разворачивается картина ги-

гантского строительства. Цифр в докладе мало, лишь самые яркие и самые необходимые.

Излюбленная форма подачи материала у Г. М. Кржижановского — детальное описание, усиленное наглядностью. Здесь в строгом, научно-деловом изложении к прямой информации присоединяется дополнительная, образная, которая усиливает логическое содержание выступления, углубляет имеющиеся представления. Вот пример из того же доклада: «На мою долю из промышленной области приходится *энергетика*, то есть топливо и электрическая энергия, иными словами все то, что обеспечивает работоспособность промышленности. Энергетика, сказать попросту,— это работоспособность... Итак, позвольте мне начать с основного, с *хлеба промышленности* — топлива» (там же, с. 266—267). Эмоциональная окрашенность изложения углубляет его восприятие, делает живым, позволяет почувствовать отношение оратора к содержанию речи и, следовательно, выработать ответную реакцию у слушателей.

А вот окончание доклада на съезде: «Как ни несовершенен изложение мною плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство, дайте топливо! Транспорт! Металл! Текстиль! Химию! Дайте всю строительную программу пятилетки (б у р ы е а п л о д и с м е н т ы)... Творческая мысль рабочих и крестьян поднимется по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться на гигантское поле нашего труда» (там же, с. 305). Этот пример показывает, какой эмоциональной напряженности достигает заключительная часть речи.

Блестящий стиль, убедительность аргументов, творческий пафос, которым насыщены все речи Г. М. Кржижановского, зажигали аудиторию. В его выступлениях незначительны цитаты и цифры, ссылки на специальные работы, сложные термины и т. п. Вместе с тем известно, что Глеб Максимилианович внимательнейшим образом следил за всеми новостями в области советской и зарубежной науки и техники. Более того, в его речах — множество оригинальных идей, которые стимулировали научное строительство в новом обществе. Академик С. И. Вольфович вспоминал об этом замечательном человеке так: «Мне довелось слушать речи Г. М. Кржижановского в различных аудиториях: перед студентами и преподавателями Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, на заседаниях Комитета по высшему образованию при ВЦИК, где Глеб Максимилианович был председателем, и т. д.

Слушать его было подлинным наслаждением. Насыщенность речи идеями, яркая образная форма и энтузиазм, который зажигал слушателей, всегда привлекали полные аудитории, вызывали восторженные отклики и длительное время потом обсуждались» (Глеб Максимилианович Кржижановский, с. 125).

Интересны также воспоминания М. В. Чашниковой, референта Г. М. Кржижановского: «Глеб Максимилианович был изумительным оратором. Словарный запас его, по-моему, был неисчерпаем, к тому же он был поэт в душе, и потому выступления его па очень, казалось бы, прозаические темы всегда носили некоторую поэтическую окраску. Он обычно готовил только конспект, и потому так живо звучала его речь. Когда он выступал, то говорил с подъемом, ярко, образно, усиливая слово жестом, и так увлекал слушателей, что в зале не оставалось равнодушных. А с каким душевным волнением выступал он с воспоминаниями о Владимире Ильиче! Его волнение передавалось всем присутствующим» (там же, с. 151).

В своих выступлениях о В. И. Ленине Г. М. Кржижановский рассказывает о том, с каким вниманием и заботой Владимир Ильич относился к вопросам науки, техники, народного хозяйства, его планированию. Автор старается быть предельно точным и объективным, используя множество фактического материала: многочисленные записки к нему В. И. Ленина, цитаты из его работ. В статье «Ленин и наука» Г. М. Кржижановский даст несколько ярких штрихов, позволяющих представить себе роль Ленина в развитии нашей молодой науки. «Достаточно даже беглого знакомства с научными работами Владимира Ильича Ленина, чтобы увидеть ясное проникновение в факты, умение исследовать сложные взаимоотношения и предвидеть вытекающие из них последствия» (Избранное, с. 487). С одной стороны, *достаточно беглого знакомства*, а с другой — *проникновение в факты и умение исследовать сложные процессы*.

Смысловые сопоставления у Г. М. Кржижановского весьма часты. Так, говоря о записках Ленина, которые он направлял в связи с работой над планом ГОЭЛРО, Г. М. Кржижановский подчеркивает их колоссальное значение — в них «ключом бьет несокрушимая энергия и вера в могучие творческие силы науки» (там же, с. 491). В очерке «В. И. Ленин и плановая работа» Г. М. Кржижановский рассказывает о работе вождя с Госпланом, в очерке «Ленин и техника» — как о вдохновителе и инициаторе ГОЭЛРО.

Привлекают к себе внимание и воспоминания Г. М. Кржижановского о своих товарищах. Предельно кратко, но очень ярко и

образно он рассказывает о них. «Он не горел ровным, спокойным пламенем, он был огнедышащим факелом, либо заживившим сердца людей своим великим энтузиазмом верующего борца, либо опалывшим противников огнем бешеной несправедливости» (Избранное, с. 513). Это о Ф. Э. Дзержинском. «— Неужели это он, — думал я в часы и дни первого знакомства с Феликсом Эдмундовичем, всматриваясь в тонкие черты его лица и любясь его открытыми, спокойными, ясными голубыми глазами. Вот этот высокий, стройный человек в скромной солдатской шинели, с таким исключительно добросовестным вниманием прислушивающийся к собеседнику, — это и есть знаменитый Феликс» (Избранное, с. 513). Мастер психологического портрета, Г. М. Кржижановский показывает Дзержинского в разных ситуациях: вот его душевное смятение на первых порах знакомства с делами разрушенного транспорта, вот сверхнапряженная работа по его нормализации, выступление на пленуме Госплана... Автор называет Дзержинского «человеком-магнитом для целой фаланги дружно работавших с ним и глубоко ему преданных специалистов и профессоров-специалистов» (там же, с. 517).

Простота языка, его точность, ясность и экономность — неотъемлемые признаки стиля Г. М. Кржижановского. Он прекрасно понимал, что образность, красочность и доходчивость произведения несовместимы со сложным языком. Мастерски пользуется Г. М. Кржижановский диалогом для создания облика своих героев. Так, автор в кабинете у Л. Б. Красина, занимавшегося тогда паровым транспортом: «Но говорить не приходится; наш комиссар во власти депеш и телефонных вызовов... Вот он опять схватился за телефон... Почему так напряженно стало его лицо, напряженно и... все в лучах оживленного подъема?».

„Так, так, Владимир Ильич, это совпадает и с моим планом, постойте, проверю... Да, и бригады и составы подготовлены. Значит, двинем... Есть... Все... Да, да... Через 10 минут у вас“» (Избранное, с. 527). Все описание передает напряженность, стремительность, важность момента. А через его своеобразную речь автор сумел исчерпывающе характеризовать Л. Б. Красина: энергичен, собран, работоспособен, прекрасно чувствует собеседника, непосредствен. Г. М. Кржижановский подчеркивает: «Владимир Ильич высоко ценил многостороннюю красочную талантливость Леонида Борисовича, его кипучую энергию, его волевою самособранность, его особую работоспособность и, наконец, его всегдашний отклик на зов пролетарской борьбы» (там же, с. 522).

Кржижановский был одним из активных участников «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», созданного под руко-

водством В. И. Ленина. После ареста и суда в 1897 году руководящая группа «Союза» была сослана в Восточную Сибирь. «Вместе со мной в камере, — вспоминает Глеб Максимиллианович, — сидело несколько польских рабочих и трое крупных представителей Польской социалистической партии — Абрамович, Петкевич, Страженский. Они знали песню Свенцицкого „Варшавянка“ и прекрасно ее исполняли. Напев песни был очень красив, но мы, русские революционеры, не могли ее петь, так как не знали польского языка. И я задумал создать русскую „Варшавянку“... Мне пришлось в своих стихах довольно существенно переработать текст В. Свенцицкого...

Настал день нашей отправки в Сибирь. Мы поставили к двери камеры Абрамовича, обладавшего необычайной физической силой, встали в круг и запели:

Вихри враждебные веют над нами...

Звуки могучей песни огласили здание Бутырской тюрьмы. Надзиратели бросились к нашей камере, пытаясь открыть дверь, но не смогли сломать железную силу нашего стража Абрамовича.

...Так совершилось боевое крещение русской „Варшавянки“ (Глеб Максимиллианович Кржижановский, с. 11—12).

Перу Глеба Максимиллиановича принадлежат слова и других знаменитых революционных песен: «Слезамн залит мир безбрежный...», «Беснуйтесь, тираны...»

Многогранна личность Г. М. Кржижановского: ученый, государственный деятель, оратор, пропагандист, поэт... Его речи, доклады, научные работы свидетельствуют о том, с каким внутренним убеждением, с каким знанием дела он пропагандировал задачи хозяйственного развития нашей страны.

Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и призывали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя.

В. И. Ленин

Ресурсы разговорной речи

Эмоционально-оценочные названия
с суффиксом -га

Н. А. КОНДРАШОВ,
доктор филологических наук,
Н. С. УМНЕНКОВА,
кандидат филологических наук

Имена существительные на *-га* мало продуктивны в современном русском литературном языке, но весьма широко употребительны в разговорной речи. Однако в последние десятилетия многие подобные слова проникают в язык художественных произведений. Анализ текстов позволил выявить множество слов, не зафиксированных словарями: *грамот(н)юга, мастериюга, модерниюга, общага, нахалюга, пилотиюга, речуга, скромниюга, смешнюга, сыняга, умняга, холодрыга, чистяга, шофера(ю)га* и др. Эти новообразования, понятные и слушающим и говорящим, свидетельствуют об их активности в разговорной речи.

Структурно-словообразовательный анализ показал, что круг основ, к которым присоединяются суффиксы, широк и разнообразен. Так, например, при помощи суффикса *-ага(-яга)* образуются слова от основы существительного: *гривна – гривняга, прилагательного: добрый – добряга, глагола: бродить – бродяга*; при помощи других суффиксов: *грамотный – грамот(н)юга, короткий – коротыга, хромать – хромыга*. Такие слова имеют различные лексические значения: обозначение растений (*вишнюга, волчага, сылюга*); животных и птиц (*дворняга, копяга, пичуга*); явлений природы (*ветрюга, пыляга, холодюга, штормяга*); различных бытовых реалий (*дерюга, кольчуга*); орудий, предметов труда (*кнутияга, косыга, хлюстяга*); денежных единиц (*гривняга, полтиняга, сотняга*) и т. п.

Центральное положение в кругу этой лексики занимают слова, связанные по значению с особенностями характера и поведения человека, отношением к труду, с его физическим строением

и внешностью. Смысл данных слов определил и сферу их употребления. Имена данной группы несут в своем значении экспрессивно-эмоциональный заряд и поэтому являются стилистически окрашенными. Нейтральных слов без стилистической окраски немного: *белуга, вьюга, дворяга, корчага, коряга, кочерга, радуга*. Основная же часть имен существительных с анализируемыми суффиксами, встречающихся в тексте художественных произведений, обладает яркой эмоционально-оценочной окраской. В большинстве случаев суффиксы *-ага, -га, -уга, -ыга* присоединяются к экспрессивному корню, и лишь незначительное число имен существительных образуются от основ, лишенных эмоционально-экспрессивной нагрузки. Приведем примеры из художественных произведений:

«Мой сыняга говорил, что они после игрищ за Федотовым гумном собираются» (Шолохов. Батраки); «По радио передают заключительную речь Николая Гавриловича на совещании. Внутренняя речуга» (Проскурин. Горькие травы); «В печальном глазу коняги стоял молчаливый мне укор» (Астафьев. Последний поклон); «Он славный парнюга» (Шолохов. Тихий Дон).

Экспрессивный суффикс придает оценочность производному слову, она может быть положительной, проявляется в передаче чувства ласки, снисходительности, проныи, шутки со стороны говорящего по отношению к называемому: «А и мяляга же ты, царень» (Шугаев. Бегу и возвращаюсь); «Ковопатый отчаюга с отбитым зубом не отрывал от Сашки обожающих глаз» (Куваев. Территория); «Сегодня утром застиг меня в грустях Шаппр и пристал добряга, уговаривать начал. Не одна-де хорошая женщина на земле живет» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Но чаще для данных слов характера отрицательная эмоциональная оценка, передача чувства презрения, осуждения, неодобрения к сообщаемому: «Вот впереди грохот открылся, торопливый, заположный. Так промысловик никогда не стремится. Так разбойник стреляет, ворюга» (Астафьев. Царь-рыба); «Скромный костюм он носил со старомодным изяществом, недоступным нашим стилигам, фантазия которых не поднимается выше цветного пиджака и узких, как бамбуковые тросточки, брючек» (Василевский. Временник).

Данные имена могут выступать с положительной или отрицательной экспрессией в зависимости от контекста. Так, например, *бедняга* обозначает человека бедного, достойного сожаления. Это значение с оттенком жалости, сочувствия имеет слово в таком контексте: «И — заплакал бедняга, — на его большие глаза

обильно выкатились слезы, суховатое, угловатое лицо сморщилось» (М. Горький. Хозяин).

Это же существительное может иметь насмешливую, ироническую окраску: «Бедняга пал жертвой своей наблюдательности. Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) и умер» (Чехов. На кладбище). Насмешливая экспрессия существительного достигается введением в контекст иронической ремарки автора: *у него был мозг*.

«Подруга кухарки рассказала машинисту о страшном колдовстве, — бедняга испугался, пришел к доктору и заявил, что у него в животе что-то возится, хрюкает» (М. Горький. Сторож). В данном примере иронию вносят слова, которыми пользуются при характеристике животного (свиньи), — *возится, хрюкает*.

Существительное *бродяга*, обозначающее человека, не имеющего определенного места жительства и занятий, проходимца, встречается в художественных текстах: «Сам он человек, ни к чему не причаленный, бродяга, пройдоха и в речах сильно дерзок» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина). Но это слово может иметь и положительную экспрессию: «Шаутбенахт русского флота, голландец Юмиус Ред, — отважный морской бродяга с головой, оцененной в 2000 английских фунтов за разные дела в далеких океанах» (А. Толстой. Петр Первый). Одобрительное значение создается в результате включения определений *отважный, морской*. Положительная окраска может создаваться общим контекстом предложения: «Вот и я тихо обезумел и уже навсегда останусь таким, буду ходить по земле, немой бродяга, слушать ее грустные песни, мучиться ими, не умея ответить ее стоном своей песней, не имея сил сказать свое слово» (М. Горький. На Чангуле).

Яркая окраска имен существительных с суффиксами *-ага, -уга, -ыга* проявляется особенно отчетливо в сопоставлении с именами-синонимами, образованными при помощи других эмоционально-оценочных суффиксов. Эти имена существительные, образованные от одной и той же основы, различаются своими оттенками.

Делец — деляга: «Всем прочим человек нужен для грабежа, чтоб сорвать с него целковый, а купцу потребен работник, делец» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); «Ладно! Деляга! Подымай и песи! — командует Сериков» (Трифонов. Бесконечные игры);

молодец — молодчага: «Ты у меня молодец, я люблю тебя кормить» (Лихоносов. Родные); «Как я рассудил про себя, мо-

лодчага тот бригадир» (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды);

ленивец — лентяга: «Ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь» (Пушкин. Сцены из рыцарских времен); «Хотели посмотреть, до каких пор ты будешь валяться, деревенский лентяга» (Катаев. Беллет парус одинокий);

парнишка — парниша — парняга — парнюга: «Ты парнишка сурьезный, не баловник» (М. Горький. Трое); «А ты еще на прикол не стал. Не хочешь на одной ножке пастись? Хитер, парниша» (Абрамов. Пути и перепутья); «Бегали игроки чуть ли не полверсты. Неотгололившегося... парнягу, как и при игре в кол, катали на палках» (Астафьев. Последний поклон); «Здоровый парнюга в кирзовых сапогах кряхтел, перекатывал бочку через порог» (Белов. За тремя Волоками);

работник — работяга: «Нужен мне работник: Повар, копюх и плотник» (Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде); «И еще Монголов знал истину, без которой не может быть командира,— грань, где кончается попустительство и стоит слово — „приказ“. Знали эту грань и его работяги» (Куваев. Территория);

хитрец — хитрюга: «Ох, хитрец какой. Дипломат!» (Гладков. Вольница); «Вот хитрюга...— с одобрением подумал Мишка, питавший особое расположение к этому рыжему разбойнику» (Абрамов. Братья и сестры).

Анализ параллельных форм показывает, что суффиксы на *-га* образуют названия лица со значением субъективно-эмоциональной оценки. Так, слово *бедняк*, обладая качественно-оценочным значением, имеет минимальную эмоциональность, в отличие от него *бедняга* эмоционально окрашено и выражает отношение к сообщаемому. Суффиксы *-ага*, *-уга*, *-ыга* образуют разговорные слова с более сильной экспрессивной и, следовательно, с более сниженной (просторечной) характеристикой: *добряк — добряга*, *делец — деяга*.

Художественная литература, являясь формой общественного сознания, чутко реагирует и всесторонне воспроизводит явления реальной действительности. Стремление к образности, живому и яркому изображению заставляет писателей использовать ресурсы разговорной речи, те средства языка, которые способствуют выразительности и наиболее полной передаче многочисленных эмоциональных оттенков. В силу этого в художественную литературу привлекаются разнообразные речевые средства, в том числе и эмоционально-оценочная лексика, которая характеризует состояние говорящего или его отношение к предмету сообщения или направлена на то, чтобы воздействовать на собеседника.

Выразительные возможности АНТОНИМОВ

Е. Н. МИЛЛЕР,
кандидат филологических наук

Слова с противоположными значениями называют антонимами: *добрый* «несущий благо, нечто положительное, полезное» — *злой* «закрывающий в себе нечто дурное, вредное»; *жар* «горячий, сильно нагретый воздух» — *холод* «воздух низкой температуры»; *мало* «немного, недостаточно» — *много* «большое, достаточное количество»; *любить* «испытывать чувство самоотверженной, сердечной привязанности» — *ненавидеть* «питать чувство сильной вражды и отвращения». Приведем примеры из художественной литературы: «Мы, как и все, бываем и добрыми, и злыми, и очень противоречивыми» (Полянский. Командир полка) — здесь названы противоположные с точки зрения пользы и вреда качества. Такие слова принадлежат, как правило, одной части речи: «Пока молод, не страшен ни жар, ни холод» (Пословица); «Устроим районный диспут: шестнадцать лет: много или мало?» (Златогоров. Перекресток ветров); «Любят за характер, за свойство души, за мировоззрение и миропонимание. И ненавидят, порой смертельно, за это же» (А. Иванов. Вечный зов). В этих высказываниях противопоставлены прилагательные *добрыми* — *злыми*, существительные *жар* — *холод*, наречия *много* — *мало*, глаголы *любят* — *ненавидят*. При этом антонимами являются слова разных корней.

Однако наряду с разнокорневыми (*веселый* — *грустный*) выделяются и однокорневые антонимы (*художественный* — *антихудожественный*), которые тоже обычно относятся к одной части речи: «Отсюда уходили и сюда возвращались с позиций подводные лодки» (Саягин. Севастопольская хроника), — антонимы наречия *отсюда* — *сюда*; «Говорить неправду было нехорошо, а говорить правду было долго» (Пионер, 1979, № 7) — существительные *неправду* — *правду*. Такая антонимия называется одномастеречной. Она является типичным, наиболее часто встречаю-

щимся в речи средством выражения противоположных явлений, процессов, предметов, вещей объективной реальности.

Богатство антонимии в русском языке отражено в специальных словарях (см., например: М. Р. Львов, Словарь антонимов русского языка. III изд. М., 1985). Кроме постоянных антонимов, в русском языке немало слов, которые могут проявлять противоположность значений в определенном контексте. Их называют контекстуальными антонимами.

В словаре М. Р. Львова слову *вчерашний* противопоставлены слова *завтрашний* и *сегодняшний*, слову *грядущий* — *настоящий*, *прошлый*, *прошедший*, *былой*, *минувший*. Однако возможно противопоставление *вчерашний* (в значении «минувший, прошедший») — *грядущий* (в значении «будущий»), которое образует антонимию только в определенном контексте:

Ленин видел пашни,
Избы деревень.
Видел он вчерашний
И грядущий день.
Высотская. В Горках

И контекстуальные антонимы — это тоже слова, которые обычно относятся к одной части речи:

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.
Исаковский. Дума о Ленине

Здесь противопоставлены существительные *торжество* и *печаль*, в предыдущем примере — прилагательные *вчерашний* и *грядущий*.

В то же время в противоположных значениях могут употребляться слова и разных частей речи: «И во втором матче в первой подгруппе победители поначалу проигрывали» (Правда, 1978, 22 июня); «Вместо обещанного сокращения бюджет неуклонно растет» (Правда, 1978, 22 июля) — глаголы *проигрывали*, *растет* противопоставлены существительным *победители*, *сокращения*. Так, в первом примере речь идет о победителях, то есть о тех, кто в итоге матча оказался победителем, но в ходе матча был какое-то время побежденным. Такая антонимия, когда противопоставляются слова разных частей речи, называется межчастеречной.

На возможность антонимичного противопоставления слов разных частей речи указывает Л. А. Введенская в «Словаре анто-

пимов русского языка» (II изд. Ростов-на-Дону, 1982): «В отдельных случаях антонимичную пару образуют существительное и субстантивированное прилагательное, например: *бедный* – *богач* (*Богач норовит, как бы бедного с ног сбить. Пословица*), *дурак* – *умный* (*Умный и с дураком умный, а дурак и с умным вечный дурак. М. А. Шолохов*), *молодой* – *старик* (*Вы ненавидите стариков за отсталость и консерватизм, а молодых – за вольнодумство. А. П. Чехов*). Есть межчастеречные антонимы и в Словаре М. Р. Львова: *умный* – *дурак*, *вблизи* (наречие) – *в отдалении* (предлог + существительное), *в розницу* (предлог + существительное) – *оптом* (наречие) и др.

Чем же объяснить возможность в речи межчастеречной антонимии? Известно, что слова отображают явления реальной действительности, например прилагательное *молодой* обозначает «юный, небольшой по возрасту» и противоположно по значению прилагательному *старый* «достигший старости». Однако признаки, обозначаемые прилагательными *молодой* и *старый*, могут в языке выражаться словами иных частей речи, например глаголами *молодеть* и *стареть*, существительными *молодость* и *старость*. Очевидно, что носителями противоположных значений являются соответствующие корни перечисленных слов – *молод-* и *стар-*, а потому антонимами являются не только прилагательные *молодой* – *старый*, но и прилагательное *молодой* и существительное *старость*, хотя такое употребление с точки зрения грамматики не равнозначно, потому что первое слово является наименованием качества, а второе – предмета. Точно так же существительное *загадка* антонимично не только существительному *разгадка*, но и глаголу *разгадать*: «Все, что относилось к „этой земле“, было для него загадкой, которую он никогда не старался разгадать» (Чаковский. Блокада). Аналогичным образом глагол *увеличить* антонимичен глаголу *уменьшить* и существительному *уменьшение*: «Он дает возможность значительно увеличить объем производства при уменьшении числа работников» (Правда, 1978, 26 апр.), прилагательное *близкий* – прилагательному *далекий* и глаголу *отдаляться*: «Осуществление его надежд, казавшееся столь близким во второй половине октября, неумолимо отдаляется» (Чаковский. Блокада).

Межчастеречная антонимия позволяет во многих случаях избегать противопоставления слов одной части речи, которое может быть грамматически однотипным и лексически тавтологичным: *не полезный, а бесполезный* – повторяются грамматические характеристики рода, числа, падежа, а это не способствует выразительности прозаического высказывания. Эти недостатки может

устранять межчастеречная антонимия: «Там они, как я понял тебя, уже бесполезны, а нам бы пригодились» (Чаковский. Блокада). Более того, встречаются случаи, когда одностеречная антонимия невозможна: «Цель жизни человека? — ...Познать непознанное, изведать неизведанное» (Коме. правда, 1977, 2 мая); «Зачем же пытаться примирить непримиримое...» (Проскурип. Имя твое). Глаголы *познать*, *изведать*, *примирить* не образуют лексической антонимии с глаголами (*не познать*, *не изведать*, *не примирить* — сочетания слов), но образуют межчастеречную антонимию с причастиями *непознанное*, *неизведанное*, *непримиримое*.

Таким образом, можно сказать, что межчастеречная антонимия — объективно существующее явление, она расширяет выразительные возможности русской речи и служит ее обогащению в конкретных ситуациях общения.

Ульяновск

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Словари называют сокровищницами языка, ибо они хранят наше богатство — слова. Собрание слов для словарей — дело трудоемкое и важное. Важное и в лингвистическом, и в общественно-политическом, культурно-познавательном отношениях. Понятно поэтому стремление лексикографов включать в словари не только общезвестные, широко распространенные слова, но и малоизвестные, не очень распространенные. Однако есть слова, которые не зафиксированы ни одним из толковых словарей XX века, хотя употребляются в произведениях современных писателей.

В статьях Н. И. Орловой и В. А. Корнилова рассказано о судьбе таких слов — *бронзоветь* и *поредельный*.

Бронзоветь

Н. И. ОРЛОВА,

кандидат филологических наук

Среди слов, еще не попавших на страницы словарей, заслуживает внимания глагол *бронзоветь*, хотя родственные ему *бронзировать* и *бронзовать* в значении «покрывать предметы металлическим составом, имеющим цвет бронзы» фиксируются неоднократно.

Бронзоветь принадлежит к группе глаголов с общим значением «приобретение, становление признака» наряду с глаголами *краснеть, каменеть, золотеть*. Образован он продуктивным способом от прилагательного *бронзовый* с помощью глагольного суффикса *-е-*: *бронзов-е-ть*; в «Русской грамматике» (М., 1980) он используется в качестве иллюстрации к данному словообразовательному типу.

Как и все глаголы этого типа, *бронзоветь* является переходным и обладает способностью соединяться с приставками *за-, о-, по-*, указывая при этом на совершенность действия: *забронзоветь, обронзоветь, побронзоветь*. Сферой их употребления является художественная литература и разговорная речь.

В стихотворении В. Маяковского «Мексика» встречаем этот глагол в форме повелительного наклонения: «...живи, /бронзовей, /вторая сестра Элладова!»

Как показывает собранный нами материал, глагол *бронзоветь* употребляется в нескольких значениях. «Деревья цвета старой нечищенной бронзы упирали вершины в позлащенную бронзу неба. В бронзовом воздухе бронзовели лица людей и складки одежд» (Нагибин. Один на один); «Метели пламенеют над костром, Поленья Бронзовеют на огне» (Беляев М. За перевал уходит самолет). В этих примерах *бронзоветь* означает «приобретать цвет бронзы (желто-коричневый, золотисто-желтый, темно- или светло-желтый с блеском)».

Цвет бронзы ассоциируется с осенним побом, осенними листьями, с закатом, с облаками, освещенными лучами заходящего солнца. Такое восприятие характерно для художественных текстов. В разговорной речи реализуются ассоциации с цветом загара: «Посвежели, забронзовели на южном солнце»; «Поздоровел, побронзовел — молодец!»

Второе значение *бронзоветь* — «выделяться своим бронзовым цветом»: «Холодом бронзовела Летнего сада ограда» (Асеев. Маяковский начинается); «Загар бронзовел на теле» (разговорная речь). Подобное значение свойственно всем глаголам, обозначающим приобретение внешнего признака (цвета): *флаг краснеет; белеет паролод вдали*.

Особенно интересно третье, переносное значение — «приобретать свойства монумента, памятника, уподобляться бронзовой статуе». Вот примеры из текстов разного времени: «...вождь туризма заживо обронзовел» (Сельвинский. Записки поэта).

Тогда герои памятником встанут,
забронзовеют брови их и рты,

и каменными постепенно станут
товарищей знакомые черты.

Смеялков. «Луну закрыли горестные тучи»

Он медлил,
отвечая на вопросы,
не думая,
что все слова его
войдут в века,
подхватятся поэтами,
забронзовев,
надоедят глазам.

Р. Рождественский. Посвящение

У скорбных надгробий
встают, бронзовея.
И бронза
становится цветом лица.

Р. Рождественский. Двести десять шагов

Значение «приобретать свойства монумента, памятника» метонимически связано с именем существительным *бронза*, поскольку оно называет не только определенный металл, но и изделия из него, в том числе памятники. Глагол *бронзоветь* в этом значении используется в описании памятников, в рассуждениях о том, что достойно воплощения в бронзе. Обращают внимание названия таких стихотворений:

Исполнен ими долг
сполна.
И только —
даты,
даты,
даты.

Обронзовели имена.

Вяч. Кузнецов. У памятника маршалу Жукову

Не обладая стилистической окраской, нейтральный сам по себе, глагол *бронзоветь*, как и его производные, находит свое место не только в торжественных поэтических текстах, но и в текстах пронически-шутливых:

...берет
Судьба меня в руки я снова скоблит и скребет,
И плавит, и лепит, и даже чуть-чуть бронзовею.

Кушнер. «Вот статуя в бронзе...»

А это употребление из прозаических произведений: «Сам собою исчез пьедестал, на котором постоянно, как и все учителя, Клара Викторовна возвышалась над нами, бронзовела недосыгаемо» (Якименко В. Сочинение); «Позапрошлый сезон был для

него особенно удачным... Собрали все золото — олимпийское, чемпионов мира и Европы... Поставить бы в такую минуту точку и замереть. Забронзоветь на столетия» (Голубев. Убежать от себя).

Словообразовательно связанный с прилагательным *бронзовый*, глагол *бронзоветь* кажется не соотносящимся с ним в третьем значении, поскольку значение «имеющий свойства монумента, памятника» в этом прилагательном отсутствует. Однако случаи употребления слова *бронзовый* в данном значении в художественной литературе встречаются: «С годами он не стал бронзовым, не превратился во всеобщего метра, но говорил все же нарочито скупо, весомо: как бы сознавая ценность и значительность каждого слова» (Амлинский. Ремесло).

Итак, глагол *бронзоветь* обладает словообразовательной активностью, способностью к развитию многозначности, что свидетельствует о его вхождении в лексическую систему, употребляется в различных стилях и жанрах и заслуживает включения в словарь.

Интересно отметить, что появление глагола *бронзоветь* является, вероятно, выражением общей тенденции — образования глаголов со значением «приобретение признака» от переносных значений прилагательных, созданных, в свою очередь, от названий металлов: *свинцоветь* — «приобретать цвет свинца»; *серебреть* — «приобретать цвет серебра, седеть»; *железнеть* — «приобретать свойство железа — твердость».

Волгоград

Поредельый

В. А. КОРНИЛОВ,
кандидат филологических наук

Есть такие слова, в судьбах которых порой особенно ярко отражаются сложные теоретические проблемы лексикологии и лексикографии. Одним из таких слов, на наш взгляд, является слово *поредельый*. Первое известное нам употребление этого слова принадлежит В. В. Маяковскому. В стихотворении «Секрет молодости» он пишет: «Молодые — /это те,/кто бойцовым/рядам поредельым/скажет/именем/всех детей:/„Мы/земную жизнь переделаем!“»

Стихотворение это впервые напечатано 2 сентября 1928 года в специальном выпуске Московского комитета ВЛКСМ «Идут

легионы» к XIV Международному юношескому дню. 20 апреля 1930 года стихотворение было напечатано «Комсомольской правдой» и получило широкую известность.

Слово *поредель* не было включено ни в Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, ни в «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, ни в академические словари. Но что тут удивительного? В творческом наследии В. В. Маяковского отмечено до полутора тысяч созданных поэтом слов, не включаемых в толковые словари общенародного языка. Хрестоматийными стали созданные им *сернастый*, *молоткастый*, *лева*, *миноносица* и многие другие примеры словотворчества поэта.

Но если *лева* создано по явно непродуктивной модели, а *сернастый* — по продуктивной, но с сознательным нарушением типичной сочетаемости суффикса *-аст-* с основами слов преимущественно со значением части тела, то слово *поредель*, хотя и не зафиксировано словарями, образовано по весьма продуктивной модели от имеющегося во всех словарях глагола *поредеть*.

В 17-томном Словаре зафиксировано 358 отглагольных прилагательных на *-лый*. В Словаре С. И. Ожегова таких прилагательных насчитывается 154, в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в академическом 4-томном — по 250 с лишним. Общее количество подобных прилагательных, зафиксированных хотя бы одним из указанных четырех словарей, — 387. Большинство прилагательных на *-лый*, включенных во все эти словари, безусловно относится к ядру лексического состава современного русского литературного языка: *бывалый*, *запоздалый*, *захудалый*, *исхудалый*, *лежалый*, *залежалый*, *отсталый*, *усталый*, *одичалый*, *обветшалый*, *промоглый*, *обрюзглый*, *ослабелый*, *обалделый*, *поседелый*, *порыжелый*, *почернелый*, *пожелтелый*, *посинелый*, *загорелый*, *отсырелый*, *осиротелый*, *перезрелый*, *устарелый* и т. д.

Включены в 17-томный, но отсутствуют в других толковых словарях прилагательные на *-лый*, относящиеся к более периферийным пластам лексического состава языка: *оголодалый*, *осерчелый*, *одубелый*, *цвелый*, *побелелый*, *остекленелый*, *оторфенелый*, *присмирелый*, *вылезлый*, *перекислый*, *обсохлый*, *набухлый*, *присмирелый* и др.

В то же время многие отглагольные прилагательные на *-лый*, встречающиеся на страницах произведений русской художественной литературы, не вошли в толковые словари: *посовелый* (М. Шолохов), *посмирнелый* (А. Малышкин), *заслуденелый* (Г. Николаева), *зарадужелый* (Ф. Абрамов), *осточертелый* (Е. Носов), *комутнелый* (Л. Васильева), *посерелый* (Ю. Гончаров) и др.

Много таких слов у В. Астафьева: *ознобелый, окуржавелый, замелелый, закровенелый, помягчелый* и много других. Большинство приведенных не зафиксированных словарями слов на *-лый* образовано от хорошо известных глаголов по продуктивной модели. Каждое такое слово воспринимается как знакомое, ранее слышанное.

В. В. Маяковский в своей программной статье «Как делать стихи?» подчеркивал: «Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающий к поэту, должен быть переработан». Вот фрагмент его программы (из той же статьи): «Материал. Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа, пужными, выразительными, редкими, изобретенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами». И не случайно «нужности» и «выразительности» поэт отдает предпочтение перед «изобретением», «обновлением», «произведением» слов. Слово *поредель* в конкретном контексте было нужно, необходимо ему для необычной, ударной рифмы, осложненной аллитерацией: *рядом поредельм — переделаем*.

Составители толковых словарей, как известно, обычно отказываются от фиксации слов индивидуального употребления, на которые в словарной картотеке имеется лишь одна цитата. Так что отсутствие слова *поредель* в словарях было бы вполне оправданным, если бы оно не вышло за пределы стихотворения В. В. Маяковского. Например: «Она уже хотела попросить Павла Алексеевича повернуть назад, открыла глаза и увидела впереди, в чистом секторе, размеченном „дворником“, сквозь поредель и обхудалый дождик бездонную синеву, которая скоро примет их в себя» (Нагибин. Берендеев лес).

Обратим внимание: для характеристики прекращающегося дождя автору показалось недостаточно выразительным использование слова *поредель*, и он тут же использует также не зафиксированное словарями более необычное слово *обхудалый!*

В. Астафьев, широко и смело использующий в своем творчестве как диалектные, так и «произведенные» слова, также обращается к этому слову: «Несколько раз еще Яшка находил старую мосиху в поределей тайге» (Яшка-лось); «...черемуха на том берегу перестала сорить в воду белым, поределье, растрепанные кисти полоскало потоком» (Царь-рыба. Капля).

А вот еще одно употребление: «За речкой тетка успела скинуть взглядом поливные, сизые от сплошной капусты совхозные огороды, чуть левее — поределье Греческие Хутора с плоскими черепичными крышами...» (И. Костыря. Хата).

Маловероятным было бы предположение, что все указанные писатели заимствовали интересующее нас слово у В. В. Маяковского. Скорее всего, перед нами случаи самостоятельного образования одного и того же слова по очень продуктивной модели.

Как бы то ни было, использование *поредельй* многими авторитетными современными писателями позволяет считать это слово фактом языка и ставить вопрос о его лексикографической фиксации. Словарная статья, посвященная этому слову, должна была бы иметь такой вид: «*Поредельй*, -ая, -ое. Ставший редким, поредевший».

В зависимости от возможностей словаря в статью могли бы быть включены одна — две цитаты (например, из В. Астафьева и Ю. Нагибина).

Но решающим фактором для невключения слова *поредельй* (и тысяч других производных слов) может оказаться установка на то, чтобы в целях экономии не давать в словаре «те группы производных слов, которые легко образуются и легко понимаются» (Словарь русского языка в четырех томах. Т. I. М., 1957). Без заметного увеличения объема словника (хотя бы до 200 тысяч слов) очень многие «легко образуемые» слова будут оставаться лексикографически не зафиксированными.

Смысловая близость отлагольных прилагательных на *-льйй* к причастиям на *-вший*, значительно увеличивает вероятность того, что многие из них не попадут в самый большой словарь, ибо «причастие в современных толковых словарях совершенно исчезло как слово, как лексическая единица» (Иванникова Е. А. Производные слова грамматического функционирования как объект лексикографии. — В сб.: Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977).

Что касается слова *поредельй*, то оно зафиксировано в одном из словарей, созданных в XIX веке. Это «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 года. Лингвисты неоднократно отмечали, что этот Словарь явился серьезным достижением русской лексикографии: он более чем вдвое превосходил предшествующие академические словари по объему словника (114 749 слов), отличаясь от них более четкими и точными приемами толкования значений, более совершенной разбивкой слов по значениям.

Выходит, ни Маяковский, ни тем более другие авторы XX века никак не могут претендовать на роль первооткрывателей, первосоздателей слова *поредельй*? Стало быть, речь идет вовсе не о каком-то новом слове, а об архаизме, об устаревшем слове, которое данные авторы в лучшем случае возродили?

Полагаем, что подобный вывод был бы неверным. И вот почему. Как и многие другие слова, *поредельй* в Словаре 1847 года не сопровождается оправдательными цитатами. Доказательствами того, что это слово использовалось в литературе XIX века, мы не располагаем. В то же время исследователи неоднократно указывали на такой недостаток Словаря 1847 года, как большое количество слов, искусственно образованных, не принадлежащих языку. Одним из первых на это указал В. И. Даль в статье «О наречиях русского языка»: «Относительно словосочинения, в смысле произвольного составления небывалых слов, поговори об иных писателях, достаточно будет сослаться на повсейший словарь наш, в котором 114 749 слов или наречий, но в том числе и множество таких, которые придуманы только для внесения их в счет, между тем как их нет вовсе на деле, и они нигде и никогда в ходу не бывали и не будут».

И, создавая свой Толковый словарь, В. И. Даль включил в него из Словаря 1847 года лишь около 100 тысяч слов (примерно 87 процентов), отвергнув 15 тысяч «по разным причинам лишние или неуместные» и добавив еще 20 тысяч слов из других словарей и 80 тысяч слов, собранных им самим.

Среди явно искусственных образований Словаря 1847 года, отвергнутых В. И. Далем, немало «небывалых» форм на *-лый*: *всзгорделый*, *выстоялый*, *достылый*, *извялый*, *издичалый*, *измокый*, *отлетелый*, *поосвежалый*, *поджипелый*, *умолкый* и много других.

Все подобные прилагательные приводятся в Словаре 1847 года без оправдательных цитат, объясняются односторонне (через причастие). В. И. Даль отказался от включения в свой словарь и слова *поредельй*. И, пожалуй, в данном случае допустил ошибку. Слово оказалось намного жизнеспособнее, чем приведенные слова, и в XX веке стало фактом языка. Интересное и своей индивидуальной судьбой, оно, словно капля воды, представляет собою целый мир «легко образуемых и легко понимаемых» слов, которые часто остаются за пределами толковых словарей.

Донецк

«Зеленому лекарству — зеленую улицу»

Л. А. КАЧАЕВА,
кандидат филологических наук

Под таким заголовком в «Литературной газете» (1983, 12 дек.) было опубликовано письмо врача, положившее начало дискуссии о «зеленом лекарстве» — лечении травами, фитотерапии. Самый же заголовок отразил появление в языке современной публицистики новых словосочетаний с прилагательным *зеленый*. Почему же появились такие словосочетания? Какие новые смыслы возникли в этом старом, исконно русском прилагательном?

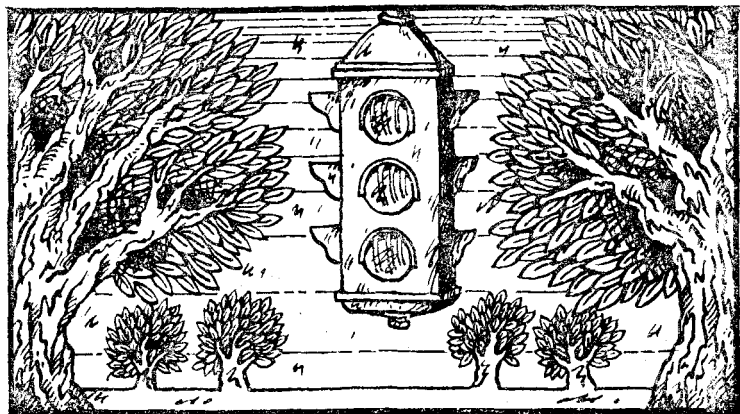
В современном русском языке слово *зеленый* многозначно. Его основное, исходное значение — «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, среднего между желтым и голубым; цвета травы, зелени». Оно обладает широкой сочетаемостью с существительными — названиями конкретных предметов зеленого цвета: *зеленая трава, зеленая листва, зеленый стебель, зеленая крыша, зеленый забор, зеленая шляпа, зеленое платье, зеленый абажур*. Более широк круг сочетаемости прилагательного *зеленый* в производных значениях — «поросший растительностью, образованный зеленью» и «состоящий из зелени», которые восходят к существительному *зелень* (трава, листва, растения, растительность). Правда, указанное значение этого существительного не-

разрывно связано с другим — «зеленый цвет, зеленая окраска чего-либо». Следовательно, связь с основным, цветовым, употреблением и в производных значениях слова *зеленый* сохраняется. Например: *зеленые насаждения, зеленый коридор, зеленый массив, зеленая полоса, зеленый уголок, зеленое кольцо, зеленая улица* (улица с большим количеством зеленых насаждений) — в слове *зеленый* здесь возникает своеобразная, по вполне закономерной «совместимость» основного и производного значений. В результате прилагательное становится как бы многозначным, и за счет этого возникают новые словосочетания.

Прежде всего *зеленый* широко употребляется для обозначения растительности в местах поселения, причем словосочетаниям с ним свойственна положительная эмоциональная окраска: ведь *зеленый город, зеленый поселок* (населенные пункты с большим количеством растительности) признаны наиболее благоприятными для жизни. Поэтому зеленые насаждения в городах и селах называют *зеленый наряд, зеленое убранство, зеленое богатство*: «зеленый наряд Строгина» (Веч. Москва, 1983, 28 июня). С прилагательным *зеленый* соединяются и существительные оценочные, подчеркивающие красоту, ценность зеленых массивов, уголков, полос (*зеленые оазисы, зеленые ожерелья, зеленые жемчужины*): «„Зеленая жемчужина“ — специализированный парк Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева» (Веч. Москва, 1983, 27 сент.).

Синонимичные словосочетания *зеленое строительство и зеленая архитектура* обозначают организацию благоустройства населенных пунктов, связанную с посадкой, выращиванием и размеще-

нием зеленых насаждений: «Водитель управления зеленого строительства... доставил это дерево в Москву» (Веч. Москва, 1985, 4 ноября). Словосочетания с прилагательным *зеленый* начинают обозначать любые, так или иначе относящиеся к природе, явления: *зеленые стоянки* – «остановки туристских теплоходов в красивых местах – на природе» (Правда, 1977, 6 мая); *зеленый потенциал* – «о потенциальной продуктивности сельскохозяйственных растений» (Правда, 1978, 2 февр.).

В ряде случаев можно говорить о фразеологических сочетаниях. Это уже устоявшийся фразеологизм *зеленый театр* – летний театр среди зелени: «Интересную программу на эстрадах и в зеленых театрах предлагают парки столицы» (Веч. Москва, 1981, 26 июня), а также новый – *зеленый музей* – музей в парке, в саду – под открытым небом: «Зеленый музей. Специалисты по зеленой архитектуре института „Липецкгражданпроект“ приступили к разработке документации на реконструкцию Нижнего городского парка. В нем намечено создать уголок истории, где разместятся пушки петровских времен, макеты первых липецких железодельных заводов, „городок сказок“ и современный мини-стадион» (Известия, 1981, 13 мая). Устоявшимися фразеологизмами являются *зеленый друг* – образное наименование дерева, леса, любой растительности; зелени в городе; *зеленый патруль* – группа, отряд для защиты, охраны леса, зеленых насаждений и даже обитателей леса, то есть природы в целом.

Своеобразное объединение двух значений – «связанный с природой» и «состоящий из свежей зелени» – паходим в словосочетаниях *зеленая аптека* – лекарственные растения, как природные, так и выращенные человеком; *зеленое лекарство*, *зеленая продукция* – лекарственные растения, целебные травы, листья, плоды, ягоды. Места, где растут или возделываются лекарственные растения, – леса, луга, то есть объекты природы, а также плантации в специализированных хозяйствах тоже называются *зеленой аптекой*: «Узнаю, что каждый четвертый лечебный препарат, выпускаемый отечественными предприятиями здоровья, получен из „зеленой аптеки“» (Правда, 1983, 27 мая); «Для переработки даров „зеленой“ аптеки созданы специальные ангары, мощное сушильное хозяйство» (Правда, 1985, 26 янв.). Наконец, *зеленая аптека* – это еще и магазин, где продаются лекарственные травы: «Ромашка и липа, чебрец и лаванда, ландыш и анис – букет запахов в этом магазине... рождает воспоминания о залитых солнцем лугах, полянах в тенистом лесу, сухих степных просторах, весеннем цветении сада. Это – „зеленая аптека“» (Правда, 1981, 28 ноября).

Таким образом, фразеологизм *зеленая аптека* оказался многозначным, что представляет собой одну из характерных особенностей фразеологии языка прессы. Другая ее особенность — вариантность словосочетаний: *зеленая страда* — напряженная пора во время ухода за овощами, их уборки: «Наши ребята и девушки примут участие в „зеленой страде“, будут работать на прополке овощей» (Комсомольская правда, 1977, 25 июня); *зеленая жатва* — работа по заготовке кормов: «Продолжается „зеленая жатва“, формирование кормовой базы животноводства» (Правда, 1981, 20 сент.). Однако оба эти сочетания могут употребляться и в более конкретных смыслах, обозначая сенокос, заготовку сенажа, закладку силоса, приготовление витаминной муки: «План закладки сена, силоса еще далек от выполнения, да и запасенные корма в основном низкого качества. Есть еще время поправить дело. Не ослабляя внимания к уборке хлебов, требуется с такой же настойчивостью продолжать „зеленую жатву“» (Правда, 1984, 15 авг.); «Зеленая страда быстрыми темпами ведется на побережье Охотского моря. Сенокос организовали на обновленных лугах коллективы рыболовецких и оленеводческих колхозов. Кормозаготовительные бригады умело маневрируют агрегатами» (Правда, 1984, 16 июля). Вариантом *зеленой жатвы* оказывается *зеленый конвейер* — последовательный ряд операций по заготовке кормов: «Конечно, в области... немало хозяйств, где „зеленая жатва“ идет организованно, продуманно... „Зеленый конвейер“ организован неплохо... „Зеленая жатва“ продолжается. Ее успех во многом зависит от организованности, четкости действий кормозаготовителей» (Правда, 1982, 8 авг.).

Многозначность и вариантность новых фразеологизмов проявляется и в словосочетаниях *зеленая улица*, *зеленая волна*, *зеленый свет*. Устаревшее значение фразеологизма *зеленая улица* связано с наказанием солдат в дореволюционной России: это «два поставленных друг против друга ряда солдат со шпикрutenами, сквозь строй которых прогоняли истязуемых». В современной публицистической речи *зеленая улица* обозначает «свободный на всем протяжении путь для транспорта». В основе этого значения — зеленый свет светофоров в городах и семафоров на железнодорожном транспорте.

Тот же смысл имеют и другие фразеологизмы: *зеленая волна* — беспрепятственный проезд автотранспорта по городской магистрали при зеленом сигнале нескольких последовательно расположенных светофоров: «На 21 магистрали города светофоры работают по принципу „зеленой волны“... При координированной работе автомобиль, движущийся по магистрали с определенной

скоростью, проходит все перекрестки при зеленых сигналах светофоров, не останавливаясь» (Веч. Москва, 1985, 11 февр.); *зеленый свет* в прямом значении также связан с обозначением зеленого сигнала светофора или семафора: «Зеленый свет поездам» (Правда, 1985, 29 окт.). Его своеобразный «осколок» — слово *зеленый* — используется для обозначения беспрепятственного пути для железнодорожного транспорта: «До Байкала поездам — „зеленый“» (Известия, 1981, 29 окт.); «Гори, „зеленый“» (Правда, 1985, 22 февр.).

В переносных значениях *зеленая улица* и *зеленый свет* синонимичны — они широко используются, когда хотят сказать об отсутствии препятствий, задержек в осуществлении чего-либо: «„Зеленая улица“ подряда» (Мос. правда, 1985, 5 февр.); «Одноактной пьесе — „зеленый свет“» (Сов. культура, 1983, 1 ноября); «Несне — зеленый свет» (Сов. культура, 1984, 15 ноября); «Не на словах, а на деле надо открыть „зеленую улицу“ новаторам...» (Правда, 1986, 30 янв.).

В языке прессы встречаются словосочетания *зеленый континент* — образное обозначение Австралии: «...прекрасная страна с бесценными природными богатствами, уникальным растительным и животным миром» (Правда, 1981, 23 марта); *зеленая революция* — значительное повышение урожайности зерновых культур в связи с интенсификацией сельского хозяйства: «Шаги „зеленой революции“ в Бирме. Правительство Бирмы в последние годы уделяет особое внимание развитию сельского хозяйства...» (За рубежом, 1985, № 43).

Приведенный иллюстративный материал показывает широкое употребление прилагательного *зеленый* в языке современной прессы. Оно расширяет свою сочетаемость, обновляет значения. Все это — свидетельство постоянных изменений в языке.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Все мы вышли из школы. Такое привычное, знакомое это слово. А каково его происхождение?»

Н. К. Карпов, г. Ашхабад

Слово *школа* заимствовано (через польский) из латинского *schola*, куда в свою очередь пришло из греч. — досуг, буквально задержка, занятие в свободные часы, чтение, лекция. Впервые слово *школа* зафиксировано в древнерусском языке в 1388 году (См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Алексей Иванович Соболевский

1857—1929

Л. Н. СМОЛЬНИКОВА

Выдающийся филолог, языковед-славист, академик А. И. Соболевский был ученым с необычайной широтой интересов, обладал энциклопедическими знаниями и редким даром интуиции. Родился Алексей Иванович 7 января 1857 года (26 декабря 1856 г.) в Москве в семье мелкого чиновника. После окончания гимназии он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал лекции таких крупнейших ученых XIX века, как Н. С. Тихонравов, А. Л. Дювернуа, Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер. Но особенно сильное влияние на формирование А. И. Соболевского как языковеда оказали Ф. И. Бушлаев и Ф. Ф. Фортунатов, благодаря которым он получил серьезную филологическую подготовку.

Историк русского языка, палеограф, этнограф, археолог, А. И. Соболевский исследовал огромное количество памятников письменности, изучил русский язык и литературу на широкой сравнительно-историче-

ской основе. Начало его деятельности относится к 1879 году, а уже через три года имя А. И. Соболевского стоит в ряду крупнейших лингвистов XIX века. Известность пришла к нему после публикации магистерской диссертации «Исследования в области русской грамматики» (1882). Хотя и небольшой по объему (92 стр.), этот труд послужил основанием для перестройки исторической морфологии славянских языков, стал источником для изучения истории русского языка. За

неполные 50 лет научной деятельности А. И. Соболевский написал более 450 работ, которые и до настоящего времени важны для изучения русского языка.

С 1882 года А. И. Соболевский работал в Киевском университете на кафедре русского языка и словесности. Здесь была опубликована докторская диссертация «Очерки из истории русского языка» (1884), в которой ученый дал основы исторической диалектологии русского языка, описав памятники письменности древних галицко-волынского и псковского наречий. В этот период вышли из печати также «Статьи по славяно-русскому языку» (1882—1883).

С 1883 года А. И. Соболевский — профессор Петербургского университета, в котором он, руководя кафедрой церковнославянского и русского языков, читал курсы лекций по исторической грамматике, диалектологии, палеографии, фонетике, старославянскому языку, а также спецкурсы по русскому историческому синтаксису, по переводной литературе, по вопросам лексических заимствований. Одновременно А. И. Соболевский работал в Археологическом институте, где читал палеографию. В 1893 году ученый был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1900-м — академиком.

Огромен вклад А. И. Соболев-

ского в славянское языкознание, где им сделан целый ряд серьезных научных открытий. Широко известны его исследования по истории русского и старославянского языков, лексикологии, этимологии, словообразованию, топонимике, ономастике, а также по истории русской литературы домонгольского и московского периодов. Назовем некоторые наиболее важные работы А. И. Соболевского: «Лекции по истории русского языка» (1888, переиздания — в 1891, 1903, 1907); «Древний церковнославянский язык. Фонетика» (1891); «Опыт русской диалектологии» (1897), положивший начало целому ряду учебников по этому предмету; «Особенности русских переводов домонгольского периода» (1897); «Славяно-русская палеография» (1901, II изд. — 1908).

Еще в начале преподавательской деятельности А. И. Соболевский, занимаясь историей русского литературного языка, привлек для исследования обширный круг переводных и оригинальных памятников письменности, как изданных, так и рукописных. В результате молодым ученым был накоплен богатый словарный материал. Тогда же, возможно, у А. И. Соболевского возник замысел создания древнерусского словаря. Считая, что хронологический период XI—XIV веков довольно полно представлен многочисленными памятниками письмен-

ности в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, А. И. Соболевский видел необходимость в продолжении лексикографической работы на материале XV—XVII веков.

В архиве А. И. Соболевского есть рукопись «Материалы для словаря русского языка XV—XVII вв.», хранящаяся в настоящее время в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР (ф. 176, оп. 1, ед. хр. 1). Она составляет 362 листа (24 конторских тетради): лл. 1—282 — словарь, лл. 283—362 — замечания и дополнения А. И. Соболевского. На л. 283 рукою автора написано: «Для редактора словаря Н. А. Смирнова. Я не успел заменить его [словаря.— Л. С.] длинн.[ые] ссылки на источники краткими. Не усп.[ел] вычеркнуть этимол.[огические] объяснения при помощи Бернекера, Феста и т. п. Я имел в виду сделать изд.[ание] титла [титульного листа]: см. просто «Материалы для словаря р. яз. XV—XVII в.». В конце записки стоит дата — 4 окт. 1919 г. и подпись — А. Соболевский.

Словарь включает 1569 слов (1505 словарных статей и 64 отсылочных), не считая дополнений, сделанных А. И. Соболевским на обороте листов. Основной словаря, определяющей и характеризующей полноту словника, явились выписки из

памятников письменности XV—XVII веков разных областей России. При этом особая сложность для лексикографа заключалась в систематизации словарного материала: требовалось выделить именно такую лексику, которая характеризовала бы язык русского народа этого исторического периода.

Наиболее обширно в словаре представлена бытовая лексика, постоянно употребляемая. Сюда относятся слова *баранина, бараний, блинъ, быкъ, вилка, говядина, грибъ, ложка, мука, почки, ребро, резать, хлѣбъ, цѣловальникъ, яблоня*, а также огромное количество слов, составляющих основу не только словаря XV—XVII веков, но и современного русского. Вместе с тем в «Материалах» А. И. Соболевского есть книжная лексика, в состав которой входят и заимствования, усвоенные и распространенные среди образованных людей средневековья: *аликантъ, анисть, анкирекъ, бадьянъ, древномаслие, камилавка, кабеба* и др.

Часто слова сопровождаются этимологическими объяснениями: *Амбаръ, Анбаръ*. Тюрк. *амбаръ*, перс. *anbār*; *Аханний*, прил. от сущ. *аханъ* (татар.). Путем описательного толкования даются слова, обозначающие старинные предметы и явления, и заимствования, называющие иноязычные реалии. Иногда объяснения сопровождаются некоторыми сведениями из

энциклопедического характера: *Ангелик(ъ)*. Растение *Angelica*, ароматное, возбуждающее средство. Сл. Ак. н. [Словарь 1847 г.]; *Берковескъ*. Мера веса. Стар. [Старое]. То же, что *берковск*.

А. И. Соболевский, широко пользуясь системой отсылок, разрабатывает более употребительную форму слова, а менее употребительную приводит на своем алфавитном месте: *галганъ* см. *калганъ*; *вухоны* см. *бухоны*; *кгалганъ* см. *калганъ*. В случае, если варианты слова равноценны, они даются в одной словарной статье: *Имбирь*, *Инибрь*; *Кумганъ*, *Кунганъ*. Если же форма заголовочного слова не ясна, в скобках приведена предположительная со знаком (?): *морушка (морощка?)* — или просто вопросительный знак: *ламбикъ (?)*; *кундумы (?)*. Каждое значение слова иллюстрируется несколькими контекстами из памятников письменности, разнообразных по хронологии и жанру.

Как неустоявшийся лексикографический прием следует отметить колебания в подаче орфографических вариантов. Есть несколько случаев, когда в одной словарной статье приводятся два варианта: *Брусничный*, *Бруснишный*, прил. от сущ. *брусника*; иногда один зачеркивается и в качестве основного берется написание с *чи*, а не с *ши*: *Пшенич(ш)ный*; встречается также вариант с *ши*:

Клюшничья, который исправляется на *чи*: *Ключничья*.

Однокорневые образования с разными суффиксами, как правило, помещены в разных словарных статьях: *Ножикъ*, *Ножъ*; *Кубикъ*, *Кубочек*. *Кубокъ*, *Кубъ*. Однако, как исключение, отмечены в одной статье однокорневые слова, различающиеся суффиксами: *Ночева*, *Ночевка*, *Ночва*. В словаре много исправлений чернилами, три слова зачеркнуты синим карандашом: *Кухня*, *Кухонный*, *Кушать*. Пропущенные слова приводятся на обороте листов.

«Материалы» А. И. Соболевского изданы не были, но начатая им лексикографическая работа в дальнейшем получила продолжение. В мае 1925 года ученый выступил на заседании Отделения русского языка и словесности АН (ОРЯС) с написанной им «Докладной запиской о составлении и назначении словарей древнерусского и старорусского языка», в которой предложил создать при ОРЯС Комиссию по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку. Работу предполагалось вести в виде «словарных извлечений из памятников русского письма, составленных или переведенных не позднее XIV в. по спискам XI—XVI столетий», а также «по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным, XV—XVII вв.» и др. Для

расписывания источников словаря были привлечены известные филологи, археографы, историки (подробнее см.: К истории создания Картотеки древнерусского словаря. — Русская речь, 1976, № 2). Председателем Комиссии стал А. И. Соболевский.

Вклад ученого в созданную по его инициативе и при его участии Картотеку древнерусского словаря бесценен и уникален. Насчитывается около 93 тысяч карточек, расписанных им самим из разнообразных памятников письменности (включая и те, которые ранее были сделаны для «Материалов»), и примерно 7700 карточек, написанных совместно с Ф. И. Булаевым, С. И. Соболевским и другими учеными. Карточки эти необычайно малы: 3×10 см. и 4×10 см. Всего было расписано примерно 290 памятников письменности, из них 95 — рукописных. Значительное место составляют собственно русские памятники разных жанров: уставы, сказания, послания, жития, святых, всевозможные записи, переписные книги, записки о путешествиях, хождения, чудеса, похвальные слова, грамоты, деловые документы, выписки из писцовых, межевых и переписных книг, помещенные акты, распросные речи и др. Кроме того, А. И. Соболевский еще до начала работы

Комиссии собрал картотеку *Varia* [Разное], содержащую преимущественно лексику хозяйственного быта (из Домостроя, описей имущества и т. п.); она насчитывает 300 карточек (переданы в Архив Е. С. Истриной).

А. И. Соболевский умер 24 мая 1929 года. После его смерти работу над Картотекской древнерусского словаря возглавил академик М. Н. Сперанский. В настоящее время на основании этой Картотеки составляется «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1 — М., 1975). К 1986 году вышло в свет 11 выпусков, 12 и 13-й находятся в печати.

Каждое исследование А. И. Соболевского занимает важное место в истории отечественной науки. Невозможно поэтому исключить «Материалы для словаря русского языка XV—XVII вв.» из истории создания Картотеки древнерусского словаря, а также «Словаря русского языка XI—XVII вв.», истоки которого, таким образом, следует отнести к началу XX века. Ценность этой до сих пор еще малоизвестной работы А. И. Соболевского не подлежит сомнению, а ее богатая лексика убедительно говорит в пользу привлечения данной рукописи для историко-лексикологических, этимологических и других исследований.

Анастасия Петровна Евгеньева

1899—1985

Е. А. ИВАННИКОВА,
кандидат филологических наук

В отечественном языковедении имя Анастасии Петровны Евгеньевой связано прежде всего с получившими большую известность «Словарем русского языка» в 4-х томах и двухтомным «Словарем синонимов русского языка», главным редактором которых она была. Однако эти словари только часть ее обширной научной деятельности. А. П. Евгеньева — видный советский ученый, оставивший значительный след в различных областях русистики, блестящий знаток русского языка и русской культуры на всех этапах их исторического развития.

Анастасия Петровна Евгеньева родилась 10(22) ноября 1899 года в Костроме. После окончания гимназии в 1917 году она работала учительницей и воспитательницей в начальной школе, затем в Опытно-показательной школе-коммуне Костромы. В 1922 году А. П. Евгеньева поступила учиться в Петроградский педагогический институт имени А. И. Герцена на факультет языка и литера-

туры. По окончании его почти в течение 10 лет преподавала в средних школах и техникумах Ленинграда. Вместе с тем она продолжала расширять свои знания: посещала лекции выдающихся филологов того времени — В. А. Десницкого, Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, которые оказали благотворное влияние на формирование филологических взглядов А. П. Евгеньевой.

Педагогическая деятельность ее была незаурядной. В связи с 20-летним юбилеем преподавательского труда А. П. Евгеньевой журнал «Русский язык в школе» поместил специальную статью, в которой говорилось: «А. П. Евгеньева — педагог-художник, ее преподавательская работа — работа творческая, искусство большого масштаба» (1937, № 5).

В 1938 году Анастасия Петровна стала аспирантом кафедры русского языка пединститута имени А. И. Герцена и в 1941-м защитила кандидатскую диссертацию. В военные годы

А. П. Евгеньева продолжала педагогическую деятельность, но теперь уже в высшей школе; находясь в эвакуации, была доцентом в вузах Кирова и Яранска. В 1947 году А. П. Евгеньева начала работать в Ленинградском отделении Института русского языка АН СССР (впоследствии Института языкознания), а с 1948 года она — старший научный сотрудник Словарного сектора этого Института, в котором работала до конца жизни. В 1951 году А. П. Евгеньева защитила докторскую диссертацию, в 1954-м ей было присвоено звание профессора.

Еще во время работы в школе у А. П. Евгеньевой пробудился серьезный интерес к истории русского языка и древнерусскому искусству. На этой почве у нее установились связи с такими замечательными учеными, как Л. В. Щерба, С. П. Обнорский, Б. А. Ларин, которые стали ее учителями. Когда под руководством Б. А. Ларина началась подготовка к составлению древнерусского словаря, А. П. Евгеньева стала работать первоначально выборщиком для Картоteki словаря (известной теперь под названием Картоteki ДРС), а затем приняла участие в разработке его проекта.

Большой вклад внесла А. П. Евгеньева в диалектологическое изучение русского языка. На протяжении многих лет (с 1936 по 1952-й) она ежегодно при-

нимала участие в диалектологических экспедициях Института языка и мышления АН СССР, Института русского языка АН СССР, руководила диалектологической работой в Кировском пединституте, а позднее в Ленинградском университете, исследуя говоры Псковской, Новгородской и Архангельской областей. Собранные ею материалы были использованы при формировании Картоteki русских народных говоров Словарного сектора. За время экспедиций А. П. Евгеньева приобрела богатые знания в области бытовой и промысловой лексики, так пригодившиеся ей при работе над толковым «Словарем русского языка».

А. П. Евгеньева была авторитетнейшим исследователем языка устного народного творчества. Собираание и обработка диалектологического материала, постоянное общение с живым

словом вызвали у нее особый интерес к языку фольклора, в результате чего появилась серия ее статей (начиная с 1939 г.): «О языке фольклора», «О языке былин», «О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX в. (постоянный эпитет)», «Язык русской устной поэзии», «Сочетания *жили-были* в сказочном зачине», «Проблема изучения языка устного народного творчества» и целый ряд других. Тема кандидатской диссертации — «Язык былин в записях XVII в.», а докторской — язык русской устной поэзии, итоги исследования которого вылились в монографию «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XIX вв.» (1963). Хотя дальнейшая научная деятельность А. П. Евгеньевой получила иное направление, любовь к языку фольклора, этой народной сокровищнице русского языка, она пронесла через всю жизнь. В 1958 году вышла книга «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (II изд., 1977), в которой А. П. Евгеньева подготовила тексты и словарь к ним, написала статью о рукописи этого сборника и некоторых ее особенностях.

В 1966 году вышел в свет том «Литературного наследства», посвященный записям устных произведений, которые сделали для П. В. Киреевского Пушкин, Кольцов, Даль, Мель-

ников, Писемский, Якушкин и др. А. П. Евгеньева осуществила редактирование этих записей. Одновременно вышла статья Анастасии Петровны о принципах публикации фольклорных текстов. В 1970 году была опубликована ее работа «Слово о полку Игореве и русский литературный язык старшего периода». Труды А. П. Евгеньевой по языку фольклора являются большим вкладом в филологию, не потерявшим своего значения до сих пор. В них поднимаются исключительно важные проблемы и для теории современного и исторического языкознания, и для диалектологии, и для фольклористики.

Работая в Словарном секторе и находясь в центре его всех важнейших научных начинаний, А. П. Евгеньева стала ведущим лексикографом. В послевоенные годы продолжалась работа над «Словарем современного русского литературного языка» в 17-ти томах под руководством таких известных ученых, как В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, И. И. Толстой, В. Ф. Шшмарев, Е. С. Истрина, Ф. П. Филин, С. И. Ожегов; в этой работе принимала участие и А. П. Евгеньева.

В начале 50-х годов Словарный сектор получил новое задание — составить словарь среднего объема, который отражал

бы общеупотребительную лексику и фразеологию современного литературного языка и бы бы доступным для широкого круга читателей. В годы Советской власти был создан словарь такого типа — «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией Д. Н. Ушакова, но он отражал состав русского литературного языка 20–30-х годов. Возглавил работу над новым словарем С. Г. Бархударов, и А. П. Евгеньева активно включилась в нее.

Новый словарь должен был отразить изменения, произошедшие в лексике литературного языка за счет пополнения специальными, профессиональными и народно-разговорными словами. В то же время надо было сохранить широкоупотребительную лексику. Основное внимание было обращено на более точное и детальное толкование значений, на максимальное отражение лексической системы современного русского языка, на усиление нормативных установок. Смысловые и грамматические особенности слова предполагалось подтверждать иллюстративным материалом в виде цитат из художественной литературы и общеупотребительных речений.

А. П. Евгеньева — редактор I тома «Словаря русского языка», член редакционной коллегии, а со II тома — председатель редколлегии. Вышедший в свет

Словарь (1957–1961) сразу приобрел большую популярность у широкого круга читателей в нашей стране и за рубежом. Он сыграл большую роль в развитии лексикологии и лексикографии, его материалы привлекаются к исследованию самых разнообразных областей языкознания. Словарь стал образцом, по которому создаются толковые словари национальных языков советских республик и славянских стран, а также двуязычные словари. Практический опыт работы над этим Словарем А. П. Евгеньева обобщила в ряде теоретических статей: «К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка», «Определения в толковых словарях» и др.

По окончании работы над толковым словарем А. П. Евгеньева приступила к разработке новой темы — синонимического словаря русского языка. Трудность этой работы состояла, с одной стороны, в бедной традиции составления таких словарей в русской лексикографии (публикация отдельных материалов по синонимам с конца XVIII века и единичные краткие словари более позднего времени), а с другой — в недостаточной разработке теории синонимии. А. П. Евгеньева стремилась создать такой словарь, который отражал бы действительную картину синонимии в русском языке, ее специфические национальные

особенности, давал бы «достаточно полное описание явлений синонимии в различных областях языка».

«Проект словаря синонимов», подготовленный А. П. Евгеньевой, дает четкое представление о задачах словаря, его составе, структуре, организации словарных статей, иллюстрациях, стилистической характеристике слов. «Словарь синонимов русского языка» в 2-х томах вышел в 1970–1971 годах. Этот словарь является первым наиболее полным синонимическим словарем русского языка, созданным на четких теоретических положениях. Он стал научным событием русской лексикографии Советской эпохи. За эту работу А. П. Евгеньевой была присуждена премия им. А. С. Пушкина АН СССР 1974 года. В следующем году на основе двухтомника под редакцией А. П. Евгеньевой вышел однотомный «Словарь синонимов».

А. П. Евгеньева была главным редактором второго издания «Словаря русского языка» в 4-х томах (1981–1984). Со времени его первого издания произошли изменения в лексике русского языка в связи с бурным культурным и научно-техническим развитием в последние годы. А. П. Евгеньева разработала научные положения нового издания, направленные на усиление систематизации лексического материала.

Одним из результатов такого подхода явилось дополнение словаря качественными наречиями, которые в первом издании трактовались как формы прилагательных, не получая самостоятельного отражения, а также показ видовой соотносительности глагола, что потребовало пересмотра разработки всей семантической структуры глагола.

Словарная работа, как известно, очень трудоемкая, а для А. П. Евгеньевой особенно характерно было скрупулезное изучение особенностей русского слова. Она проверяла жизнь слова по всем зафиксировавшим его источникам как в лексикографии, так и в художественной литературе.

А. П. Евгеньева уделяла большое внимание вопросам орфографии, культуре речи. Она была активным участником цикла лекций «Правильность и чистота русской речи», организованного обществом «Знание». Став доктором филологических наук, А. П. Евгеньева продолжала преподавательскую деятельность, постоянно осуществляя руководство аспирантами и соискателями, которые, как правило, успешно защищали кандидатские, а впоследствии и докторские диссертации. Ученики А. П. Евгеньевой, работающие во всех концах страны, поддерживали с ней постоянную связь, творческое общение.

А. П. Евгеньева ушла из

жизни на 86-м году (10 ноября 1985 г.), полная творческих планов и замыслов. Неумолимая труженица науки, она всю жизнь верно служила ей в области русского языкознания. Оставленные А. П. Евгеньевой труды свидетельствуют о ее незаурядных творческих возможностях, обширных филологических интересах (лексикология,

лексикография, грамматика, стилистика, история языка, диалектология, фольклор и художественная литература), энциклопедических знаниях.

Труды А. П. Евгеньевой, в которых отражена лексическая система XX века, никогда не утратят своего значения.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово «ура»? Откуда пришло оно в русский язык?»

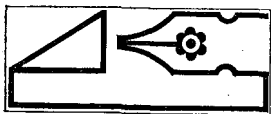
В. П. Соколов, Калуга

Слово *ура* — не исконно русское, а заимствованное. Как считают некоторые ученые, например М. Фасмер, оно пришло к нам из немецкого (сравните немецкое *hurra* — «ура», происходящее от более древнего средневерхненемецкого *hurra*, которое связывают с глаголом *hurren* — «быстро двигаться»). Другие ученые, например Р. Якобсон, считают, что *ура* пришло из тюркских языков (к тюркским языкам относят татарский, турецкий, азербайджанский и др. языки). При этом сближают русское *ура* с тюркским *уга* — «бей», а также *ушак* «бить» (См. об этом: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том IV, М., 1973, стр. 166).

Мастер

изобразительных находок

О. Ю. ЧЕХОМОВА,

Повесть Н. С. Лескова «Полунощники», являющаяся сатирой на духовенство, и поныне воспринимается читателями как остросовременное, антицерковное произведение. Построенная на хорошо известном писателю материале, она развенчивает, в частности, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте, который в различных слоях общества спискал себе славу «чудотворца». Однако Лесков в этой повести показал себя не только превосходным знатоком темных сторон российского быта конца прошлого века, но и великолепным стилистом, мастером образного, меткого слова, тонко чувствующим речь представителей разных социальных слоев.

Реальность и жизненность изложения придают повести характер автобиографических воспоминаний. Это ощущение усиливается еще и тем, что в первой и частично во второй главах рассказ ведется от первого лица и образы автора и повествователя как бы сливаются воедино. Автор-рассказчик сообщает о необычном путешествии, которое он совершил по совету друзей. Дорога приводит его в гостиницу. Однако это не простая гостиница, а «Ажидация». Необычное слово, образованное от контаминации (соединения) французского *agitation* (волнение) и русского *ожидать*, у Лескова получает новое семантическое значение: особая организация или учреждение, где «ожидают». В повести это слово, как мы узнаем из авторского примечания, употребляется и в ином значении: «как самое действие ожидания», затем от него образуется субстантивированное «ожидающие»: «Здесь не называют: „проезжающие“ или „прибывающие“, а „ожидающие“. Это солиднее и соответственнее» (Здесь и далее цитируется издание: Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 тт. Т. 9. М., 1958).

В «Полунощниках» ожидающие — те, кто приехал получить благословение у проповедника и якобы чудотворца Иоанна Кронштадтского. Лицемерный, ханжеский мир алчущих «чуда» автор

разоблачает с помощью разнообразных художественных средств и прежде всего путем сочетания разностилевых речевых элементов: книжного и разговорного; высокого стиля в соединении с нейтральным или даже сниженно-просторечным: «Лик „риндательни“ ударяет в сухой, византийский стиль, а ключницы с дугообразными бровями принадлежит итальянской школе»; «...в особе ключницы сосредоточена большая экономическая сила и исполнительная полицейская власть»; терминологической лексики в нетерминологическом употреблении: «Ее часть, так сказать, генеральная, а часть ключницы, помещающейся внизу, более обозная, узко хозяйственная...»

Благодаря метко подобранным глаголам: «...ожидателей сначала „собьют“ (здесь и далее курсив наш.— О. Ч.) в угол к владычице“. Здесь „в аждидаци“ немножко помолятся перед большим образом, а их в это время расценят и рассортируют»; прилагательным-эпитетам: «Все „комнатки“, кроме двух, имеют по одному окну с худенькими занавесками...», «верхняя публика»; существительным: толпушка, стойлицы,— перед читателями красноречиво предстают посетители и хозяева «Аждидаци». Саморазоблачение героев осуществляется отнюдь не случайным подбором глаголов-синонимов: «...молятся, или, как говорят, „припадают“»; назывных существительных: так, служащего «Аждидаци» автор вначале представляет: «...бойкий жох из отставных военных», затем просто: «отставной военный с очень серьезным выражением» и, наконец: «воин этот — человек солидного века и несомненно очень твердого характера». Несоответствие высокой семантики слова *воин* изображаемому лицу — элемент комического, авторской иронии: «Лампады возжигает воин, имеющий свой торговый пост у шкафика».

Мелочный мещанский и купеческий быт, духовную убогость его представителей характеризует перечень окружающих их вещей: «...стоят купеческие цветы: герань, бальзамины, волкамерья, красный лопушок и мольное дерево, доказывающее здесь свое бессилие против огромного изобилия моли»; «Вверху под занавесками — клетки с птичками, из которых одна канарейка, а другая — чижик».

Авторская речь, пронизанная нескрываемой иронией, насыщена цитатами из отдельных слов или фраз, взятых из среды изображения, или, как ее характеризует Лесков, «толпушки»: «Других, „которые переенькие, но почище“, водворяют по усмотрению в свободных номерах первого и второго этажа»; «Во всех комнатах есть образа и портретики; в общей комнате образ значительно большего размера, чем в отдельных номерах, и перед

чим теплится „неугасимая“. Другая неугасимая горит перед владычицей в коридоре».

Познакомив читателей с миром «Ажидации», автор-рассказчик передает слово своим героям, тем, кто вместе с ним не может заснуть в эту ночь.

«У меня, — сообщает рассказчик, — оказалось разговорчивое соседство, на которое я сначала сердился, а потом увлекся и начал слушать». Далее следует пересказ диалогов героев: старика со старухой (соседей справа) и приживалки Марьи Мартыновны с молодой купчихой Аичкой (соседей слева), благодаря чему в повести создается многоплоскостное изображение. И если в других произведениях Лескова сказового характера рассказчик видел и слышал своих героев, в «Полуночниках» он их только слышит — разговор происходит за стеной.

«Справа приплись у меня соседи только дасадительные и даже, кажется, не совсем с чистою совестью». «Они все что-то перекладывали и бурчали, причем старик употреблял букву *ш* вместо *с* и *ж* вместо *з*, а также он употреблял что-то и из „штакана“ и называл это „анкор“». Затем в аторское повествование включаются прямые реплики старика и старухи, которые рассказчик сопровождает лишь небольшими «ремарками», в одних случаях выраженными прямой речью: «Она налила, а он выпил и крикнул», в других же переданными косвенной речью: «Она налила, а он выпил и сказал, что подал вчера „подозрение“ на каких-то своих соседних жильцов, у которых этими супругами, надо думать, была похищена какая-то блистательная рекомендация».

Образы стариков раскрываются не только в содержании реплик, характере их поступков, но и в самой звучащей речи: пипящей и жалящей (у старика): «Ей надо жнать, кто ш какими мышлями приежжает, а я, жнаешь... я вше што ешт в человеке — вше это могу ужнать и шкажать»; дичинной и грубовато-просторечной (у старухи): «Очень ты ей нужен!»; «Ну, они сюда и придерут». Характерную значимость приобретает в повести слово «анкор», поворачивая которое то одной, то другой стороной, автор в скрытой форме выражает свое отношение к людям, подобным соседям справа. Так, вначале старик употребляет «анкор» как название вина, вероятно, он когда-то слышал это слово, но истинного значения его не знает.

Для автора-рассказчика звучание этого слова ассоциируется с призывом к травле, расправе над человеком:

«— Encore!

— Пли — пли...

Травят кого-то или даже, может быть, казнят — расстреливают, что ли, кого-то во сне».

Прямое же значение французского слова *ensoie* (еще) дается в авторской сноске. Таким образом, каждый из героев по-своему понимает и использует незнакомое слово, ассоциативно связывая его значение или с какой-либо конкретной ситуацией или употребляя его по созвучию с каким-либо другим словом, подходящим для данного момента. Наконец, старики засыпают («слышны два сонные дыхания»), и автор, прощаясь с соседями справа, не отказывается и от прямой оценки героев, метко подбирая эпитеты: «Жадный тарантул и его ехидна, обнявшиеся на супружеском ложе, для меня исчезли».

Последующие четырнадцать из шестнадцати глав «Полуночников» составляют монологические реплики приживалки Марьи Мартыновны и небольшие, часто эмоционального или вопросного характера реплики ее хозяйки купчихи Аички. Автор-рассказчик в этих главах почти не присутствует, его голос появляется лишь в резюме повести. Речь героинь становится единственным источником воссоздания их образов, характеров, развития действия, развенчания социального зла, яркими выразителями которого выступают как Марья Мартыновна, так и ее собеседница Аичка.

Речевой портрет Марьи Мартыновны не прост. Ее реплики, прислащенные словами с суффиксами субъективной оценки (*-еньк, -ельк, -очк, -ек, -оньк*): «в постельку», «мякенькая», «лампадочка», «хорошенько», «у ваших ножек сидеть и потихоньку гас гладить», создают образ притворно заискивающей женщины. Она приживалка в купеческой семье, отсюда и ласковые обращения: «Мой ангел»; «моя милочка»; «мой друг». В каждом ее слове желание во всем угодить хозяйке. В речи Марьи Мартыновны соединяются как лексические элементы живого народного языка, например пословицы и поговорки («такого хвата, в три обхвата»; «все пути не заказаны»), так и буржуазно-купеческая фразеология: «три тысячи приданого до венца сорвал»; «две тысячи маменька еще себе отшибла».

Не зная французского языка, Марья Мартыновна страшно кверкает слова, знакомые ей лишь понаслышке. Ее речь достигает буффонады, когда она стремится передать диалог Николая Ивановича с француженками, «цитируя» их реплики: «А потом на минуточку мужчин бросит и к траурным кукоткам по-французски... да все плохо у него выходит, все вставляет: „командир“ да „командир“, а те ему — „трешепетэ“ да „тре-журавлэ“ и все-таки его хлопают, а он тыр-тыр-тыр, и перметэ муа сортир, и заикнется, и спячнется» (Командир — фр. *comment dire* «как сказать»;

permeté ma сортир – фр. permettez – moi sortir «разрешите мне выйти»). Чтобы блеснуть своей причастностью к образованному обществу и знакомством с уважаемыми, почтенными людьми, она готова и простые слова оформит под иностранные: «Представь себе, так весь огурцом „а-ля-пузё“»; «ходил постоянно завит, обрит и причесан, раздушен и одет а-ля-морда и все учился по-французски».

О своей необразованности Марья Мартыновна говорит, пемущаясь: «долбицу умножения сколько ни долбила, а как, бывало, зададут задачу на четыре правила сложения – плюспть, или минусить, или в уме составить... – то я и никаких нустьков не могу отвечать». Трудные, непонятные слова эта героиня Лескова трансформирует по звуковой ассоциации с известными; так, в ее речи появляются многочисленные примеры народной этимологии: «страсть какой предприятельный»; «пристал к каким-то в компанию делать постанов вопроса, и завели они подземельный банк»; «докончателный скандал вышел».

Прием расширения и насыщения семантики слова за счет контаминации частей нескольких слов – излюбленный прием Лескова. Он всегда дает неожиданные смысловые обертоны. Эти слова, как микрообразы, вбирают в себя скрывааемую авторскую позицию, как, например, в данном случае, когда открыто писатель выступить не может. И поскольку, автор-повествователь здесь «отсутствует», доля таких слов в речи героев значительна.

Игра значений омонимичных слов, рифмованность фраз в устах Марьи Мартыновны придают повествованию красочно-юморстические оттенки: «Наконец-то вышло, что у меня игла выгдэ не вышла, а зато он сам у своей полной дамы закутился, и поккал ему такой номер, что он номер, а я тогда ему назло взяла да сейчас и вышла за подлкаря».

Особую значимость в речи Марьи Мартыновны имеет слово *выдающееся*, более 60 раз употребляет она его в различных сочетаниях: «Эта комнатка своей чистотой здесь из всех выдающееся...»; «...тогда ей особенно выдающееся наказания нет...»; «...да еще и при выдающееся красоте...»; «А у меня в жизни, мой друг, кроме горя, ничего и нет выдающееся»; «...и живот этакый имел, – ах, какой выдающееся!» и т. д.

Марья Мартыновна рассказывает Аичке о многих людях, с которыми ей пришлось встречаться в своей жизни. Иногда она цитирует лишь отдельные их фразы, слова, в других случаях пересказывает дословно, или трансформирует небольшие диалоги. Так происходит наложение или столкновение нескольких речевых позиций героев. В монологической реплике Марьи Марты-

новны передаются элементы речи доктора Ферштета, немца, втростепенного персонажа: «...рассудил, что на „службе, говорит, можно получать различные поручения, каких я делать не хочу, надо в пустяках для угождения много время тратить, и уважать, кого не стоит, и бояться, как бы с дурной стороны не представили,— а я-де ни с кем ни в какую общественную историю падать не хочу, а хочу лучше сам по своим понятиям людям услуживать“».

В другом случае эта лесковская героиня на свой лад интерпретирует диалог непокорной Клавдиньки с матерью: «Мать сначала, бывало, шутя спрашивает: „Что же ты это, Клавдичка, на молитвы, что ли, все раздаешь?“ „Нет,— говорит,— маменька, зачем же мне покупные молитвы?“»

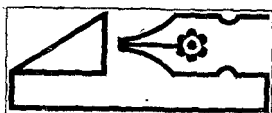
Средствами речевой характеристики автор добивается саморазоблачения героев, одновременно давая им и свои оценки.

В речи Маргариты Михайловны ясно угадывается ее социальная принадлежность к купеческому слою: «...я тебе столько денег дам, что можешь больше всех графинь и княгинь сыпать». Колоритна и фигура Николая Ивановича. Его речевой портрет типичен для представителя нарождающегося буржуазного класса, поэтому, когда Марья Мартыновна говорит о нем, в ее речи проявляются уважительные слова: «предприятельный»; «более всего мимоноски строил»; «ладеж бумаг»; «стал таскать при себе денег видимо и невидимо». Комизм речи Марьи Мартыновны, передающей историю пьяного разгула Николая Ивановича, достигается своеобразной трансформацией в ее устах прямой речи героя: «А ты, если хочешь покойна быть,— не думай ничего дурного: это место общественное, тут пальтошников нет, а разная публика и при ней популярные советляки и интригантусы; мы здесь в своей компании всю анкогниту видим и называем себя „друзки“. Три мускатера: Тушас, Тушас и Туляс, а я у них командир».

Мастерство Лескова в «Полупошниках» в полной мере отражает изобразительные находки, созданные им за счет столкновения разностилевых лексических элементов, с помощью необычного сцепления слов, обыгрывания значений слов на основе фонетических ассоциаций с общекультурной или разговорной лексикой, благодаря свободному употреблению фразеологических единиц и многих других речевых средств. Использование Лесковым богатств народно-разговорной речи служило общей демократизацией русского языка.

Где поставить ударение?

О. С. ИССЕРС

Необходимым признаком грамотной речи является правильная постановка ударения. Современное русское ударение представляет собой сложную систему, и эта сложность в значительной степени объясняется наличием множества вариантов. Особые трудности в постановке ударения вызывают сложные и приставочные прилагательные с суффиксами *-ов-*, *-н-*, *-ск-*. Можно слышать *двухкилограммовый* и *двухкилограммбвый*, *каменноугольный* и *каменноугельный*, *горнозавдский* и *горнозаводскбй*. Подобные колебания широко представлены в поэтической речи:

Зеленый, и красный, и желтый, и синий,
Как будто возникший в глазах дикаря,
Корабль трехмачтовый в сырой парусине
Из памяти выкорчевал якоря.

Антокольский. «Земля колыбели могил укачала...»

Совсем еще лоцманы юны...
У кромки арктических льдов
В каютах трехмачтовой шхуны
Живут в ожиданье судов.

Рождественский И. Полярные лоцманы

Разные ударения в одном слове встречаются не только у разных поэтов, но и у одного автора, например у В. Маяковского:

Трехчасовой
унылый «Выстрел»
копец несчастного убыстрил.
Безыменскому

За трудом шестичасовым
что им в радость,
сонным совам?
Товарищу машинистке

Отклонения от нормативного ударения иногда рассматриваются как поэтические вольности, допускаемые в целях размера или

рифмы. Однако данная группа прилагательных обнаруживает вариантность не только в поэтической речи. Современные нормативные словари и справочники регистрируют это. Так, в «Орфоэпическом словаре русского языка» (М., 1983) находим *коротковолновый* и доп. *коротковолнóвый*, *двухведёрный* и доп. *двухвёдерный*, *бколоземной* и *бколозёмный*, *одновременный* и доп. *одновре́менный*.

Особенно широко варианты представлены в обиходной разговорной речи, причем здесь можно встретить и находящиеся за пределами литературной нормы (если они регистрируются в словарях, то сопровождаются пометами «не рекомендуется», «не»; в нашей статье они помечены «ненорм.»). Мы слышим *аэропортóвый* и *аэропóртовый* (ненорм.), *дорóдовой* и *дорóдовый* (ненорм.), *многовековóй* и *многовеко́вый* (ненорм.), *двухцилиндрóвый* и *двухцилиндрóвый* (ненорм.), *прифронтóвый* и *прифронтóвый* (ненорм.).

Существуют ли правила, регулирующие постановку ударения (на корне, суффиксе, окончании) в сложных и приставочных прилагательных с суффиксами *-ов-*, *-н-*, *-ск-*?

В «Русской грамматике» (М., 1980) предложено следующее правило: чисто суффиксальные прилагательные с ударением на основе должны сохранять его в сложных и приставочных производных (*билётный* – *безбилётный*, *плáновый* – *сверхплáновый* и т. п.) Однако это правило не объясняет колебаний типа *километрóвый* – *кубомётровый*.

Факты языка убеждают в том, что строгие правила ударения для этой группы прилагательных не всегда легко сформулировать, но можно проследить определенные закономерности, выявить модели, по которым происходит расстановка ударения. Попробуем, используя данные Орфоэпического словаря, сделать это.

Акцентные отношения между однокорневыми словами *парник* – *парникóвый* – *припарникóвый*, *лист* – *листо́вый* – *тонколисто́вый*, *метр*, *киломе́тр* – *метрóвый*, *километрóвый* представляют одну из типичных закономерностей. Приставочное или сложное прилагательное имеет то же ударение, что и суффиксальное, независимо от ударения существительного. Так, по образцу *метрóвая* произносится *двухметрóвая*: «Мы идем тропой таежной, И вокруг нее цветы Непонятной, невозможной, Двухметровой красоты» (Сшанин. Кипрей). Но это не единственная модель ударения в сложных и приставочных прилагательных, есть и другие.

Рассмотрим слова *соста́в* – *составно́й* – *разносоставный*. Здесь наблюдаем сдвиг ударения на корень в сложном прилагательном, в суффиксальном оно на окончании. Это объясняется тем, что

слово *разносоставный* приобрело ударение от существительного *соста́в*.

Похожие, но более сложные отношения представлены на примерах: *метр* – *ме́тр*во́ый, по *кубо́метр* – *кубо́ме́тр*во́ый. Сложные и приставочные прилагательные получают ударение производящего существительного (*соста́в* – *разнососта́в*ный, *кубо́метр* – *кубо́ме́тр*во́ый), влияние словообразовательных связей с существительным оказывается сильнее, чем действие аналогии (уподобление прилагательному *соста́в*но́й, *ме́тр*во́ый).

Выбор ударения для конкретного слова объясняется сложившимся употреблением, речевой традицией. Колебания говорящих в постановке ударения связаны с затруднением, какую из интуитивно известных моделей ударения выбрать. Если сказать *разново́зраст*ный (ненорм.), то ориентация будет на существительное *во́зраст*, если *разново́зраст*но́й – на прилагательное *во́зраст*но́й (*во́зраст*ный для современного языка является устаревшим). Аналогичное соотношение можно видеть в словах *после́родов*о́й (как *родо́в*о́й) и *после́ро́д*ово́ый (ненорм., как *ро́д*ы, после *ро́дов*), *кише́чнополо́ст*ные (как *поло́ст*ные) и *кише́чнопо́л*остные (ненорм., как *по́л*ость).

Почему в одних случаях зависимость ударения от существительного – явная (*це́нтр* – *бесце́н*трво́ый), а в других – скрытая (*до́м* – *вну́тридо́м*во́ый)? Дело в том, что в современном русском языке слова с неподвижным ударением на основе во всех формах (*це́нтр*, *це́н*тры) непосредственно влияют на прилагательные данной группы – ударным является один и тот же элемент слова – корень (*бесце́н*трво́ый), а существительные с ударением на окончании или с подвижным не имеют такого влияния – ударным оказывается суффикс: *ча́с*, *ча́с*ы – *пятича́с*о́во́ый (ненорм.), *фронт*, *фронт*ы – *прифронт*о́во́ый (ненорм.), *луч*, *луч*и – *шестилу́ч*е́во́ый (ненорм.).

Земную сферу еле покрывала
Морская флора вместо наших шив.
Чтоб, четырехлучевые смежив,
Пришли шестилучевые кораллы...

Илбер. Путевой дневник

Таким образом, суффиксальные прилагательные могут иметь стабильное ударение, а соответствующие им сложные и приставочные довольно часто обнаруживают колебания. Такое явление можно назвать дестабилизацией ударения.

Одним из частных случаев (неполной дестабилизацией) являются колебания ударения, охватывающие не все производные с общим корнем и суффиксом, а только некоторые из них. В опы-

те словаря-справочника «Слитно или раздельно?» находим *межцентровый, многоцентровый* (по образцу *центровый*) и *трёхцентовый, пятицентовый* (по образцу *центр, центры*). Почему в одном случае ударение на окончании, а в другом на корне? Сама система языка представляет два образца для постановки ударения в таких прилагательных. В серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78» (под редакцией Н. З. Котеловой, М., 1981) дапо в списке слов *пятнадцативековый*, а в «Слитно или раздельно?» есть *многовековый*, а также *четвертьволновый, микроволновый* и *двухволновый, радиоволновый; трёхкубовый* и *четырёх-, шестикубовой*.

Однако акцентные варианты в сложных и приставочных прилагательных иногда обусловлены колебаниями ударения в суффиксальных: *геологопобисковский, двухмачтовый* и *двухмачтовый* (ненорм.) — *побисковый, мачтовый* и *мачтовый* (ненорм.). Ударения *фланговый*, зарегистрированные в Орфоэпическом словаре, прослеживаются и в словах *право-, левофланговый, право-, левофланговый* (ненорм.).

Наиболее устойчивы суффиксальные прилагательные с ударением на основе: если они не имеют колебаний ударения, то в сложных и приставочных вариантность, как правило, не представлена. Если же у прилагательных ударение на окончании, то образцом ударения может служить и существительное: *стык — бесстыковый* (ненорм.), *куб — трёхкубовый*, и суффиксальное прилагательное: *стыковой — бесстыковой, кубовой — четырёхкубовой*. Колебания поддерживаются и возможной множественностью словообразовательной структуры: *без(с)-стык-овый, без(с)-стыковой*.

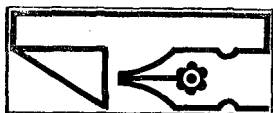
Таким образом, акцентные варианты в этой группе прилагательных являются правилом, а не исключением. В словарях они находят отражение с разными нормативными указаниями. Часть их дается с пометой «допустимо»: *двухкилограммовый* и доп. *двухкилограммовый*, то есть вариант квалифицируется как находящийся в пределах литературной нормы; часть рассматривается как неправильные, не рекомендуемые. В ряде случаев норма отдаст предпочтение варианту, закреплённому традицией.

Олск

Фразеологизмы

в словаре

Б. Т. ХАЙИТОВ

В глагольных фразеологизмах русского языка главное слово может по-разному проявлять свои грамматические категории. По степени проявления этих свойств среди глагольных фразеологизмов можно выделить следующие группы: 1) фразеологизмы, имеющие все грамматические формы глагола: *сдавать в архив, идти навстречу, доходить своим умом*; 2) фразеологизмы, ограниченные в грамматических формах: *плохо лежит(-ат) — плохо лежал(о, а, и), чем бог послал — чем бог пошлет; душа надрывается — душа надрывалась*; 3) фразеологизмы, имеющие только одну грамматическую форму; в этой группе, в свою очередь, можно выделить несколько подгрупп:

фразеологизмы, употребляемые только в одном грамматическом виде — совершенном: *заморить червячка, приказать долго жить, сыграть в ящик*; в несовершенном: *точить ляды, толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее*;

фразеологизмы, употребляемые в форме только одного времени — настоящего: *на воре шапка горит, спит и видит, ни шьет ни порет, краше в гроб кладут*; прошедшего: *как воды в рот набрал(а, и), как ножом отрезал(а, и), и не ночевал(а, и), как в воду глядел(а, и)*; будущего: *до свадьбы заживет(-ут), пороха не выдумает(-ют), воды не замутит(-ят)*;

фразеологизмы, употребляемые только в одном лице, — первом: *ума не приложу(-им), шапками закидаем, знаем мы вас*; втором: *что ни говори(те), из пушки не прошибешь, на козе не подъедешь*; третьем: *и не пахнет, выведенного яйца не стоит* и т. п.

Встречаются также фразеологизмы, имеющие застывшую форму склонения (обычно повелительного): *поминай как звали, пальца в рот не клади, вынь да положь, хоть топор веши*.

Из приведенных примеров видно, что один фразеологизм может быть сразу ограничен в нескольких грамматических формах. Так, *шапками закидаем, до свадьбы заживет* ограничены как во времени, так и в лице.

В этой статье рассмотрим, как фиксируются во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (изд. I — 1968, изд. III — 1978) морфологические особенности глагольных фразеологизмов. Во вводной статье «Как пользоваться словарем» относительно глагольных фразеологизмов, ограниченных в своем формоупотреблении, даны следующие указания: «Если же глагольный компонент дается не в инфинитиве, а в какой-либо из личных форм, то это означает, что фразеологизм употребляется только или преимущественно в этой форме». Тем не менее, реальное воплощение этого положения в некоторых словарных статьях «Фразеологического словаря» обнаруживает непоследовательность.

Глагольные фразеологизмы, которые употребляются только или преимущественно в какой-либо из грамматических форм, в некоторых словарных статьях помещены в инфинитиве. Так, *зарубить себе на носу* чаще всего представлен в повелительном наклонении: *заруби(те) себе на носу* (инфинитив возможен в конструкциях типа *надо зарубить себе на носу, следует зарубить себе на носу*); *не нюхать порошу* обычно встречается в прошедшем времени: *не нюхал(а, и) порошу*; для фразеологизма *клинок клином вышибать* характерно настоящее время глагола: *клинок клином вышибают*. Но в словаре все эти единицы имеют заголовки в форме инфинитива. *Дать дуба, приказать долго жить, сыграть в ящик, высмотреть все глаза* также фиксированы в инфинитиве, хотя, по утверждению А. И. Молоткова, у них практически «допустимы только формы прошедшего времени...» (Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 134). Поэтому фразеологизмы, приведенные в иллюстративных примерах, нередко противоречат соответствующей заголовочной форме. *Приказал долго жить* в заголовке дан в инфинитиве — *приказать долго жить*, а в примерах, приведенных из произведений Пушкина, Гоголя, Л. Толстого и Паустовского, имеется только прошедшее время: *приказал долго жить*.

Наблюдается и обратная картина: многие фразеологизмы, имеющие несколько грамматических форм, в заголовке словарной статьи помещены в какой-либо одной. Тем не менее, в цитатах показаны несколько возможных для данного фразеологизма форм, причем не всегда легко четко установить, какая из них более употребительна. Например, фразеологизм *сидит в печенках*, зафиксированный в 3-м лице ед. числа, в иллюстративных примерах приводится в следующих формах: *сидим в печенках, сидела в печенках; глазом не моргнул — глазом не моргнул, глазом не моргну, глазом не моргнем, глазом не моргнув; вертится в голо-*

вз — *вертелась в голове, вертелось в голове, вертелся в голове*, см. также: *просится на язык, носится как курица с яйцом, отпусти душу на покаяние, не идет в голову, не выходит из головы* и т. п.

Представляется целесообразным помещать эти фразеологические единицы в заголовке словарных статей в форме инфинитива: *сидеть в печенках, глазом не моргнуть, вертеться в голове*.

Фиксация глагольных фразеологизмов во фразеологическом словаре в той или иной грамматической форме важна еще и потому, что иногда это может служить для разграничения так называемых «фразеологических паронимов» (тождественных по составу, близких по внешнему оформлению, но разных по значению фразеологизмов). Например:

Нога не ступала чья (несов. вид., прош. вр.) — где никто никогда не бывал, не жил и т. п. О глухих, диких, необжитых местах.

Нога не ступит чья (сов. вид, буд. вр.) — кто-либо не появится где-либо.

Как ножом отрезал (прош. вр., неопред. личное) — резко, категорически сказал что-либо тоном, не допускающим возражения.

Как ножом отрезало (прош. вр., безличное) — что-либо прекратилось сразу, внезапно, без видимых причин.

Фразеологические паронимы могут принадлежать как к одному, так и к разным лексико-грамматическим разрядам, в чем также немаловажна роль морфологических свойств главного слова фразеологизма: *язык проглотить* — замолчать, перестать говорить, болтать и т. п. (глагольный фразеологизм); *язык проглотить* — очень вкусно (паречный фразеологизм) — употребляется только в форме 2-го лица.

Вопрос о фиксации главного слова фразеологизма должен касаться, видимо, и его обязательного словесного окружения, если оно представлено глаголом. *Врет как сивый мерин* — в иллюстративных примерах представлен такими формами: *вру как сивый мерин, не ври как сивый мерин, наврет как сивый мерин; спит как убитый* имеет следующие формы: *засыпаю как убитый, заснул как убитый, уснет как убитый*. Значит, глаголы, относящиеся к обязательному словесному окружению перечисленных фразеологизмов, в заголовке необходимо регистрировать в инфинитиве: *врать как сивый мерин, спать как убитый*.

Таким образом, во фразеологическом словаре необходимо демонстрировать морфологические особенности глагольных фразеологизмов, которые обусловлены их реальным употреблением. Для этого можно использовать следующие способы:

1) фразеологизмы, имеющие все или большинство грамматических форм, в заголовке словарной статьи следует дать в инфинитиве, а при помощи иллюстративных примеров показать другие возможные формы;

2) при фразеологизмах, ограниченных в грамматических формах, желательно поместить все употребляющиеся формы, например: *чем бог послал — чем бог пошлет*;

3) для фразеологизмов, имеющих только одну грамматическую форму, более целесообразной представляется ее фиксация с указанием ограничительной пометы, например: «только в прош. вр.», «только в 3 лице» и т. п.

Решение этой задачи, безусловно, способствовало бы совершенствованию фразеологических словарей русского языка, а следовательно, составлению соответствующих русско-национальных словарей и овладению русским языком как средством межнационального общения.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Откуда произошло слово *совесть*?»

Н. П. Павлова, г. Славянск на Кубани

Слово *совесть* в русский язык было заимствовано из старославянского, из языка древних славянских книг религиозного и поучительного содержания. Старославянский и русский языки — близкородственные. Поэтому заимствования из старославянского осуществлялись легко, и старославянские по происхождению слова прочно закрепились в русском языке. Такими заимствованиями являются, например, *небрежный, враг, невежда, одежда, облако*.

В русском языке слово *совесть* встречается уже в письменности XI века в значении «знание», «понимание», «указание». Таким образом, и по происхождению, и по значению слово *совесть*, образованное от *вѣдать* «знать», близко к слову *сознание* (ср. *совѣсть* и *со-знание*). Чувство морального долга, ответственности и в греческом языке, и в славянском обозначено как знание, понимание. Следовательно, уже древние греки и славяне считали чувство совести характерной чертой сознательного члена общества.

А. А. Брагина

СИНОНИМЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

«Когда говорят о богатстве языка, то обычно как на бесспорное доказательство ссылаются на обилие и разнообразие синонимов.

Когда хотят сделать речь безупречной по форме — ищут синонимы.

Когда стремятся с предельной точностью выразить свои мысли и чувства или, наоборот, намеренно скрыть их — ищут синонимы.

Что же такое синонимы? Как определить и объяснить явление синонимии в языке?»

Такими словами открывается первая глава книги А. А. Брагиной «Синонимы в литературном языке», вышедшей в серии трудов Научного совета по теории советского языкознания Института языкознания АН СССР (М., Наука, 1986).

Автор формулирует вопросы, которые прежде всего встают перед исследователями в области синонимии: 1) как понимать природу синонимов? 2) каковы функции синонимов в языке? 3) как исторически складывалось восприятие и истолкование синонимов?

Синонимия представлена в книге А. А. Брагиной как универсальное языковое явление, которое охватывает почти все уровни языка. Вместе с тем

природа синонимов сложна и многопланова. Ведь синонимы получают особые черты в зависимости от формы и смысла языковых категорий, от прямых и переносных значений, от свободных или фразеологизированных сочетаний, в которые они входят, от тех или иных грамматических разрядов и, наконец, от стилистической окраски текста. Обо всем этом подробно говорится в книге.

Изучение живых, незамкнутых рядов синонимов позволяет нам лучше оценить реальные и потенциальные ресурсы языка, помогает глубже осмыслить природу языка как практическое действительное сознание, непосредственную действительность мысли, способствует повышению речевой культуры.

За основу синонимии автор принимает близость значений, выражающих одно понятие в целостной совокупности его признаков. Проблема оттенка в значении синонимичных слов переходит в проблему сугубо качественной, а не простой количественной оценки синонимов. При этом синонимические ряды передают градацию в выражении мыслей и чувств, в характеристике вещей и явлений реального мира; связывают старое и новое, то, что принято

общезыковой нормой, и то, что родилось в индивидуальном творчестве писателей. Так, в одном случае мы скажем *стиль*, в другом — *манера*, а при необходимости употребим и устарелое *пошиб*. См. также контекстные синонимы к ключевому слову *бездна* в балладе В. А. Жуковского «Кубок» (1831): *бездна — глубина — пучина — мгла — чрево — жерло — глубь — пропасть — подземелье — морское дно — бездонное* (в знач. существительного) и др.

Жизнь синонимов в языке не предопределяется только их «равнозначностью» или взаимозаменяемостью. Дело в том, что само тождество синонимических значений предполагает и различие между ними. Вот, например: *кушать — есть — поедать — питаться — кормиться — насыщаться* и т. п. Слова эти различаются и по оттенкам смысла, и стилистически.

В разных разделах и главах книги А. А. Брагиной рассмотрены такие важные и не до конца изученные проблемы, как заимствования и экзотизмы в синонимическом ряду, синонимия в терминологии, отношения между синонимами и антонимами, роль словообразования в формировании синонимического ряда, синонимы стилевые (межстилевые) и стилистические и мн. др.

Интересные примеры из истории космической терминологии приводит автор при описании поисков новых названий (номинаций) для неизвестных прежде понятий. Так, еще К. Э. Циолковский в своих трудах по-разному называл космос: *мировое пространство — небесное пространство — пустота — атмосферное пространство — космическое пространство* (в современном языке за-

крепилось последнее словосочетание); летательный космический аппарат: *звездный дождик — спутник — реактивный прибор — ракета — звездолет* — и современное *космический корабль*.

Специальный раздел книги посвящен обзору изучения синонимов в истории науки. Для чего и почему в языке существует несколько слов для обозначения одного понятия? Избыточность это, вредящая языку, или оправданная необходимость? Такого рода вопросы интересовали исследователей с глубокой древности (словари синонимов известны, например, в Китае с I в. н. э., в Индии — с XI–XII вв.) Со второй половины XVIII века синонимы начинают осмысляться в европейской науке как универсальная категория языка (правда, «двойственная» природа синонимов, единство в них общего и частного казались тогда исследователям непреодолимыми). В русском языкознании издавна существовал термин «тождество» (или «тожесловие»), но при этом синонимы понимались скорее как слова сходные, а не как абсолютные тождественные. Признаком истинного богатства языка рассматривали синонимы и М. В. Ломоносов, и Н. М. Карамзин. Различительную роль синонимов в языке подчеркивали в XIX веке П. Ф. Калайдович и И. И. Давыдов. В XX веке вклад в их исследование внесли А. П. Евгеньева, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Р. А. Будагов и др.

Книга А. А. Брагиной по-хорошему полемична и остра. Известно, например, что в эпоху НТР происходит стандартизация в некоторых сферах функционирования языка. Однако

неправомерно переносить эти явления на язык в целом, как это пытаются делать некоторые современные исследователи. Национальные языки в век НТР не упрощаются и не шаблонизируются: они продолжают развиваться и обогащаться в новых социальных условиях. При этом наряду с частичной стандартизацией (иначе говоря, «экономией», «конденсацией») нарастает и своеобразная избыточность языка (дифференциация значений, появление и накопление тончайших смысловых оттенков и т. п.) Процессы эти как бы уравнивают друг друга.

А какова же судьба синонимов? Чем более развивается язык, отмечает автор книги, тем большее значение приобретают в нем разнообразные синонимические отношения — лексические, грамматические, стилистические. Поэтому проблема синонимии — это вечно открытая проблема любого языка, особенно с большой культурной традицией, каким является, например, современный русский литературный язык.

*Л. И. Скворцов,
доктор филологических наук*

Р. А. Агеева ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕН РЕК И ОЗЕР

Существует немало областей знания, которые находятся на стыке различных дисциплин. К таким межотраслевым наукам относится, например, гидронимика — один из разделов топонимики (науки о географических названиях), изучающий наименования различных водных объектов Земли (рек, озер, морей и т. д.) — гидронимы. Поиски полезных ископаемых, исторические и историко-этнографические исследования о миграции населения и его этническом составе, изучение фольклора, установление способов и особенностей ведения хозяйства на какой-либо территории, проверка гипотез о прародине отдельных народов — для этих и множества других целей и задач широко используются гидронимические сведения.

Среди научно-популярных публикаций, освещающих различные аспекты изучения гео-

графических названий, до сих пор не было ни одной, посвященной специально гидронимике. Первым таким опытом можно считать вышедшую в издательстве «Наука» в 1985 году книгу Р. А. Агеевой «Происхождение имен рек и озер», в которой в увлекательной форме рассказывается о рождении, развитии и значении названий многих водных объектов Земли.

Автор стремится раскрыть перед читателем все способы создания гидронимов. В одних случаях, например, люди, давая наименование географическому объекту, сознательно или бессознательно выбирали его наиболее бросающиеся в глаза признаки. Такие имена, как правило, отражали особенности окружающей среды.

Так, название реки *Шулкан* переводится с башкирского как «провал, исчезновение». И действительно, около одноименной

деревни речка, проваливаясь в карстовую воронку, исчезает. Она течет под землей на протяжении 3–4 км и затем опять появляется на поверхности.

К другим случаям относятся мемориальные имена, данные в честь какого-либо события или человека, а также перенесенные с названий населенных пунктов и т. д. Вторичное название рек является, например, особенностью топонимии Средней Азии: таковы *Яркенд*, *Хотан*, *Кашгардарья*, *Ташкурган* и ряд других.

Но основная масса гидронимов бывает связана с их физико-географическими характеристиками. В них раскрываются особенности грунта, цвет, запах и вкус воды, характер течения, наличие тех или иных видов растений, животных или рыб, обитающих в водоемах и т. д. Поэтому Р. А. Агеева особенно подчеркивает то обстоятельство, что «водные названия служат энциклопедическим справочником для географа, гидролога, геохимика, почвоведца, ботаника, зоолога».

Во многих случаях гидронимы позволяют исследователям заглянуть и в самое далекое прошлое, причем иногда такое, о котором ничего не могут сказать нам даже самые древние письменные источники. Многие названия славянских, и в их числе древнерусских, племен тесно связаны с гидронимами, являются их производными: по реке *Полате* селились *полочане*, *бужане* жили на *Буге* и т. д. В свою очередь наименование водного объекта может быть мотивировано названием племени или народа. К такому типу вторичных номинаций можно отнести название *Чудское озеро*, которое получило свое имя от слова *чудь* — так

в Древней Руси именовались различные финно-угорские племена.

Роли водных объектов и их названий в духовной культуре человечества посвящен один из самых интересных разделов в книге — «Гидронимия в истории культуры».

Автор описывает целый ряд обрядов, существовавших или имеющих место и сейчас, которые в той или иной степени оказались связаны с культом воды. С древних времен люди обожествляли водные объекты, заселяли их самыми разнообразными существами, проводили прямую связь воды с представлениями о плодородии, о жизненных циклах растений, животных и т. д. В мифологии и эпосе многих народов мира рубежом, разделяющим важнейшие этапы существования человека, является река.

Весьма широкое распространение получили гидронимы в былинах, сказках, песнях и других жанрах народного творчества восточных славян, у которых верования в духов воды были чрезвычайно распространены. В народном русском эпосе обожествляются и олицетворяются многие реки, озера, ручьи. Многочисленные примеры такой персонализации содержатся в цикле новгородских былин о Садко.

Интересно пишет автор о «второй жизни» гидронимов, которая связана с обогащением словарного состава языка. На базе имен рек и озер образован широкий круг топонимов. Среди них можно выделить названия городов СССР: *Москва*, *Донецк*, *Нарва*, *Воронеж*, *Старая Русса*, *Уральск*, *Иркутск* и мн. др. Часто внутригородские объекты хранят память о гидронимах. *Река Неглинная*

в Москве была еще в 1817–1819 годах заключена в трубу, однако память о ней до сих пор сохраняется в названии улицы *Неглинной*.

Поистине неисчерпаемым источником являются гидронимы и для образования имен и фамилий: *Нил, Лузин, Чусовитинов, Мезенев, Вагин, Волгин, Свирский, Донской, Яццкий*. «Речные» фамилии получают и литературные герои: *Онегин – Печорин – Волгин*.

Конечно, роль гидронимов в образовании новых слов значи-

тельно шире того, что было нами отмечено. Однако обо всех аспектах гидронимики, о которых увлекательно и с большим мастерством пишет Р. А. Агеева, рассказать в небольшой статье невозможно. Поэтому нам остается только порекомендовать самому широкому кругу читателей, неравнодушных к природе, истории, этнографии своей Родины, внимательно прочесть эту интересную книгу.

Н. В. Новикова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Прочитал сыну стихи В. В. Маяковского: «Начинается земля, как известно, от Кремля». Сын спросил: «А что означает слово Кремль?» И я не смог ему ответить. Каково значение этого слова и его происхождение?»

В. М. Ковалев, село Красное Липецкой области

Слово *кремль* уже в XV–XVI вв. обозначало внутреннюю городскую крепость, цитадель. Но довольно давно (во всяком случае, с самого начала XVII века) известно также употребление слова *кремль* как «дерево с плотной, смолистой древесиной; плотный, пропитанный смолой слой в дереве» (см. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 8, М., 1981, с. 29). Это значение отмечено и в русских диалектах: *кремель* в говорах Среднего Урала – «твердый, трудный для обработки участок ствола дерева», в новосибирских говорах – «крупнослойная твердая древесина». Лингвисты считают, что по происхождению *кремль* – «крепость» и *кремль* – «дерево с плотной древесиной» – одно и то же слово. Ближайшее родственное ему слово – *кремень*. Это мнение подтверждается тем, что в XIV веке в значении «внутренняя городская крепость» употреблялось иногда слово *кремникъ*. Слово *кремень* (в отличие от *кремль*) имеет точные соответствия во всех славянских языках и восходит к их общему предку-праславянскому языку. Родственное слово есть в латышском языке – *krams, krems* «кремень». Поэтому можно думать, что *кремль* – древнее славянское слово, которое обозначало первоначально нечто крепкое, плотное, откуда затем и возникли значения «внутренняя городская крепость» и «твердая древесина».

На VI Конгрессе МАПРЯЛ

Н. Б. МУЗРУКОВ,

ответственный секретарь Советского оргкомитета
по подготовке и проведению VI Конгресса МАПРЯЛ

VI Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), состоявшийся в августе 1986 года в Будапеште, стал яркой страницей в истории мировой русистики. В работе конгресса приняли участие 1812 человек из 66 стран, представлявших все континенты нашей планеты. С глубокой благодарностью были восприняты приветствия конгрессу Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Генерального секретаря ВСРП Я. Кадара. Содержащийся в приветствии М. С. Горбачева призыв к преподавателям русского языка использовать все свои возможности для борьбы за предотвращение термоядерной угрозы, за воспитание молодого поколения в духе, исключающем военную катастрофу и самоуничтожение человечества, был с воодушевлением воспринят всеми участниками конгресса.

Научная проблематика конгресса — «Новые направления и научные традиции в преподавании русского языка и литературы» и его девиз «Русский язык — язык мира, взаимопонимания и дружбы между народами» — вызвали небывалую научную активность работы восьми секций, двух научных семинаров и двух «круглых столов» по широкому спектру проблем, стоящих перед современной русистикой и методикой преподавания иностранных языков.

Было заслушано более 900 докладов и сообщений.

Конгресс с удовлетворением констатировал расширение функций русского языка как реального средства международного общения, особенно в странах, недавно вступивших на путь самостоятельного развития. Он подчеркнул плодотворность объединения усилий разных национальных педагогических коллективов в со-

вершенствовании преподавания русского языка и литературы, повышении результативности обучения.

Потребности постоянно развивающейся практики стимулировали развитие новых направлений в прикладном и сопоставительном языкознании, активизировали лингвостиллистические исследования текстов разных жанров, усилили внимание к самобытности русского языка, связанной со средой, общественным устройством, культурой, историей, жизнью советского народа. Успешно развиваются исследования в области литературоведения, дидактики и методики преподавания русской классической литературы.

Конгресс убедительно показал насущную необходимость тесной связи преподавания русского языка и литературы с индивидуализацией процесса обучения, ролью русского языка в практической жизни учащихся, их жизненными целями и потребностями.

На итоговом пленарном заседании VI Конгресса МАПРЯЛ была единогласно принята заключительная резолюция, содержащая рекомендации по развитию основных направлений русистики до 1990 года. Было признано целесообразным:

— развивать функционально-системные исследования русского языка в учебных целях, завершая их созданием функциональных описательных и педагогических (дидактических) грамматик русского языка для разных категорий иностранных учащихся, в том числе сопоставительных;

— активизировать, опираясь на психолого-педагогические и психолингвистические изыскания, изучение оптимальных путей и способов формирования языковой и коммуникативной компетенций, объективных критериев уровня сформированности языковых и речевых навыков, коммуникативных умений и страноведческих знаний, а также изучение роли преподавателя в организации коммуникативно-деятельностного обучения иностранному языку. Активнее использовать идеи проблемного обучения, данные психологии о типах и уровнях овладения и владения языком;

— расширить теоретические и экспериментальные исследования эффективности применяемых технических средств обучения, а также учитывать роль средств массовой информации, видео- и компьютерной техники в жизни и в учебном процессе. Развивая системный, комплексный и дифференцированный подход к отбору учебного материала, учитывая возможности самих технических средств, наладить сотрудничество представителей разных стран в создании программ для компьютеров, видеозаписей, в совместной подготовке кино- и телекурсов;

— продолжить разработку концепций изучения русской классической и советской литературы и принципов построения учеб-

ных курсов. Развивать теоретические основы методики обучения чтению художественной литературы. Активизировать методическое обоснование отбора страповедческих и лингвострановедческих учебных материалов с учетом цели и условий обучения;

— усилить деятельность по разъяснению информационной ценности общественных функций и коммуникативного значения русского языка, практической пользы от владения им для удовлетворения профессиональных и духовных потребностей людей. Шире развернуть исследования закономерностей функционирования русского языка в разных странах и регионах мира, увязывая их с анализом мотивов выбора русского языка для изучения и использования, с построением модели обучения, обеспечивающей повышение мотивации в процессе овладения языком.

Наряду с научной резолюцией конгресса, имеющей большую практическую ценность для всех ученых-исследователей, методистов и преподавателей-практиков, участники VI Конгресса МАПРЯЛ единодушно приняли обращение к преподавательской общественности, научной и творческой интеллигенции всех стран с призывом к защите мира.

Будапештский конгресс ради грядущих поколений, ради жизни на планете призвал объединить усилия и поддержать советские мирные инициативы, направленные на предотвращение самоуничтожения человечества.

VI Конгресс МАПРЯЛ обратился с призывом к международным и национальным объединениям преподавателей иностранных языков использовать все возможности для того, чтобы оказать свое влияние на запрещение и полное уничтожение ядерного и других видов оружия до конца пынешнего столетия.

Смысл профессии преподавателя языка — учить людей общаться и лучше понимать друг друга. Вражде, ненависти, милитаризму они должны противопоставить гуманизм, высокую нравственность и совесть. Их долг — помочь людям осознать простую истину: человечество может и должно жить без войн. Эти призывы были единодушно и горячо поддержаны всеми участниками конгресса — представителями Европы, Азии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки.

По завершении работы VI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы в Будапеште состоялась VI Генеральная ассамблея МАПРЯЛ.

С отчетным докладом Исполнительного совета МАПРЯЛ о деятельности ассоциации за 1982—1986 годы выступил генеральный секретарь МАПРЯЛ, академик АПН СССР В. Г. Костомаров.

Было отмечено, что в эти годы Международная ассоциация

преподавателей русского языка и литературы развивалась как авторитетная и влиятельная профессиональная организация, заслужившая признание в мировой русистике. План работы на 1982—1986 годы выполнен успешно. Ассоциацией проведено 33 крупных международных мероприятия. МАПРЯЛ объединяет сегодня в своих рядах более 120 000 преподавателей русского языка и литературы пяти континентов. Генеральная ассамблея с удовлетворением констатировала рост числа членов ассоциации, в частности, вступление в МАПРЯЛ русистов КНР, КНДР, Колумбии и других стран.

Ассоциация вносит свой существенный вклад как в распространение русского языка в мире, так и в общий процесс разрядки международной напряженности.

Одобрив деятельность ассоциации и ее руководящих органов за период 1982—1986 годы, Генеральная ассамблея приняла рекомендацию членам МАПРЯЛ рассматривать материалы конгресса и его итоговую резолюцию как основу планирования дальнейшей деятельности в области совершенствования методики преподавания русского языка и литературы, подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы, интенсификации создания учебно-педагогической литературы по русскому языку.

Президентом МАПРЯЛ избран член-корреспондент АН СССР П. А. Николаев.

В период работы VI Конгресса МАПРЯЛ руководство ассоциации было принято Президентом Венгерской Народной Республики т. П. Лашонци.

Делегаты VI Генеральной ассамблеи единодушно выразили искреннюю благодарность государственным и общественным организациям ВНР за высокий уровень подготовки и проведения VI Конгресса МАПРЯЛ, сердечное гостеприимство и атмосферу взаимопонимания, которые способствовали успешной работе руководящих органов Международной ассоциации русистов, вносящей свой весомый вклад в разрядку международной напряженности, в укрепление мира и взаимопонимания между народами.

Аудитория — планета

Н. И. ЦЕЛИЩЕВА

Незадолго до VI Конгресса МАПРЯЛ в Москве состоялся международный научно-практический семинар редакторов, режиссеров и ведущих учебных программ «Русский язык по телевидению

и радиовещанию», который впервые был организован Гостелерадио СССР.

Сам факт этого семинара обусловлен реальной потребностью. Ведь помимо системы просвещения (а изучение русского ввели в нее более ста государств), в различных кружках, на курсах и самостоятельно наш язык изучают миллионы людей планеты. С помощью радио и телевидения он стал практически доступен каждому. Но если школьная и вузовская лингводидактика имеет уже свою историю, ощутимые успехи, серьезные научные и методические исследования, то аудиовизуальная дидактика только создается усилиями энтузиастов. Но, бесспорно, не на пустом месте: многим теле- и радиокурсам русского языка — по десять — двадцать и больше лет. Время вполне достаточное, чтобы эта новая форма массовой педагогики утвердилась, стала реальностью духовной жизни многих стран. Растет и ее аудитория. Только в странах социалистического содружества русский язык изучают по радио и телевидению 15 миллионов. Два миллиона англичан и четыре миллиона итальянцев просмотрели телекурсы, подготовленные совместно с советскими учеными и журналистами. Аудитория финской передачи «Раз, два, три» — более ста тысяч, а полтора миллиона японцев слушают ежегодно телеуроки русского языка, организованные компанией «Эй—Эйч—Кей».

Так что пришла пора обменяться опытом, подумать о перспективах взаимодействия на этом пути, о том, как сделать изучение русского языка по радио и телевидению более продуктивным, активно помогающим научно-техническому и культурному сотрудничеству наших стран и народов, делу мира.

Прошедший семинар раскрыл разные творческие подходы к экранной реализации методики изучения языка, национальные особенности в использовании специфики средств массовой информации, а вместе с тем — искреннюю заинтересованность в этой проблеме режиссеров, журналистов, редакторов, радио- и теледикторов, их любовь к русскому языку, глубокие симпатии к нашей стране и ее многонациональной культуре.

Десять дней экраны мониторов были предоставлены учебным курсам Польши и ГДР, Вьетнама и КНДР, Кубы и Финляндии, Болгарии и ВНР, Чехословакии и Монголии. С помощью радио и телевидения учебной аудиторией русского языка стала поистине вся планета Земля.

...Каждую неделю на экранах кубинских телевизоров появляется заставка «Мы говорим по-русски», и диктор Айда Родригес приглашает зрителей на очередной урок. Тысячи кубинцев на полчаса становятся собеседниками гаванской учительницы Сони

Браво, члена МАИРЯЛ, и советской лингвистки Маргариты Макута. Передаче этой — вот уже четверть века.

В первый же год после кубинской революции, когда система народного образования еще не могла предложить изучения русского языка (не было ни учителей, ни учебников), радио «Ребельда» начало регулярные занятия. С тех пор они не прекращаются. А в начале 60-х годов в эфир вышли первые телекурсы по русскому языку, которые стали сейчас так же популярны и необходимы, как информационные программы. Их авторы, режиссеры кубинского телевидения Мигалия Кальво и Хосе Родригес активно сотрудничают с советскими учеными-лингвистами и журналистами, стараясь полнее удовлетворить интересы своих слушателей. А они очень разнообразны: русский язык по телевидению изучают школьники и студенты, рабочие и специалисты различных отраслей народного хозяйства. Кубинцы широко используют лингвострановедческие телекурсы, созданные в Советском Союзе. Мигалия Кальво говорила о письмах, которые приходят на студию: их авторы просят чаще рассказывать о русских и советских писателях, о Москве и Ленинграде, о союзных республиках. Интерес к нашей культуре, к русскому слову так велик, что кубинские журналисты посвятили несколько передач истории русской письменности.

Участники семинара стали свидетелями плодотворного сотрудничества школы, телевидения, радио и педагогической науки в пропаганде русского языка в ГДР. Старший научный сотрудник Центрального института теле- и радиовещания для школьников Гудрун Хольевилкен рассказала, что над методикой создания и использования телекурсов работают не только журналисты, но и сотрудники Министерства народного образования, Академии педагогических наук. Каждому телекурсу предпосланы подробные методические рекомендации, учителя заранее знакомятся с содержанием передачи, с новым языковым материалом, который подается в живой, интересной форме, насыщенной разнообразной страноведческой информацией. Рассчитанные на разные возрастные группы телекурсы заняли прочное место на уроках русского языка в большинстве школ ГДР. Темы телекурсов — самые разнообразные: «Добро пожаловать в Москву!», «На родине В. И. Ленина», «Встретимся на Медео», «Белые ночи» и другие. Все они подготовлены с помощью советских друзей. Ребята ждут их, с интересом смотрят, обсуждают, выполняют специальные упражнения по лексике, орфографии, сравнительной грамматике.

Исследуя результаты обучения, педагоги сделали интересное наблюдение: дети очень охотно работают с этим «звучащим учеб-

ником» и гораздо быстрее начинают говорить. Телевидение, которое называют «зрительной энциклопедией века», подает страноведческую информацию в форме, наиболее близкой реальному общению, вовлекает ребят в реальные ситуации как коммуникативных партнеров. Образный, динамичный язык экрана, возможность иллюстрировать языковые явления, выделять детали, эмоционально обогащать учебный процесс — это органично присуще ТВ свойство успешно используют учителя.

Тележурналисты ГДР работают уже со вторым поколением юных зрителей. С помощью ученых и преподавателей проведены интересные исследования о том, каков оптимальный объем передачи для лучшего усвоения, каковы плотность информации и количество ситуаций. Над циклом учебных передач ведется огромная педагогическая работа. В процессе ее родилась новая отрасль учебного кино — фильмы о русской речи.

Полнокровно звучит сегодня русская речь с экранов ТВ, но радио и в других странах социалистического содружества. В Болгарии, например, русский язык поистине становится вторым родным — с ним начинают знакомиться дети дошкольного возраста. Редактор радиоредакции «Знание» Ирина Зотова с увлечением рассказывала, как она готовит передачи для малышей и старших школьников, для учителей и тех, кто самостоятельно изучает язык, интересуется им. По болгарскому радио звучат прекрасные передачи о лексическом богатстве поэзии А. С. Пушкина и А. Блока, В. Маяковского и К. Симонова, биографии советских песен, современная художественная проза. И. Зотова привезла с собой на семинар несколько пленок, и когда они были прослушаны, в аудитории раздались аплодисменты — с таким вкусом, с такой любовью подготовлены эти передачи.

Для тех, кто хорошо знает язык, пять раз в неделю в эфир выходит пятнадцатиминутная передача «Клуб друзей русского языка» — об истории слов и выражений, о стилистических тонкостях языка, о новых словарях, об интересных лингвистических работах и проблемах русской грамматики.

В планах у болгарской журналистки — в ближайшее время подготовить радиокурс языка для специалистов СЭВ, серию рассказов о русском театре, о советских поэтах.

С волнением слушали участники семинара вьетнамского диктора и ведущую передачи о русском языке Нгуен Киет Там. Она пришла работать на радио, когда шла война, когда на улицах ее родного города рвались снаряды. А она подходила к микрофону и говорила своим соотечественникам: «Здравствуйте, дорогие друзья! Начинаем передачу „Мы говорим по-русски“». Это было ответом

на общественную потребность вьетнамцев изучать язык дружественной страны.

В Лаосской Народно-Демократической Республике пока еще нет своих телекурсов и радиопередач о нашем языке.

— Но потребность в этом очень большая, — сказал заместитель директора радио Лаоса доктор Сомсанук. — В нашей стране работают советские специалисты, в вузах СССР учатся сотни наших студентов. Я со своим коллегой приехал в Москву, чтоб перенять опыт подготовки телекурсов, радиуроков, популярных передач. У нас уже установились дружественные отношения с коллегами из Венгрии и ЧССР.

Было о чем рассказать и чехословацким и венгерским теле- и радиожурналистам. Двадцать лет отдала пропаганде русского языка редактор Венгерского ТВ Жужа Лоренц. При демонстрации созданных с ее участием фильмов в зале не раз раздавались аплодисменты. Отличный сериал о русском языке просмотрели участники семинара. Каждая серия — это определенная тема: разговорный язык, речевой этикет, трудности русской орфографии, детские речевки, русские пословицы и поговорки. И все это в увлекательной форме, пронизано юмором. Был показан и фильм, подготовленный к VI Международному Конгрессу МАПРЯЛ, — как итог венгерского опыта в изучении русского языка.

На семинаре часто возникали дискуссии, его участники оценивали работу коллег, вносили предложения, как лучше, эффективнее обучать языку. Все были единодушны в высокой оценке польского телекурса русского языка. Представлял его заместитель директора Института прикладной лингвистики Варшавского университета Станислав Чохара. В сочетании с прекрасной режиссурой получились не только увлекательные, но и глубоко обучающие фильмы — с продуманной системой речевых упражнений, с образцами русской речи, с акцентом на орфоэпических трудностях для польского слушателя. Этот курс охотно взяли чехословацкие тележурналисты, и он несколько лет не сходит с экранов телевидения ЧССР.

Станислав Чохара — энтузиаст своего дела. Четверть века отдал им педагогической работе, он автор учебников русского языка для польских школ, председатель общепольского комитета по организации юношеских олимпиад по русскому языку. Недавно вместе с радиопионером Чохара сконструировал своеобразный лингвистический компьютер — интонбграф, помогающий студентам преодолевать речевые ошибки.

Финские телезрители регулярно знакомятся с нашей страной с помощью редактора «Юлейс радио» Маркку Вярте и режиссера Марья Яаккола. Их гид в этих «путешествиях» — популярный фин-

ский актер Хейкки Киннувен. Три языковых курса для студентов и для рабочей аудитории прошло по финскому телевидению, специальные передачи на русском были подготовлены к Московской Олимпиаде и XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Министерство просвещения Финляндии одобрило телекурс русского языка для школьников и включило его в учебную программу.

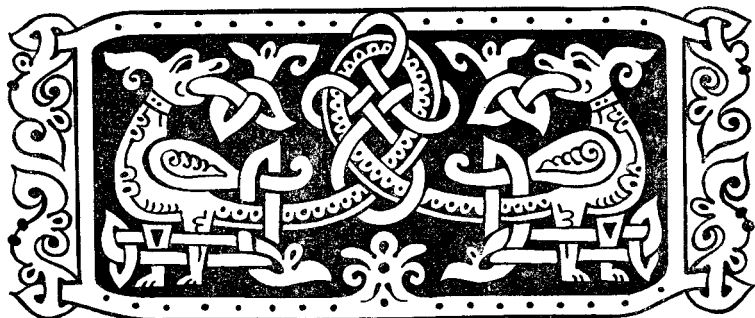
Организаторы международного семинара предоставили нашим гостям возможность встретиться с советскими учеными-лингвистами — В. Г. Костомаровым, В. П. Вомперским, В. В. Колесовым, Е. М. Верещагиным и другими. Директор издательства «Русский язык» В. И. Назаров ознакомил участников встречи с деятельностью крупнейшего в стране издательства, так много делающего для реального удовлетворения интереса к русскому языку. Миллионные тиражи книг, учебных пособий ежегодно выходят из его стен. Издательство подготовило выставку к семинару, и здесь же были заполнены заявки на литературу, завязались деловые контакты.

С удовлетворением встретили наши гости подготовленный Гостелерадио СССР для зарубежной аудитории учебный курс из 20 частей «Знакомимся с Советским Союзом». Пятнадцать фильмов — это рассказы о союзных республиках, своеобразии национальной культуры, исторических памятниках. Наши коллеги, посмотрев эти фильмы, очень интересные, лингвистически насыщенные, высказали тем не менее свои критические замечания. По их мнению, авторы увлеклись достопримечательностями и памятниками культуры. А нашим зарубежным зрителям хотелось бы больше узнать о современных реалиях советского быта, нашей общественной жизни.

В целом же участники семинара с глубокой благодарностью говорили о конкретной, действенной помощи Гостелерадио в пропаганде русского языка. В 1946 году прозвучал по Московскому радио первый учебный курс для зарубежных слушателей. А сегодня объем этого вещания — 600 часов в год более чем на 30 языках.

Выступая на заключительном заседании, радиожурналист из ГДР Рудольф Лерх сказал:

— В Москве мы стали ближе друг другу. Нам не так уж много, но в наших руках мощное средство информации. Мы работаем в разных странах, у нас различная аудитория. Но делаем мы одно общее дело. Теперь мы стали умнее, профессиональнее. Будем еще активнее использовать радио и телевидение для пропаганды великого русского языка, языка страны, ведущей неутомимую борьбу за мир.

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАРОДА КОМИ

А. В. ЧЕРНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

Появление письменности на родном языке — важнейшее событие в истории каждого народа. Поэтому деятельность Стефана Пермского, епископа-просветителя, составившего в XIV веке алфавит для языка предков коми и записавшего с его помощью собственный перевод на этот язык наиболее важных с его точки зрения церковных текстов, в глазах представителей этого древнего северного народа навсегда останется памятной вехой в истории культуры.

Незадолго до Куликовской битвы устюжский монах Стефан направился из Устюга Великого вверх по Вычегде в земли коми-зырян (которых на Руси в то время называли «пермяками»). Сам по себе этот факт не представляет собой чего-то исключительного: на протяжении средних веков постоянно происходило обращение в христианство уцелевших в «медвежьих углах» язычников. Стефан направился к «неверным» с определенной целью: проповедовать им свою религию на их языке. Он разработал для них особый алфавит и с его помощью первым записал

слова языка коми. Потом перевел на этот язык наиболее важные богослужебные тексты. На первый взгляд, в этом нет ничего необычного. Ведь многие алфавиты и системы письменности были созданы миссионерами, стремившимися завоевать для своей религии иноязычную аудиторию.

Однако в контексте древнерусской культуры XI—XVI веков деятельность Стефана Пермского уникальна. В самом деле, хотя православное духовенство с большим или меньшим успехом крестило народности Севера и Северо-Востока (в том числе такие крупные, как карелы и мордва), никаких сведений о создании для них письменности или о переводах на их языки каких-либо текстов не сохранилось. Никакого интереса к языкам нерусских народов духовенство не проявляло и после включения в состав России Казанского ханства, населенного татарами, марийцами, чувашами. Для миссионерской деятельности в землях всех этих народов церковь обходилась русской и старославянской письменностью.

Очевидно, коми в этом отношении в течение значительного периода оказались в привилегированном положении, именно этому народу было уделено особое, исключительное внимание.

Какие же тому были причины? Едва ли не в первую очередь — экономические. Северо-восточный угол Восточной Европы издавна был важнейшим экспортером особо ценных сортов пушнины. Именно в обмен на нее сюда с начала н. э. приходили драгоценные серебряные изделия из Византии и Ирана (большая часть которых найдена именно в этих северных областях, а не вблизи центров, где их изготовляли). Сохраняла свое значение торговля пушниной и позднее. «Не нашу ли ловлею и ваши (русские) князи и бояре и велможи обогащаются, в ня же облачаются и ходят и величаются подолки риз своих, гордящися о народех людских... Не от нашей ли ловля и во Орду посылаются и досязает даже и до самого того мнимого царя (т. е. хана), но и в Царьград, и в немцы, и в Литву и прочая грады и страны и в дался языки», — говорили Стефану, согласно преданию, язычники, подчеркивая тем самым, что им неплохо живется и при вере в старых богов.

В 1383 году московский митрополит поставил Стефана епископом Пермским. Между тем земля коми (которую тогдашние летописцы называли Пермью) традиционно считалась в церковном ведении новгородского архиепископа. Московский митрополит, действовавший заодно с великим князем, вторгся в сферу интересов Новгорода. Поэтому вполне естественно, что в 1385 году новгородцы в ответ на провозглашение Стефана епископом Перм-

ским организовали поход с целью оградить права новгородского архиепископа. Стефан, проявивший себя в сложной ситуации мудрым политиком, сам явился в Новгород для переговоров. Это был смелый и решительный шаг, своего рода повторение эпизода из биографии просветителей славян Кирилла и Мефодия. Как известно, эти византийские миссионеры, встретив сильное сопротивление своей деятельности со стороны немецкого католического духовенства, смело направились в Рим и сумели добиться одобрения папой распространения славянской письменности.

То, что Стефан сам поехал в Новгород, а не пытался искать заступничества у своих могущественных покровителей, показывает, что он не был простым исполнителем воли московских духовных и светских властей. Стефан считал себя уже представителем народа коми, самостоятельной высокой договаривающейся стороной. Его независимая позиция, решительность и широта взглядов обезоружили новгородцев и обеспечили ему в дальнейшем их благожелательное отношение.

Что же можно сказать о тех средствах, с помощью которых осуществлялась культурная миссия Стефана? Прежде всего, исследователи, изучавшие его переводы, единогласно свидетельствуют, что он прекрасно овладел языком коми. Более того, изучил греческий язык, справедливо полагая, что перевод — дело весьма ответственное и требует обращения к греческим оригиналам священных книг.

Для языка коми Стефаном был создан особый алфавит, причем начертания букв, по-видимому, были взяты им из местных знаков собственности, которыми здесь издавна метили лесные угодья. В результате пермская азбука приобрела вполне самобытный вид и внешне резко отличалась от кириллицы (тогда как, например, начертания букв славянской азбуки, как правило, близко повторяют греческие). Конечно, для многих звуков речи коми Стефан мог использовать славянские буквы, не изменяя их. Но он не сделал этого, очевидно, справедливо считая, что оригинальные начертания букв не будут восприняты местным населением как что-то чуждое, навязанное извне.

В научном плане начертание букв древнепермского алфавита не столь важно, как их подбор и то, в какой мере он соответствует фонетике языка коми. И здесь Стефан проявил себя талантливым филологом. Он не пошел по пути средневековых славянских книжников, использовавших по традиции алфавит, количество букв которого было избыточно по отношению к требованиям русской фонетики. Действительно, в кириллице есть буквы «кси» и «пси», поставшие к славянам только потому, что

Во всех своих характерных чертах дело жизни Стефана предстает перед нами как явление, необычайное для XIV века: он намного опередил свое время. И, конечно, его деятельность не могла быть бесконфликтной (вспомним столкновение с повгородцами). Кроме того, как рассказывается в «Житии Стефана Пермского», многие осуждали создание пермской письменности по чисто средневековым соображениям: ведь сравнительно скоро — в 1492 году (по древнерусскому летосчислению) должен был наступить 7000 год от Сотворения мира, когда ожидался «конец света». Стоило ли заботиться в таком случае о создании письменности для какого-то народа, если в ближайшем будущем ожидалась гибель всего человечества? Деятельность Стефана говорит о том, что его эти предсказания не смущали, что он с его знаниями и ясным умом был намного выше своих современников. Это был, несомненно, выдающийся миссионер, умеющий подчинять людей своей воле, переубеждать своих противников. О его умении общаться с людьми свидетельствует и такой факт: несмотря на постоянные споры с язычниками, живя среди них, Стефан Пермский тем не менее умер своей смертью, тогда как двое его ближайших преемников были убиты местными жителями. Память о Стефане долго сохранялась народом коми, и до сих пор фольклористы записывают сложенные о нем сказания и легенды.

Судьба же главного детища Стефана — древнепермской письменности — оказалась трагичной. Ей, действительно, суждено было жить недолго — около 150-ти лет. В середине XVI века (после взятия Казани) кафедру великопермских епископов перевели из зырянских лесов в русский город Вологду. По-видимому, с того же времени перестали употреблять древнепермский язык в богослужении и перешли на старославянский. Особая историческая миссия пермской церкви, ради которой Стефаном создавалась письменность, была уже сыграна. От его переводов уцелели только две довольно пространные надписи на иконах да небольшие богослужебного характера отрывки (уже переписанные славянскими буквами). Пермская азбука в XV веке и позднее применялась иногда русскими книжниками в роли тайнописи. Сегодня в полной мере оценить значение миссии Стефана могут только языковеды, специалисты по финно-угорским языкам. Для них отрывки переводов, сделанных в XIV веке, — бесценное сокровище, позволяющее судить об истории языка коми. Ведь древнейшие записи речи соседних родственных народов были впервые произведены на несколько столетий позднее.

Рисунок В. Леонова

Н. П. САБЛИНА,
кандидат филологических наук

В Салерно — городе, который уже в первые века нашей эры был курортным местом Римской империи, сложилась блестящая медицинская школа, где и лечили, и учили, как лечить. Немецкий поэт XII столетия писал:

Каждый согласен: по праву Салерно — бессмертная слава,
Целого света стеченье туда, чтоб найти исцеленье.

Школа в Салерно просуществовала до середины XIX века, а ряд ее диететических и гигиенических предписаний до сих пор не утратил своего значения. Историки медицины высоко ценят заслуги «Гиппократовой общины» Салерно.

Среди целого ряда трудов, в первую очередь практического характера, созданных в школе Салерно, лучшим памятником ее почти двухтысячелетнего существования остается небольшой стихотворный трактат Арнольда из Виллановы, написанный в начале XIV века, знаменитый «Рэгимэн санитатис» — кодекс здоровья. Труд этот с момента своего первого издания в 1480 году на латинском языке в течение ряда столетий не только активно переиздавался, но и переводился на различные европейские языки. Насчитывается более трехсот его изданий на латинском, французском, английском, итальянском, немецком, польском (XVI в.), чешском (XVIII в.) и других языках. Памятник выходил под разными названиями: «Салернская школа», «О сохранении хорошего здоровья», «Салернская медицина» и другие.

На современном русском языке прозаический перевод «Салернского руководства по вопросам здоровья» вышел в 1960 году в Риге (переводчики М. И. Йоффе и Л. М. Черфас), а в 1964 году — в Москве был издан и стихотворный перевод «Салернского кодекса здоровья» (переводчик Ю. Ф. Шульц). Начинается он такими словами:

Если хочешь здоровье вернуть и не ведать болезней,
тягость забот отгони и считай недостойным сердиться.

И сразу вспоминается удивительно похожее:

Аще ты здрава, аще цела хочешь мети,
Престань тяжко пецися и тяжко скорбети
(*пецися* — печься, заботиться).

Это начальные строки «Управления здравия», рукописного памятника самого конца XVII века — перевод на «словенский» датирован 1698 годом. Значит, и русский читатель не остался в стороне от популярнейшего во всей Европе медицинского трактата. Почему же в «Управлении здравия» нет указания на Салерно? Дело в том, что перевод на «словенский» делался с краковского издания середины XVI века, где текст был написан на латинском, немецком и польском языках. Исследователь Т. Вежбовский, переиздавший эту книгу в Варшаве в 1899 году, обратил внимание на неточность: вместо *салернис* напечатано оставшееся нерасшифрованным *соленис*. Так был утрачен в польском тексте адресант. Кроме того, как уже сказано, Салернское руководство имело варианты названия. В частности, в латинском оригинале, с которого делался перевод на «словенский», названо *Regimen sanitatis*, оно направляется «царю англицкому» (возможно, Роберту Нормандскому, лечившемуся в Салерно по рекомендации «врачей французских»). Вероятно, эта переадресовка может быть связана с тем, что наибольшее число изданий Салернского кодекса, особенно ранних, «первое типом издадеся в Парижу», во Франции. Во всяком случае, в одном из единичных сохранившихся экземпляров краковского издания было зачеркнуто (правда, неизвестно кем и когда) слово *Париж* и рядом написано *Салерно*.

То, что «Управление здравия», рукописный памятник начала Петровской эпохи, и есть «Салернский кодекс здоровья», — несомненно. Об этом говорит его содержание. В самом начале обоих памятников утверждается, что веселость, хорошее настроение — залог здоровья.

Аще несть тебе врачей, врачество ти верно
Мысль весела, и покой, и ястие мерно.

В переводе Ю. Ф. Шульца эти строки звучат так:

Если врачей не хватает, пусть будут врачами твоими
Трое: веселый характер, покой и умеренность в пище.

Совпадают стихи «о ядении», «о питии», «о вине», «о сне», «о испускании крове».

Не яждь, аще ты живот не есть испраздненный,
Аще покарм в нем еще есть, прежде снесенный.

В переводе Ю. Ф. Шульца на современный русский язык читаем:

Ты за еду никогда не садись, не узнав, что желудок
Пуст и свободен от пищи, какую он съел перед этим.

В переводе на «словенский» есть также раздел «о лазне» (о бане), который в ряде изданий отсутствует. Порядок стихов в разных изданиях и переводах несколько различается. Но, бесспорно, «Управление здравия» — это трактат Салернской школы.

Академику А. И. Соболевскому, составившему фундаментальное описание переводной старорусской литературы, был известен всего один список «Управления здравия». Он представляет собой три ветхих, хрупких, с коричневыми разводами листа, вставленные перед «Лечебником» в виде своеобразного введения к нему. «Управление здравия» и «Лечебник» соединены механически, так как написаны на разной бумаге и разными почерками. Список этот неполный, он оборван на сорок первом двустиишии и хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве. Второй, полный список «Управления здравия», на который указал ленинградский ученый С. И. Николаев, находится в рукописном отделе Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Он интересен характером многочисленных ошибок: *руку* вместо *року* (года), *об зерн* вместо *от зерн*, *ужы* вместо *ужин*, *полалу* вместо *помалу* и др. Видимо, этот список скопирован с московского. В московском списке в слове *часник* (чеснок) из-за белого пятна видны только буквы «ча...к», и переписчик полного списка механически пишет «чак», убрав просвет (напомним, что в XVII веке тексты в основном писались слитно). Надо полагать, что с московского списка в полный перенесена и другая ошибка: в *ракове* вместо *в Кракове*. Очевидно, первую букву в названии города предполагалось навести киноварью (красной краской), а потом, подрисовывая буквы у других слов, в этом — ее случайно пропустили. Такие пустые места на месте предполагаемых киноварных букв в памятниках — не редкость.

Обратимся к языку произведения и характеру перевода. В краковском издании, на которое ссылается переводчик, текст представлен на трех языках: латинском, польском, немецком. А. И. Соболевский считал, что «латинский — оригинал русского», а Т. Вежбовский утверждал, что поскольку в переводе есть полонизмы, то он сделан с польского. Как кажется на первый взгляд, в «Управлении здравия», действительно, есть полонизмы: *зчеши* (расчеши), *цебуля* (лук), *лазня* (баня), *кокоши* (куры), *шкодят* (вредят) и другие. Но ведь эти слова и формы не только польские, они издавна характеризуют и украинскую лексику. Например, в «Словаре книжной малорусской речи по рукописи XVII века», изданном П. Житецким, находим слова: *рок* — год, годище, лето; *покарм зверный* — звероядина; *страва* — пища, ядь, спедь; *рожа* — щипок; *лазня* — баня и другие, встречающиеся в «Управлении здравия». Любопытно, что если соответственно сравнить «словенский» и польский тексты, то формы украинско-польских слов в них не совпадают: *цвету з рожи* — *квят ружаны*; *кровь спалену* — *крев попалена*; *покарм* — *от покармов* и др. В «Управлении здравия» есть и чистые украинизмы (напр., *пересторога*).

Значит, переводчик был украинец? Если так, он мог ошибаться в написании букв *ы* и *и*, так как украинцы произносят *рыбы* вместо *рыбы*, что и наблюдается в тексте памятника: *от естви, доварени* (доварены), *овощь... добрий* и др. Кроме того, на месте старого *ять* (*ѣ*) украинцы произносят *и*, а русские *е*, поэтому в памятнике эти три буквы (*ѣ*, *и*, *е*) тоже смешиваются, например: *зѣмою* (через *ять*, вместо *зимою*).

Но даже если переводчик — украинец, то ведь это вовсе не исключает возможности перевода с польского. Поэтому надо обратиться к сравнению стиха и стиля «словенского» перевода с латынью и польским текстом. Возьмем одно из показательных двустиший.

Открытою главою не ходи на мразе,
 Ни под пальцем солнцем: тако суть ти врази
 (так как они тебе враги).

Это очень близко к латинскому тексту, приведем подстрочный перевод: *С открытой головой под морозом (холодом) не ходи, Так же и под солнцем — тебе это враждебно.* В «словенском» переводе выражено стремление сохранить стихотворный размер, в основном это гекзаметр. Обратим внимание, что стиль перевода высокий, книжный: *на мразе* вместо *на морозе*, *врази* вместо *враги*, наличие связки *суть*. Польский перевод, сделанный Ф. Мисером, имеет совсем иную организацию стиха и совсем другой

стиль — стиль свободной беседы с читателем, хотя общий смысл — тот же, что и в приведенных уже примерах: Не ходи без шапки в холод./Это будет тебе вредно...

Итак, перевод Салернского кодекса на «словенский», бесспорно, выполнен украинцем с латинского оригинала. Но наш переводчик, несомненно, был знаком с польским списком и использовал его. Это видно уже из того, что в латинском тексте не говорится о *пальцем солнце*, а в польском переводе встречается сочетание *на слунце палить*, отсюда в «словенском» — *под пальцим солнцем*. Или такой пример. В латыни дословно: «После сна вставай сразу, двигая твоими членами тела». В польском имеется вставка:

Рано ставши, не будь гнуспы,
Але рушай твymi члѣнки.

Гнуспыны по-польски — «ленивый». В «словенском» тексте явно вслед за польским вставлено: «От сна рано двигнися, не буди ленивый...»

Итак, мы имеем творческий перевод салернского трактата с латинского языка на общий литературный язык восточных славян — книжнославянский.

Обратимся еще к одному восточнославянскому переводу «Салернского кодекса здоровья» — «Порада здравия». В предисловии к нему написано: «З латинских вершков на русские от единого зеленята (сподвижника.— Н. С.) церкви божией предложение». (Список, относящийся к середине XVIII века, хранится в Пушкинском доме, в Ленинграде.)

Что же это за русский язык перевода? В лексике, грамматике и фонетике встречается большое число юго-западных форм (по современной терминологии, украинско-польских): *нехай*, *заговати*, *скорина* (корка), *невеста* (жена, женщина), *отримати*, *зараз*, *глутого*, *по яденю*, *в житю*, *тругизна*, *мерковатися* и др. Поскольку «Порада здравия» написана русской графикой, то активно смешиваются буквы *ы-и*: *накрита*, *вмити*, *ситый* (сытый), *длань* (ладони), *слабих людей* и др. В переводе немало и книжнославянизмов, причем архаичных: *на десном боку...*, *на шум* и др. Даже в «Управлении здравия», где стиль прямо обозначен как «словенский», и то в данном контексте используются более новые слова: *на правом боку*, *на левом*. Переводчик же с латинского на русский привлекает архаичные формы слов, в частности причастий:

Хотяйся болезни храпити, а всегда здоровым бити,
Не пий не жаждуце, не яждь не алчуще.

В «Пораде здравия» соединяются и переплетаются книжные элементы, восточнославянские полногласные формы, украинско-польские черты, а также европейская лексика. Все это создает колоритный и сочный стиль «Порады здравия».

Рута, еже родится в огороде твоим,
Здоровью велми служит горким смаком своим.

Елена и зайца так же мясо шкодит,
Маленхолею бо злу в человеку родит.

Такое лексическое смешение характерно для демократического литературного староукраинского языка XVI—XVIII столетий.

Восточнославянские переводы «Салернского кодекса здоровья», показывают, что книжнославянский язык и в Петровское время продолжает сохранять свой высокий авторитет, как общий литературный язык всех восточных славян, но для выражения нового светского содержания активно привлекаются и новые лексические средства, которые приводят к укреплению автономии отдельных восточнославянских языков.

Южно-Сахалинск

Рисунок В. Леонова

У истоков стиховедческой терминологии

Л. Л. ЛЕВАНДОВСКАЯ

ще на школьной скамье нам становятся известны понятия: стих, рифма, ямб, дактиль, хорей. Но не каждый знает, когда и как появилась стиховедческая терминология в русском языке.

Стихосложение в Европе ведет начало от легендарного Гомера, то есть с VIII—VII веков до новой эры. Понемногу позднее развиваются и элементы стиховедения — науки о стихосложении. «Величайший мыслитель древности», по словам К. Маркса, известный древнегреческий философ и теоретик литературы Аристотель в своей «Поэтике», а позже римский поэт и литературовед Гораций в «Науке поэзии» вводят и закрепляют многие литературоведческие термины и понятия. Кроме этого, почти во всех древнегреческих и латинских грамма-

тиках, наряду с правилами изучения языка, помещались особые разделы о сложении стихов. В этой части грамматик приводились примеры отдельных форм и размеров стиха.

На Руси параллельно с возникновением (XVI в.) первых книжных досиллабических виршей (от лат. *versus* — стих) начинают появляться теоретические сведения о стихах, а с ними, естественно, и первые стиховедческие термины.

Начальные правила о сложении стихов и первые стиховедческие термины встречаются в ранних славянских грамматиках, которые предназначались для обучения детей в школах. Так, в напечатанной в Вильне в 1596 году «Грамматике словенской совершеннаго искусства осми частей слова и иных нужных» Лаврентия Зизания Тустаповского помещены сведения о стихосложении.

При составлении грамматикки он опирался на многие известные греческие (Альвариса, Крузия и др.) и латинские (Доната, Меланхтона) грамматикки, которые применялись в то время в школах, а также на вышедшую несколькими годами раньше «Грамматику доброглаголиваго еллиссловенскаго языка» (1591 год), составленную учениками Львовского братского училища.

«Грамматику словенскую» открывает «Эпиграмма на грамматикку». Объяснения термину «эпиграмма» Лаврентий Зизаний не дает. Написана она досиллабическими или фразовыми стихами, основная мысль которых заключена в словах:

Ключем бо есть отворяючи всем ум
К познанию в преправый разум,
По которой власне якъ по восходе поидет,
Каждый если хочет, всех наук доидет.

(цитируется по изданию: Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска. Киев, 1980). Нет сомнения, что Зизаний подражал древним грекам, у которых *эпиграмма* означала посвятельную надпись (в стихах или прозе) на памятниках, алтарях, подарках и объясняла назначение предмета. Позже эпиграммой стали называть небольшое стихотворение сатирического характера.

Во вводной части «Грамматикки» Зизаний помещает «Послание спудеом (то есть ученикам — Л. Л.) изрядным и всем любителям доброглаголиваго и пространнаго словенскаго языка». Здесь автор дает понятие о размере и форме стиха, слова говорит о влиянии древнегреческого языка, о долготе и краткости слогов, а также указывает органическую связь грамматикки с другими науками (риторикой, философией).

Одним из подготовительных этапов к составлению стихов явился раздел грамматикки о просодии, или о припеле (припева-

вип), то есть об ударениях в слогах: «Просодия есть ударение гласа писменпаго», — объясняет Лаврентий Зизаний.

Грамматика Зизания стала первым учебным пособием и по стихосложению и по стиховедению. Этому посвящен раздел «О метре и о рифме. Пересторога (т. е. пояснение) хотячим верше складати». Уже заглавие содержит несколько стиховедческих терминов: *верш* (*вири*), *метр*, *рифма*. Не сомневаясь в том, что значение слова *верш* (то есть стих) многим известно, Зизаний дает только объяснение *метра* и *рифмы*: «В метре подобает зрети качество и количество слогов и речений, сиречь аще изрядное речение есть, аще слог долгий или краткий есть. В рифме же несть тако качество зрети, якоже множае количество».

В конце книги Лаврентий Зизаний выделяет подраздел «О метре», где называет по характеру стиха несколько его видов *ироический* (героический), *елегический* (элегический), *ямбический* (ямбический). Теоретические сведения подкрепляются примерами стихов, сочиненных самим автором. Поощряя изучающих грамматику к составлению стихов, Лаврентий Зизаний ориентирует их на необходимость подражать древнегреческим поэтам: «Если хочешь верше складати.., грецким поэтам последуючи».

В грамматике Зизания встречающиеся определения терминов *метр*, *ямв*, *трозей*, *пирихий*, *спондей*, *дактиль* и *рифма* впоследствии, переходя в другие грамматики, а также в специальные работы стиховедов, совершенствуются и уже до нашего времени доходят в более точной форме. Само же написание этих терминов не подвергается каким-либо существенным орфографическим изменениям.

Итак, грамматика Лаврентия Зизания явилась одним из первых источников стиховедческих терминов на Руси. Стремясь обучить молодых людей «верше складати» на современном ему славянском языке, автор и в примерах, и в объяснении опирался на теоретическую часть древнегреческих и латинских образцов: в основном копировал и переводил античную стиховедческую терминологию.

В начале XVII века опыт Лаврентия Зизания в составлении грамматики был использован другим ученым-филологом, педагогом и церковным деятелем Мелетием Смотрицким. Он создает труд — «Грамматики славенския правилное синтаagma» (1619 г.). По сравнению с учебником Лаврентия Зизания, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого примерно вдвое больше по объему, а все сведения о стихах сосредоточены в одном разделе. *Просодию* он тоже из-

лагает по нормам древнегреческого языка, но сведения о ней значительно расширяет. Мелетий Смотрицкий ведет речь о двух ее видах, на что указывают соответствующие разделы «О просодии» (грамматической — Л. Л.) и «О просодии стихотворной». В этих разделах он дает следующие объяснения: «Есть же просодия орфография, возношения или утеснения гласа писменного в писании или во глаголении хранимое изменение» и «художество стихотворное под метром или мерою слог количества быти глаголем». Значит, *просодия* в одних случаях обозначает грамматические явления высоты, длительности, силы тона, а в других — это стиховедческий термин, который в настоящее время определяет дифференциацию ударных и безударных слогов. Именно этот термин стал сопровождать весь процесс развития стихосложения, начиная с XVI века. В широком смысле слова он и сейчас нередко употребляется как синоним стиховедения вообще.

Если сравнить учение о стихе в упомянутых грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, то нетрудно заметить, что Смотрицкий также опирался на выработанное еще античностью метрическое стихосложение, но рассматривал уже значительно большее количество терминов. В специальном разделе «О степенях стихотворных меры», посвященном теории размеров стиха, он называет и объясняет почти все наиболее употребляющиеся в античном стихосложении стопы. Греческий термин (*poys*) *стопы* Мелетий Смотрицкий переводит как *степень* и объясняет так: «Степень есть мера известная в количестве слогу блюдомая, или степень есть мерительное слог состояние». И уточняет, что для сложения стихов применяется сто двадцать четыре стопы, из которых чаще всего употребляются двадцать восемь. Из них двусложных — четыре: *иамв*, *трахей*, *пиррихий*, *спондий*; трехсложных — восемь: *дактиль*, *амфиврхий* (амфибрахий), *анапест*, *амфимакр*, *вакхий* (бакхий), *палимвакхий* (полибакхий), *триврахий* (трибрахий), *тримакр*. Что касается четырехсложных, куда в античном стихосложении входили в основном *пеоны* (с одним долгим и тремя краткими слогами), то Смотрицкий называет лишь точное их количество (шестнадцать), не перечисляя; очевидно, предвидя наименьшую распространенность таковых в будущем. Он так и пишет: «яко мнее [т. е. *мнее* — Л. Л.] славян употреблению служащая». К каждой стопе в данном случае дает примеры и их метрические схемы, при некоторых наиболее употребительных стопах приводит такие стихотворные строки, где долгота совпадает с ударением. В этом и заключается отличие русских стоп от античных.

В одном из подразделов «Грамматики» Смотрицкого «О стисе

или вершу» (два эти термина автор употребляет как «правильные степеней во известном роде сочинение») упоминается об одиннадцати родах стиха, из которых подробно рассматриваются семь (а не три, как у Зизания) «изряднейших», а именно: «пройский или шестимерный (ексаметр)», «елегийский или пятомерный (пентаметр)», «иамвийский», а также новые из античного стихосложения и дошедшие до наших дней как чисто греческие размеры — «сафийский», «фалейский» (или «единодесятосложный»), «глигонский», «хориамвийский (хорейамбийский) или аскипнадский». О них Смотрицкий пишет: «Прочыя стихов роды произвольне оставляем, сия и во всех прочих удобное познание довели судивше». В том же подразделе находим первые краткие сведения о специальной паузе посреди длинной стихотворной строки, эту паузу Смотрицкий называет *пресечением*, а в дальнейшем (с XVIII века) она стала известной как *цезура*.

Из названных Мелетием Смотрицким видов стиха впоследствии на русской почве закрепляется *ямбический* стих, *гекзаметр* (шестимерный), *пентаметр* (пятомерный), а в сформировавшейся в XVII и начале XVIII веках силлабической системе встречаем *сапфический* и *фалейский* одиннадцатисложники.

Мелетий Смотрицкий сделал определенную попытку перенести в литературный язык своего времени достижения античного стихосложения и разработать собственную стихотворную систему.

Впоследствии, в первой половине XVIII века, сначала А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, а затем М. В. Ломоносов в какой-то мере использовали изложенное Смотрицким учение о стихе для закрепления русской силлабо-тонической системы стихосложения.

Таким образом, XVI—XVII века донесли до нас имена и труды тех, кто впервые стремился решить один из очень сложных в то время вопросов — создание теории, а в какой-то мере и практики русского национального стихосложения. Первопроходцами в этом важном деле были Лаврентий Зизаний и Мелетий Смотрицкий. Огромная заслуга Мелетия Смотрицкого заключается в частности и в том, что он первым в России выразил в своей «Грамматике» твердую уверенность, что «стихотворное художество» возможно и «в славянском языке».

Поэтическая мифология

Сергея Клычкова

Н. И. НЕЖЕНЕЦ,
кандидат филологических наук

люблю его очень...» — так писал о своем друге, поэте Сергее Клычкове Сергей Есенин. — «Клычков... сама простота, чистота и мягкость...»

Клычков воспевал Русь крестьянскую, поэтическую какой она запечатлена в устных преданиях, повериях, обрядах, песнях. Главное «зве-

но» его лирики — интерес к возвышенному, заключенному в самой природе и быте крестьян.

Романтическая живопись поэта складывалась под влиянием сказок и поэм Пушкина, ранних повестей Гоголя. В ней как-то естественно слились древняя мифология и сугубо реалистическое, бытовое описание, четкая строфическая форма и раскованная интонация.

Любо Ладе белолицей:
Утки шумною станицей,
Гуси длинной вереницей
И венцами журавли
Над рассыпанной пшеницей
Пропосились у земли!

Жар-птица

(Здесь и далее стихи цитируются по изданию: Сергей Клычков. В гостях у журавлей. М., 1985).

Как же сформировался поэтический стиль Клычкова? Каковы его жизненные истоки?

Поэт родился 1 июля 1889 года в семье сапожника, в деревне Дубровка Тверской губернии, что размещалась недалеко от старинного городка Талдома. От бабушки будущий писатель рано перенял любовь к родной земле и народной поэзии. У нее он взял себе и фамилию, которая показалась ему более звучной, нежели отцовская — Лешенков.

Сначала Клычков учился в сельской школе в Талдоме, затем в реальном училище в Москве, где и начал писать стихи.

Большую поддержку ему оказал на первых порах брат великого композитора, известный драматург и либреттист М. И. Чайковский. Он раньше других обратил внимание на песенное начало в стихах молодого поэта и стал помогать ему советом и делом. М. И. Чайковский взял с собой начинающего автора в поездку на Капри, а также хлопотал об опубликовании его некоторых стихотворений. Они были напечатаны в 1907 году сразу в двух московских альманахах — «Спологи» и «Белый камень». При содействии М. И. Чайковского поэт издал и первые сборники своих стихов («Песни», 1911; «Потаенный сад», 1913).

С первых дней мировой войны Клычков находился на германском фронте, где был дважды ранен. Домой он вернулся лишь после февральских событий 1917 года. Клычков поселился в Москве, сблизился с «деревенскими литераторами» Николаем Клюевым, Сергеем Есениным, Петром Орешиним. Между ними установилось тесное творческое содружество, приведшее к оформлению так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии.

Одна за другой выходили в свет поэтические книги Клычкова: «Дубравна» (1919), «Домашние песни» и «Гость чудесный» (1923), «Талисман» (1927), «В гостях у журавлей» (1930). В середине двадцатых годов автор обратился к прозе, написал романы «Сахарный пемец» (1925) и «Чертухинский балакирь» (1926). Об этих произведениях высоко отзывался А. М. Горький, который особо выделил их сказовую манеру изложения, насыщенную сочной народной речью. В тридцатые годы поэт увлекся литературной обработкой вогульского и киргизского эпоса, переводил также на русский язык стихи Шота Руставели.

Клычков с открытым сердцем встретил Октябрьскую революцию. В соавторстве с С. Есениным и М. Герасимовым он создал знаменитую «Капитату», посвященную памяти павших в боях за Советскую власть рабочих и крестьян. Она была исполнена на Красной площади в день первой годовщины Октября. Говоря о своих общественных позициях, поэт подчеркивал, что ему «дорога полоска кумача».

Клычков был крупнейшим певцом деревенской Руси 10–20-х годов. Его песни, подслушанные на родине, писал критик той поры В. Львов-Рогачевский, таили в себе «много... чуткости, тонкости и стыдливой влюбленности в природу»; они отличались свежестью слова и настроения: в них жила какая-то удивительная по своей самобытности «намекающая неясность символов».

Эта колдовская «неясность» стиха была создана на основе мифологического принципа изложения. В стихотворениях Клычкова на фоне туманных деревенских лугов и говорливых речек «оживали» русалки, лешии, дубравны, лели. Своим складом ума и внешним видом они мало чем отличались от человека, например:

Задремал в осоке леший —
Старичок преклонный...
А в бору пылают клены
От столетней плещи.

Леший

В других стихах легендарный Дед одиноко блуждает по лесу то в скромном наряде инока, покрытом росными слезами (Осень), то в одежде, расцвеченной «золотыми лучами полумесяца» (Старец). Столь же зримо дан и сказочный богатырь Бова, величественно восседающий за праздничным столом со своей дружиной (Бова на пиру).

Конечно, в таком свете фантастические персонажи появились в произведениях поэта только потому, что он занял своеобразную «позицию человека, буквально верящего в буквальное существование всех отвлеченных призраков» (Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство). Эта позиция и сделала его повествование мифом, а не простой метафорой.

Мифическая «вера» поэта выражается в единстве природного и духовного, живого и неживого. Например, Лада у Клычкова показана как обыкновенная крестьянская девушка; она живет в тихой избе, погружена в привычные заботы: прядет, сеет, жнет, мечтает о замужестве. Но в то же время Лада — языческая дева, пришедшая в поэзию Клычкова из старинных поверий. Ее образ олицетворяет труд и быт людей, их радости, печали, красоту жизни. Поэтому он так обобщен, мало конкретен, легко переходит из одного состояния в другое. В стихотворении «Лада — невеста» героиня обращается со словами традиционного причета к березе, просит у нее подвенечное платье... из листьев, пояс из бересты:

— Сронь мне платье кружевное,
Всю осыпь меня листвою,
Наряди меня, береза,
В ал-шелковый сарафан,
Белым поясом-берестой,
Окружи по шелку стан,
Убери меня невестой,
Кисеей накрой, туман!

В другой поэтической миниатюре, названной «Жар-птица», условность образа (Лада – жница) подчеркнута гиперболой:

Осень, осепь на пороге!
Лада в поле, от ворот,
Вдоль оврагов и болот
К синю морю по дороге
Разбросала умолот!

Искусство поэта поддерживать свою мысль на грани иллюзорного и реального сказалось и в цикле стихов с Дубравне. Имя этой героини, очевидно, возникло по ассоциации с названием родной деревни Клычкова – Дубровки, а также окрестных рощ-дубрав, которые вплотную подступали к ней. Дубравна – это символ радости, любви, весеннего солнца. Ее образ по своей художественной функции и способу построения тождествен образу Лады: от внешней лирической детали незримая нить тянется к героине. Дубравну можно узнать по тому, «что шепчет в тумане ковыль, как лес головою колышет». На этой основе и возникает своеобразная, «живая» игра поэтических оттенков, полутонов, утонченно соединенных с обликом условного персонажа.

Мифологическое начало авторского образа усилено образом традиционным: рядом с Дубравной живет юный Лель. Лель – это и весенние цветы в поле, и молодая листва на деревьях, и утренний луч, похожий на золотую стрелу. Но вместе с тем это – и «чей-то голос... на ветру», искусно передающий игру на «серебряной цевце»; Леля слушают птицы и звери, деревья и поля:

Он играл на серебряной цевце,
И в осиннике смолкли щеглы...

На Дубне журавли не кричали,
Сыч не ухал над чащей лесной,
И стояла Дубравна в печали
На опушке, под старой сосной...

«Лель цветами все поле украсил...»

Мифологические образы, вступая в различные отношения с предметами природы и романтически одухотворяя их, создали вместе с ними единую «психологическую» среду. Признаками живых существ у Клычкова наделены не только герои языческих легенд и поверий, но также и звезды, месяц, река, ветер: «Стережет ее хоромы/Голубой речной туман»; «Над грядкою перелесиц/Полуночью голубой/Ходит месяц, за собою/Водит облаки гурьбой...»; «– А кафтан крокви ветры/Из высоких облаков,/Шили молнии на туче/Золоченою иглой».

В лирике Клычкова миф является источником поэзии, воспевающей труд и быт людей, их радости, печали, красоту жизни. Его содержание поясняется народно-песенными и сказочными тропами, с которыми миф очень близко сходится, превращаясь в ходе изложения в метафору, аллегорию, символ.

Образ-миф у Клычкова обычно дается уже в названии: «Купава», «Леший», «Лада прядет», «Лада в саду». Текет же стихотворения есть не что иное, как развернутое иносказание, конкретизирующее содержание этого образа. Чаще всего оно строится в виде «скрытой» метафоры, основанной на внутреннем сопоставлении сходных ситуаций. Главной особенностью ее является элемент загадки, который создается двуплановым условно-образным описанием. Например, в стихотворении «Сват» говорится о действиях некоего таинственного деда, который на быстром коне мчится к Ладе-невесте, чтобы устроить ей пышную свадьбу. Но при анализе поэтического строя стиха выясняется, что в действительности речь идет о причудливых явлениях осеннего листопада:

Вихрем конь летит...

Перед ним, качая бор,
Мчится ветер-листовер,
Стелет под ноги ковер!

В «скрытой» метафоре предметно-бытовое, явное не вытесняет абстрактного, фантастического, а как бы наслаивается на него. Видимо, поэтому некоторые стихи сохраняют свою образную «затемненность» до конца повествования. Любопытно в этом отношении стихотворение «Лада прядет», где впервые хлопья снега, потянувшиеся к земле, ситуативно сближены с белой, «лебяжьей» пряжей, которую якобы прядет Лада, сидя у окна. Обыденное, бытовое здесь гиперболически раздвинуто, перенесено на избы в природу:

Лада пить в ладони сучит,
Прикрываясь волокном,
И спадают ниже тучи,
И темнеет за окном.

Загадочность поэтического события не снимается и заключительной строфой, написанной в проблематичной манере. Прямые, реалистические штрихи ее как будто проясняют подлинный смысл изложения и в то же время кажутся нейтральными, если учесть, что все эти детали ничуть не меняют условного характера темы, а только завершают ее пейзажное обрамление:

И туманы это, что ли,
В поле белые легли:
То белест в тихом поле
Новина по край земли...

«Скрытая» метафора в стихах Клычкова естественно соотносится с символом и аллегорией. Аллегоричны образы, чьи действия не выходят за пределы одного текста: месяц-пастух, что «водит облаки гурьбой» (Лада-невеста); туман-сторож, оберегающий покой Дубравны («В нашей роще есть хоромы...»). Но те же образы, повторяясь в различных произведениях цикла, обретают уже устойчивые, символические очертания. В этом случае туман воспринимается как выражение покоя, тишины и гармонии в природе, а месяц служит воплощением любви, зыбкой девичьей грусти:

Ходит бережком Купава,
Мнет шелковую траву...

Месяц в звездах, словно пава,
Выплывает в синеву.

Купава

Принцип лирической идеализации, которому следовал в своем творчестве поэт, обусловил его пристрастие к светлой, «пушкинской» интонации. Это часто приводило к изменению содержания традиционных образов, введенных в структуру авторского стиха. Например, в народной лирике образ тумана почти всегда однозначен: он тождествен сумраку (где туман, там печально):

Ох туманы вы мои, туманушки!
Не пора ли вам, туманушки, со синя моря домой?
Не пора ли тебе, кручинушка, с ретива сердца долгой?

У Клычкова же туман ясен и чист, что подчеркнуто прикрепленными к нему определениями: *голубой, заревой, ранний*. Но особое очарование придает образу эпитет *белый*: *бел туман спадает с выси; средь покошенных полей белый стелется туман; и туманы... в поле белые легли*. Мифическая дева хочет себе спитую из белого тумана подвенечную кисею-фату (Лада-невеста).

Осветлены также и другие явления природы, родственные туману. На этой основе возникли неожиданные, оксюморонные сочетания: *в поле мгла как белый плат; серебряная мглица*.

В теплые, светлые тона окрашен демонизм Клычкова. Волшебное, органично впитывая в себя народно-песенные мотивы и интонации, теряло в стихах поэта свои исконые, природные признаки дикого и страшного. Попадая в лирическую сферу, оно

уже не причиняло людям ни зла, ни беспокойства, а, напротив, вскрывалось какой-то чарующей дымкой человечности. Таков, например, старец Леший, что с вечной улыбкой и поклонами ходит «вкруг родной деревни» («По лесным полянам...»). Мирным, благодушным странником оказывается и старый бес, у которого па плече поет глухарь-петух («Встал в овраге леший старый...»).

Несмотря на столь сложное переплетение образных линий, стих Клычкова течет легко и свободно. В его поэтическом строе ощущается та художественная простота и ясность, которая всегда сообщает фразе мягкие, звучные, пословично круглые очертания. Это достигается обилием в тексте постоянных эпитетов, сравнений, гипербол, просторечно-песенных слов. Они подобраны в соответствии с романтической темой и заложенной в ней напевной интонацией: *луг зеленый, светлы очи, золоты узоры, облак светлицый; легче ветра крылья сокола; в окнах яхонт, бирюза; певун, серебряный, зои (звуки)*.

Видную роль в формировании мелодии стиха играют также повторы — словесные, звуковые, образные, синтаксические: *ходит Лада навой, навой; белой, белой ручкой водит; забегает парень русский, закликает паренек; вы, приливы! вы, прибои!* и др. Они передают движение лирического мотива, оттеняют характерные черты изображаемого предмета, расширяют смысловые и эмоциональные границы образа.

Лирика Клычкова сложилась на почве русского народного быта и народной песенно-легендарной поэзии. Богатство заключенного в мифе содержания послужило источником емких авторских «формул», мотивов, образов, определивших оригинальное направление поэта в начале XX века. В результате тесного взаимодействия клычковской поэзии и мифологии сформировалась особая разновидность условно-художественного обобщения. Миф у Клычкова стал самобытным способом поэтического иносказания, созданного с привлечением тех или иных черт «языческой» образности, фольклора.

Стихи Сергея Клычкова исполнены радости, света, любви к жизни. По ним можно учиться «чувству поэзии», восприятию и постижению прекрасного, разлитого во всем: и в природе, и в душе человека.

Рисунок В. Мирошник

По степени распространения русские пословицы и поговорки носят двойной характер: одни из них широко известны, их знают в любом уголке нашей страны, другие же, наоборот, родились и нашли себе «приют» лишь в определенном городе, районе или селе. Но и эти маленькие крупинки нашего национального богатства бесценны для всех тех, кто любит русский язык.

На примере слободы Михайловки, бывшего районного центра Курской области, автор показывает некоторые характерные явления и факты, связанные с возникновением пословиц и поговорок, их социальной сущностью.

Пословица вовек не сломится

П. Ф. ЛЕБЕДЕВ,

кандидат филологических наук, писатель

Старинная слобода Михайловка расположена на севере Курской области.

Богатая и разнообразная природа, наличие воды и леса, а главное, расположение у скрещения дорог, ведущих к Курску, Фатежу, Орлу, Дмитриеву и Льгову, способствовали развитию в слободе оживленной торговли, кустарной промышленности и ремесла.

Образование и заселение Михайловки уходит в глубокую старину. Одновременно с развитием кустарничества и ремесел возникли и свои специфические бытовые традиции, а также народные обряды и фольклор. Здесь широко бытовали — и сейчас бытуют — «малые» жанры фольклора: пословицы и поговорки, различные меткие присловья, потешные прибаутки, замысловатые загадки и остроумные крылатые слова.

Широкое распространение в Михайловке именно этих жанров устно-поэтического творчества нетрудно объяснить. Профессиональные ремесла и торговля требовали не только трудовых навыков, умения и сноровки рук, но и бойкости языка, остроты и образности речи. Продавец, чтобы быстрее и выгоднее сбыть свой товар, расхваливал его, изоцряясь в словесных выдумках и красноречии. С торгов и рынков «красивые словеса» (пословицы, поговорки, загадки и пр.) попадали в дома, на улицы, в мастерские и, постепенно отшлифовавшись, входили в широкую бытовую практику слобожан.

В Михайловке было широко развито производство бондарных и жестяных изделий (бочки, кадушки, кадки, ведра и т. п.), а также смолы, дегтя, пеньковых веревок и канатов; здесь же работали пошивочные, сапожные, кузнечные мастерские, крупный маслозавод и пекарня. Промышленные изделия и предметы ширпотреба ежедневно вывозились на сторону и были широко известны за пределами слободы.

О михайловских кустарях ходили пословицы и прибаутки, указывающие на их профессию, подчеркивающие их мастерство: *Как ни говори, а славятся михайловские кустари; У михайловцев и ногти в дегте, и волосы в смоле; Михайловка-слобода — хоть куда.*

В самой Михайловке бытовали пословицы, в которых высоко ценятся ум, рабочая сноровка и умение: *Чужим умом жить — добра не нажить; Кто мастер на все руки, у того нет скуки; Умелые — на дела смелые; Телом худоват, да на дела тороват.*

В других пословицах, наоборот, высмеивается грубая, неумелая работа, отсутствие должного мастерства: *Швец Данила что ни сошьет, то гнило; У нашего рыболова всегда без улова; Эту кленку (дощечку.— Ш. Л.) — на топку.*

Очень резко осуждают михайловские пословицы безделье и леность: *У ленивой Варвары худые товары; Кто работать ленится, тот и дела боится; Наш Митяй — отпетый лентяй.*

Слобода Михайловка являлась одним из пунктов оживленной торговли. Местные купцы, располагая богатым ассортиментом товаров, снаряжали крупные обозы, отправляя их в разные

города и уезды центральной России. Обозничество также нашло свое отражение в михайловских присловьях: *Нынче не ходят обозы: морозы; Где обоз — там и навоз.*

В самой Михайловке существовало несколько базарных улиц и площадей, где размещались длинные торговые ряды, а также специализированные ларьки и магазины. Центральным рыночным местом считалась Петровская площадь: здесь устраивались большие, шумные ярмарки, особенно в летние праздничные дни.

Пестрая и разношерстная толпа, тесно заполнявшая Петровскую площадь, своим шумом и сутолокой напоминала пчелиный улей. Рябили в глазах наряды, головные уборы, народные костюмы, слышались диалектные выражения, тульские, орловские, путивльские пословицы, поговорки, присловья.

Особенно старались продавцы. В «красном» ряду купчина басил: *Ряды красные, товары разные: ситец, сукно — загляденье одно!* В «сладком» ряду, где продавались булочные и кондитерские изделия, визгливо кричали: *А вот пирожки, леденцы-петушки — налетай, покупай, полон рот набивай, медный грош вынимай!*

Сочные, колоритные прибаутки и каламбуры слышались в рыбном, овощном, табачном и других торговых рядах. *Для матушки-княгини угодны дыни, а для батюшкина пуза надо арбуза!* — раздавалось на одном конце ярмарки, а из другого несло: *Вынимай пятак — покупай табак!*

В Михайловке бытовали десятки торговых пословиц, возникших в среде купцов: *В грамоте не силен, а торговать умеи; Не велик торжок, да не пуст горшок; Сумеешь торговать — будешь пировать; Михайловские купцы торговать молодцы; Купишь и серьги, когда есть деньги; У нас целковые — все новые.*

Но не только торговля занимала умы михайловских слобожан. Праздники, традиционные обряды и обычаи, домашнее хозяйство — все это составляло круг непосредственных их интересов и забот. Об этом можно судить, знакомясь с многочисленными семейно-бытовыми пословицами и поговорками, значительная часть которых сохранилась в Михайловке и по сей день. *Неженатого царства не бывает* — говорили здесь, когда заходила речь о судьбе подростка дочери или сына. Или, например: *Я за своего Кузьму любую возьму, а ты свою Арипку повози по рынку.*

Немало было пословиц, свидетельствовавших о закоренелой патриархальщине или о крутом праве членов больших купеческих семей. Вот отдельные образцы: *Тещи разные бывают, иные до смерти заедают; Хорош мальчик — жалко бросить, да приданого много просит; Лучше лбом стену прошибить, чем у свекра деньги кросить.*

В старину в слободе бытовали и мещанские пословицы, а также создаваемые представителями богатых сословий. *Увидел барина — не ленись, пониже поклонись* — гнусаво наставляли детей и молодежь в некоторых присутственных местах и мещанских семьях. *Отец святой — всем родной* — лелейно произносили религиозные ханжи и монахи.

Однако бедный трудовой люд имел свое представление о купцах, попах и прочих эксплуататорах. Он говорил: *Причинили нам беды купцы-миroeды; Сосет нашу кровушку поп — что твой клоп.*

Во многих михайловских пословицах и поговорках, ходивших в старое время, подчеркивается имущественное и социальное неравенство трудового люда и эксплуататоров: *У нашего Петра — ни ступы, ни ведра, а у купца Еремы — полные хоромы; У попа и барина всего наварено, а наш мужичок сосет кулачок; Помещик землю к рукам прибирал, а мужик с голоду умирал; У мужика одежда — рогожа.*

И когда наступил октябрь 1917 года, михайловские крестьяне и кустари единодушно выступили на стороне революции и активно помогали местным большевикам устанавливать власть Советов.

Новое время рождало новые пословицы и поговорки: *Лежит на дне кулацкая рожка — и слава тебе боже; Купцов и попа поглотила Свапа (река Свапа); Нам кадило теперь не мило; Евангелие и псалом — на слом; Нашему урожаю порука — не бог, а наука* и др.

Михайловские кустари и крестьяне, в прошлом забытые и обездоленные, стали членами богатых коллективных хозяйств, кооперативных и промысловых артелей. В бывших купеческих дворах разместились школа, больница, клуб, магазины.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Михайловского района встали на защиту социалистической Родины. Мужчины ушли на фронт, а подростки, старики, многие девушки и женщины стали народными мстителями. Слобода и прилегающие села — Веретенино, Остапово, Гнань — не раз становились ареной ожесточенных боев партизан с фашистскими карателями. Об этом говорят созданные здесь в военную годину присловья: *Фашистам не велено ходить в Веретенино; Смерть фашистской орде в Михайловке-слободе.*

Балашов
Саратовской области

Рисунок Ю. Панипартовой

ЧАЙ

В. В. ЦОФФКА

С чая лиха не бывает.
Русская поговорка

Вино делает тебя веселым,
Заставляет забыть заботы,
А чай твой ум обостряет
И побеждает твои заботы.

Китайская пословица.

Баля освежает тело,
А чашка чая — дух.

Японская пословица

Русские люди познакомились с чаем в 1638 году через монголов. В то время к монгольскому хану ездил русский посол Страков, который по обычаю того времени привез хану подарок — собольные меха. Хан принял подарок, а послу подарил двести начек чая. Страков ничего не знал о чае и поэтому не хотел его принять. В конце концов монголы упростили его взять ханский подарок, показали ему, как надо заваривать чай, и даже заставили его попробовать. Приехав в Москву, посол преподнес чай царю. По указанию Стракова был приготовлен напиток, понравившийся царю и его приближенным.

С 1696 года в Россию стал поставляться чай караванным путем из Китая, а с 1870 и морем — из Кантона в Одессу. Чай,

доставлявшийся караванным путем, был лучше по качеству (китайцы упаковали его герметично в горячем виде, в пути он дозревал), чем чай, доставлявшийся по морю. Его цена была выше. Такой чай в Европе называли *русским* или *караванным*. Русские привозили его из северных провинций Китая, где он назывался *чае* «чайный лист», «чайные листья». Слово *чае* было изменено монголами в *чай*, и в этой форме попало в русский язык.

Народы Западной Европы импортировали чай из Южного Китая. Поэтому их название чая — *те* — отражает южнокитайское произношение.

В наше время *русским* называется чай, который произрастает в Краснодарском крае. Первые кусты его появились в 1901 году в селении Солох-Аул, недалеко от Сочи.

Мы пьем чай, который называют *байховым* (от китайского *бай хоа* «белая ресничка»); появление наименования связано с серебристыми ворсинками, которые покрывают одну сторону чайных листочков. Слово *байховый* потеряло свой первоначальный смысл, и теперь им обозначают только сыпучие чаи в отличие от прессованных, хотя те и другие вырабатываются из байхового чайного листа.

Россия всегда потребляла черный чай, который получают из зеленого чайного листа путем завяливания, скручивания, ферментации и сушки. Эти процессы способствуют образованию цвета будущего настоя, вкуса, аромата.

Чай значительно повышает настроение, умственную и физическую трудоспособность человека.

Чай — бальзам для души; Чай смягчает сердце; Выпей чашечку чая — и забудешь печали; От крепкого чая сердцу становится теплее, как от доброго слова, — гласит народная мудрость.

Его пьют в России *вприкуску* (откусывая по кусочку сахара и сося его), *внакладку* (положив сахар в чай), с молоком, сливками, медом, вареньем, с пряно-ароматическими травами, а также *вприглядку* (без сахара).

Краса и гордость чайного стола — самовар — появился в середине XVIII века, и варился в нем не чай, а *сбитень* — горячий напиток из воды, меда и пряностей. Самые первые самовары крапа не имели, содержимое вычерпывалось ложкой, да и сам самовар скорее был похож на котел с крышкой. В старину делали и самовары-кухни с двумя отделениями, в которых варили щи (иногда чай) и кашу, и самовары-кофейники. В дальнейшем за *самоваром* закрепляется значение металлического сосуда с топкой изнутри для кипячения воды специально для чая.

Чай и чаепитие давно и быстро вошли в моду в России; чай даже стал национальным нашивком, которому немало строк посвятила русская классическая литература.

Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчишк подавал.

Пушкин. Евгений Онегин

Давно привычны «чайные» выражения *звать, приглашать, собираться на чашку чая*.

От *чай* в русском языке образовались слова *чайник, чаепитие, чайницы, чаевщик, чаевар, чайный, чаевичать, чаевод* и многие другие.

Возможно, что в скором времени станут привычными новые словосочетания: *день чая, праздник чая, дом чая*, которые мы уже встречаем в газетах.

Рисунок Ю. Папиартовой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каково происхождение слова *пшеница*?»

Н. К. Матвеева, г. Ливны

Пшеница — общеславянское название: ср. пышениця (старослав.), пшеениця (укр.), пшееница (болг.), pšenice (чешск.), pšenica (словацк.), pszenica (польск.). Это слово — производное от *пшено*, которое в других славянских языках означает также очищенное зерно. По форме это старое страдательное причастие прошедшего времени *ръѣнь — растолченный от *ръхати — толочь (См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 3, с. 417).

Остается лишь добавить, что *пшеница* была известна в странах Передней Азии за 5—6 тысячелетий до новой эры. На территории современной Украинской ССР пшеницу возделывали в 4—3 тысячелетии до н. э. Древнейшие следы этой культуры отмечены на территории Калининской области, Белоруссии, Латвии и Литвы с 4—5 вв. новой эры.

Потасовка

И. Г. ДОБРОДОМОВ,
доктор филологических наук

Поставленное в качестве заголовка слово на первый взгляд примыкает к ряду русских слов: *тасовка*, *подтасовка*, *растасовка*, *перетасовка*, но сходство здесь оказывается лишь чисто внешним, поскольку все существительные этого ряда и по значению, и по своему строению весьма четко соотносятся с первоначально «картежными» глаголами: *тасовать*, *подтасовать*, *растасовать*, *перетасовать*. В конечном итоге *тасовать* происходит от французского глагола *tasser* «уминать, уплотнять; собирать в кучу», которое, в свою очередь, связано с германским *tas* «куча, грудка». В русский язык этот глагол, возможно, попал через посредство польского *tasować* с тем же «картежным» значением, что и в русском языке. Существительное *потасовка* в смысловом плане никак не соотносится с формой совершенного вида *потасовать* (к глаголу *тасовать*), хотя чисто формально есть соблазн их сблизить. Следовательно, в слове *потасовка* есть какая-то загадка, которая не позволяет это явно производное слово [в нем как будто бы есть приставка *по-* и суффикс *-к(а)*] связать с другими словами русского языка, в том числе и с глаголом *потасовать* и далее *тасовать*.

Следует заметить, что *тасовать* и все производные от него глаголы с приставками *под-*, *рас-*, *пере-* и образованные от них с помощью суффикса *-к(а)* существительные, а также глагол *потасовать* с приставкой *по-*, у которого нет подобного производного слова с суффиксом *-к(а)* (поскольку слово *потасовка* «драка» с этим глаголом сейчас явно не соотносится), несут на себе довольно явные черты своей былой принадлежности к жаргону картежников, особенно в переносных значениях, относясь к экспрессивно окрашенной лексике. Не является стилистически нейтральным и существительное *потасовка* неясного происхождения, но явно возникшее где-то за пределами литературного языка.

Переносное употребление глаголов и существительных из словообразовательного гнезда во главе с глаголом *тасовать* в русском языке XIX века было подробно проанализировано в книге Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века», но существительное *потасовка* не привлекало вообще внимания историков русского литературного языка.

Впервые в лексикографии слово было зафиксировано уже в 1836 году Ф. И. Рейфом во втором томе «Русско-французского словаря, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологическом лексиконе русского языка» (Т. II, СПб., 1836): *потасовка* – action de tirer par les cheveux (таскание за волосы) в гнезде во главе с глаголом *тасовать*.

В этимологических словарях русского языка редко рассматриваются слова с прозрачной морфологической структурой, но для слова *потасовка* мы имеем одно из редких исключений. Н. В. Горяев связывал это загадочное слово с диалектным глаголом *тазать* «бранигь, бить» и далее *потазать* (Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896). Но А. Г. Преображенский справедливо возражал ему, что в таком случае мы имели бы **потазовка*, которого на самом деле русский язык не знает в значении «потасовка» (Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка). Сам А. Г. Преображенский, повторяя соображения Ф. И. Рейфа, все-таки связал существительное *потасовка* с глаголом «*тасовать* „перемешивать карты“ в том смысле, что в общей драке перемешиваются свои с чужими», что и было принято М. Фасмером, который без особых аргументов приписал существительному *потасовка* нигде точно не зафиксированное первоначальное значение «неразбериха» и связь с глаголом *тасовать* от франц. *tasser* «накладывать» (Фасмер М. Этимологический словарь русского

языка, т. III, 1971). Но и это предположение не выглядит убедительно, поскольку факт перемешивания своих и чужих в драке — потасовке едва ли может рассматриваться как самый существенный компонент этого явления, чтобы дать ему признак для наименования. Кроме того, фактически наиболее старым значением у слова *потасовка* было «наказание, сопровождающееся побоями», отмеченное семнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» как устаревшее.

В пользу увязывания глагола (*по*)*тасовать* с существительным *потасовка* можно было бы привести зафиксированный в Словаре В. И. Даля под словом *тасовать* фразеологизм *дать кому тасовку* «потасовку», но это выражение, вероятно, следует рассматривать в качестве результата трансформации более распространенного его варианта *дать потасовку*, где начальный элемент слова *потасовка*, видимо, вторично отброшен, так как был воспринят в качестве приставки. Следовательно, редкая бесприставочная форма *тасовка* в значении «потасовка» должна рассматриваться в качестве вторичного варианта более распространенного слова *потасовка* и в силу этого не может пока использоваться в этимологических построениях.

Все высказанные этимологические соображения следует рассматривать как отражение так называемой народной этимологии. Можно отметить также еще одно направление вторичных сближений со словами глагольного корня *таскать* — *тащить*, отмечаемыми в Словаре Даля: *потаска*, *таска* «битье или драка, потасовка, рукопашная», *тасканина*, *тасканица* «потасовка». Но сближение это (при почти тождестве значений и большой близости формы) все-таки выглядит натяжкой и пока принято быть не может без дополнительных разысканий.

Фактически по своему происхождению существительное *потасовка* не имеет, вероятно, никакого отношения к русскому глаголу *тасовать*: оно было образовано, скорее всего, в семинарской среде от греческого глагола *πάσσει* «бить, ударять, колотить», который встречался на протяжении всей истории греческого языка (есть он и в религиозных текстах, знакомых семинаристам) и сохранился в новогреческом языке только в переносном значении «подавлять, утихомиривать силой». К основе греческого глагола *πάσσει* мог быть добавлен русский словообразовательный составной по происхождению суффикс *-овка*, а первый слог *па* был переосмыслен в качестве приставки *по-*, которая в безударном положении фактически произносится с гласным *а*, как и в соответствующем греческом слове. Безударная приставка *по-* в существительном *потасовка* фактически существует только на

письме, а в устной форме она имеет произношение, гораздо более близкое к звучанию начального слога в греческом первоисточнике. Сходным же образом в глаголе *перифразировать*, который был образован с помощью суффикса *-ировать* от греческого существительного *перифраза* «описательное выражение, употребленное вместо какого-нибудь слова» и обозначал «употреблять перифразы, описательные выражения», безударное начало *пери-* было отождествлено с русской безударной же приставкой *пере-*. Так возникло незакономерное с точки зрения истории слово *перифразировать*, которое сейчас довольно активно вытесняет более правильный исторически первоначальный глагол *перифразировать*.

В русском языке есть некоторое количество довольно выразительных слов, которые были «изобретены» семинаристами и вошли в широкое употребление. Таковым следует считать загадочное по своему значению и строению прилагательное *стоеросовый*, употребляющееся во фразеологических единицах со словами *болван*, *дурак*, *дубина*, *дерево* и т. п. Это слово было образовано на основе греческого названия креста *стаурбс*, которое также имело более старое значение «кол, шест, свая» (см. об этом подробно в моей заметке «Дубина стоеросовая» — Русская речь, 1968, № 5, где приведены и другие примеры «семинарских слов» — семинаризмов). Семинарского же происхождения и загадочное слово *мантифолия*, употребленное неоднократно у А. П. Чехова (см. о двух употреблениях этого слова статью Б. С. Шварцкопфа «Мантифолия с укусом» — Русская речь, 1983, № 1).

Можно думать, что именно в семинарской среде возникло на базе латинского выражения *a parte* «отдельно, особняком» наше привычное слово *парта*, которое известно только с XIX века, причем в «Очерках бурсы» Помяловского слово *парты* было еще снабжено характерным пояснением в скобках (учебные столы), что достаточно выразительно говорит о его непривычности для современников Помяловского. Такое предположение о латинско-семинарской этимологии слова *парта* представляется более вероятным, чем даваемое М. Фасмером (Этимологический словарь русского языка) сопоставление с немецким (*apart*) или французским (*à part*) латинизмами, не относящимися к учебному процессу.

Семинарские слова в русском языке все еще остаются недостаточно изученными и выявленными, они требуют к себе внимания исследователей.

Рисунок Б. Захарова

Белка-вѣкша-вѣверица

М. Н. ПОЛЫНСКАЯ

Известно, какое большое значение в истории России имели меха. Пушной промысел обладал развитой и тонкой терминологией. В определении сорта меха играли роль различные признаки, такие, как цвет, время и место добычи зверя, вид и степень обработки шкуры.

Одним из самых ходовых на Руси был белчий мех. Мало кто сегодня знает, что в древности белчьих шкурки имели хождение как податные и денежные единицы. В Словаре русского языка XI–XVII вв. читаем: «И дань даяху варягом от мужа по беле и веверици» (Новгородская I летопись); «А что мыт (плата)... от воза имати по две векши, и от лодьи» (Акты Археогр. экспедиции, XV в.); «А дохода... шесть гривен и две денги, трицят и три белки» (XV в.).

Подробные сведения о словах *бела*, *белка*, *векша*, *веверица* в значении «денежная единица» содержатся в статье П. В. Чурмаевой «О беле и веверице» (См. сб.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974).

В древнерусском языке существовали такие названия для зверька — *белка*, *бела*, *вѣверица* и *вѣкша*. Слово *вѣверица* считается наиболее ранним, аналогии ему можно найти в других славянских языках (бел. *васёрка*, укр. *вѣвериця*, болг. *вѣверица*, *верверица*, сербохорв. *вјѣверица*, пол. *wiewiórka*, словен. *véverica*, чеш. *veverka*). Оно является родственным не только литовскому *vovežė* и латышскому *vāvere*, но и древнерусскому *weware* и новоперсидскому *varvarah*. Слово *веверица* этимологи сближают с латинским *viverga* «хорек» (и в древнерусском языке название *веверица* могло обозначать не только белку, но и ласку, и горностая) и связывают с удвоенным индоевропейским корнем **veg* «гнуть, изгибать» (см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы; Этимологічний словник української мови).

На основании данных, содержащихся в древнерусских памятниках, некоторые исследователи считают, что общеславянское *веверица* было на русском севере постепенно вытеснено словом

векша, заимствованным, по-видимому, из финно-угорских языков. Мысль о заимствовании слова *векша* из финно-угорских языков или из чувашского языка принадлежит О. Н. Трубочеву и высказана им в дополнениях к Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера.

Третье название, *белка*, утверждается в памятниках только с XIV века, вытесняя *векшу* и *зеверицу*.

Русское *белка*, как и украинское *білка*, происходит от общеславянского корня *bělъ, содержащего указание на белый цвет. «Название, данное животному по цвету меха, первоначально относилось к белой – редкой и дорогой – породе белок» (Этимологический словарь русского языка. Изд-во МГУ, т. I, вып. 2, 1965). Согласно другой точке зрения, *белка* – это название, данное не по цвету шкурки, а по цвету мездры вылинявшего зверька. *Белкой*, таким образом, первоначально назывался зверек, добываемый лишь в период зимнего промысла (см.: Меркулова В. А. Белка. – Русская речь, 1975, № 3), родовым же названием для него было *векша*. В Таможенных книгах Московского государства XVII века наименование *белка* употреблялось для обозначения качественного зимнего меха с белой мездрой, в то время как существительное *векша* использовалось для обозначения беличьего меха низкого качества (обычно летнего промысла), например: «1600 белки, 800 векшы зелени»; «250 белки... 150 векош подпалей».

Как видим, существительное *векша*, служащее для наименования низкокачественного беличьего меха, могло сопровождаться уточнениями. *Зеленью* называлась белка, еще не утратившая летнего рыжего цвета шерсти. *Подпалью* – белка позднего осеннего промысла с полной, но непрочною шерстью, имеющая черную мездру.

Когда же слово *белка* в современном его значении утвердилось в русском языке, то для обозначения качественного зимнего беличьего меха появилось сочетание *чистая белка*, которое часто встречается в Таможенных книгах Московского государства XVII века, например: «300 белки чистой, 200 зелени», «100 белки чистой».

Существительное *векша* в настоящее время отмечается лишь в диалектах русского языка. По данным Словаря русских народных говоров, оно встречается в Костромской, Горьковской, Владимирской, Вологодской, Кировской, Архангельской областях, причем в большинстве говоров существительное *векша* имеет то же самое значение, что и *белка*.

Однако некоторые современные диалекты сохраняют диффе-

ренциацию значений у слов *белка* и *векша*, причем это различие осуществляется по двум линиям: 1) различие хронологическое, когда *векша* оказывается словом более ранним по отношению к слову *белка*, например: «Белка и векша – всяко зовут: молодые скажут – белка, у стариков спросите – *вѣкша*», «По-стариковски, векша, ноне – белка пошла»; 2) различие смысловое, аналогичное тому, которое мы наблюдали в Таможенных книгах Московского государства XVII века: «Векша у нас имеет двоякое название: летом, когда на ней шерсть бывает желтою, называют векшей, а осенью, когда шерсть серая, а кожа, напротив, белая, – белкою. Начинают охотиться, когда она бывает в последнем виде» (Словарь русских народных говоров).

Наименования белчьего меха могли быть связаны не только со временем добычи этого зверька, но и с местом его обитания, на что указывают такие названия, как *белка сибирская*, *белка иркутская*, *белка нерчинская*, *белка зырянская*, *белка корелка*, *белка касымская* и мн. др.

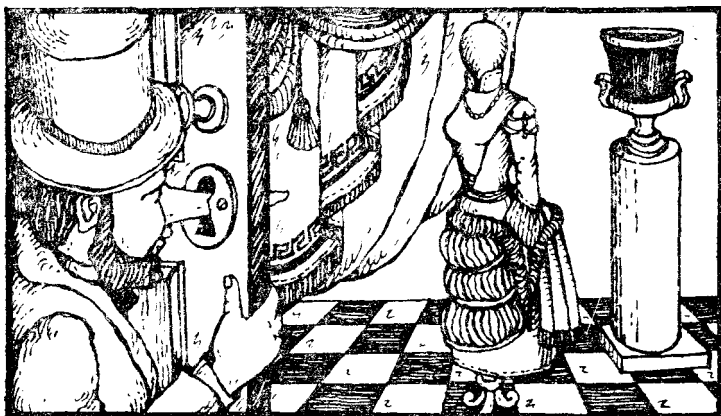
Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень интересно узнать, являются ли однокоренными русское слово *рать*, украинское *ратувати* и белорусское *ратуйце*?»

Т. Ю. Позняк, Киев

Слова *рать* и *раговать* имеют разное происхождение. Русск. *раговать*, *ратую* – «спасать», как и укр. *ратува́ти*, бел. *рагова́ць*, через польск. *ratować* «спа-ать» заимствованы из средневерхненем. *retten*. Слово *рать* «войско», «битва, война» относится к исконно славянской лексике. Русск. *рать* вместе с родственными ему болг. *рат*, с.-хорв. *рат* «война» и т. д. связано чередованием гласных с др.-русск. *реть* «рвение, усердие, соревнование», русск. *ретивый*, диал. *ретиться* «горячиться, усердствовать» (См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III, 447–448, 475).

Почему «Тайны Мадридского двора»?

А. В. ГРИШИН

«Вечно у них какие-то тайны Мадридского двора», — прокомментировал очередной отказ взять автомобиль в ремонт немолодой уже человек, стоявший передо мной. И я понял его без труда. Это выражение мне приходилось слышать и раньше. Но что-то в нем вдруг показалось необычным. Что же? Может быть, оно контрастировало с железобетонной стеной современного автосервиса? Может быть... А откуда вообще взялись эти тайны?

Комментаторы «крылатых слов» Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина «тайнам Мадридского двора» посвятили всего несколько строк: «Шутливое выражение, употребляемое по поводу сенсационного разоблачения какой-нибудь тайны. Возникло после появления русского перевода романа немецкого писателя Г. Борна „Тайны мадридского двора“» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова). Далее следует название книги и год ее издания, указанный, строго говоря, неточно.

Однако о чем написал Борн? Чем объяснить, что заголовок бульварного и почти никому сегодня не известного романа при-

обрел статус крылатого выражения? Почему хотя и не очень часто, но удивительно метко, не утратив первоначального смысла, оно употребляется в современной разговорной речи, а его «автор» не упоминается даже в многотомных литературных энциклопедиях? Нет ли здесь тайны языка? Попробуем ответить на эти вопросы.

Несложно установить, что в России роман впервые переведен в 1875 году. Полностью он назывался «Тайны Мадридского двора. Изабелла, бывшая королева Испании». Книга пользовалась таким успехом, что вскоре стала библиографической редкостью. Через 29 лет книгоиздательство А. К. Касаткина, задумав «дать публике периодическими изданиями отборную и лучшую библиотечку для легкого чтения» из произведений иностранной литературы, приступило к осуществлению своего замысла с подготовки к печати собрания сочинений Георга Борна. Иными словами, книгоиздатель и тогда считал, что именно этот автор обеспечит ему самый верный доход.

План-проспект собрания сочинений Борна помимо «Тайн Мадридского двора», вышедших в первых же книжках, включал следующие произведения: «Евгения, или Тайны Французского двора», «Анна Австрийская жена Людовика XIII-го, или Три мушкетера королевы», «Невеста каторжника, или Тайны Бастилии», «Турецкий Султан, или Тайны Константинопольского двора», «Тайны города Мадрида, или Грешница и Кающаяся».

Кстати, в комментарии Н. С. и М. Г. Ашукиных проставлен год петербургского издания (1870) последнего романа. «Тайны Мадридского двора» — его продолжение, но они отпечатаны все же пять лет спустя, в Москве. А в Петербурге тогда был издан еще один роман Борна на испанскую тему — «Дон Карлос».

Перечисленные заголовки со всей определенностью указывали на жанр, давно имевший своих поклонников. Вспомним, В. Г. Белинский, назвав роман Эжена Сю «Парижские тайны», появившийся на русском языке в 1844 году, «плохим», рисковал вызвать «неудовольствие многочисленных почитателей и обожателей этого quasi-гениального создания». Требовательного критика не устраивал литературный уровень «Парижских тайн», хотя он и видел их «нравственную цель». У того, кто старательно «усваивал» опыт Эжена Сю, такой цели не было. В романе Борна нет социального прожектерства. Зато наличие знания «ходов», характерных для творчества еще одного знаменитого француза — Александра Дюма-отца.

О достоинствах романа можно судить уже по его первой странице. Вот ее начало (редакция 1875 г.): «Над хижинами ра-

ботников и пастухов замка Дельмонте тяготел удушливый вечерний звон. Темная туча помрачала более и более небо и бросала мрачные тени... Красивая Энрика стояла подле кровати мило улыбающегося ребенка, а стройный молодой человек, который, судя по богато вышитой одежде, принадлежал к испанским грандам, держал ее в своих объятиях, — но Энрика, девушка, принадлежавшая к простонародию, не смотрела ни на золото, ни на бархат: она ясными глазами смотрела на благородное, красивое лицо юноши...»

Новый перевод был отредактирован значительно лучше. И все же успех книги нельзя объяснить лишь тем, что ее «перепутали» с «Графом Монте-Кристо». Дело в том, что ее герои, реально существовавшие люди, действовавшие под своими собственными именами, были хорошо известны многим читателям, так же, как и события, о которых в романе идет речь, — он заканчивается восстанием военного флота в Кадисе (сентябрь 1868 г.), бегством Изабеллы во Францию и избранием Серрано, одного из фаворитов королевы, главой правительства победившей оппозиционной партии.

Период царствования Изабеллы (1843—1868) был насыщен острой политической борьбой за власть между различными политическими группировками, осложнявшейся затяжным династическим спором между двумя генеалогическими линиями в семье испанских Бурбонов. Этот спор, безусловно, повысил политический вес дворцовой интриги. Но в еще большей мере возросшая роль интриги при дворе Изабеллы объяснялась частыми переменами в личной жизни королевы: каждый ее фаворит, пишет И. М. Майский, «на срок своего успеха становился всепильным временщиком, нагло вмешивавшимся в ход государственных дел» (Майский И. М. Испания. 1808—1917. Исторический очерк. М., 1957). Между тем ее похождения долго были постоянной темой европейской скандальной хроники. Не случайно в первом издании книга имела подзаголовок: «Историко-романтическое повествование из новейших времен Испании».

В России хорошо знали и другой Мадрид. «Первая волна русского „испанофильства“, — отмечает М. П. Алексеев, — относится к 1812 году... Русские газеты 1812 и последующих годов переполнены материалом об испано-французской войне, испанской конституции, кортесах, характеристиками испанских политических и военных деятелей» (см. сб.: Культура Испании. М., 1940).

Все это, а также влияние романтической традиции — для массового читателя Мадрид символизировал родину Кармен, где не переставая звенели клинки, без усталости щелкали кастаньеты и

самый опасный в мире повеса и дуэлянт еще разгуливал «по улицам знакомым, усы плащом закрыв, а брови пляпой», — обусловило повышенный интерес к роману. И типовому, «склеенному» из слов, входящих в названия книг А. Дюма и Э. Сю, заголовку повезло. Он удачно наслонился на историческую реальность, конкретные представления и вкусы эпохи. В результате из множества «Тайн», опубликованных Борном, именно «Тайны Мадридского двора», став на какое-то время притчей во языцех, остались след в русском языке.

Вернемся теперь к комментарию Н. С. Ашукина и М. Г. Ашупиной. Его легко можно дополнить. *Тайны Мадридского двора*, конечно же, «шутливое» выражение. Но оно еще и насквозь пронично:

«— Милейшая и красивейшая! — обращается один из попутчиков к женщине в вагоне.— Откройте, пожалуйста, товарищу тайну Мадридского двора.

— Тоже мне тайна!

Она простодушно хмыкнула и сказала, что господь бог послал ее по соседству с той самой бабушкой Ненилой, к которой я сейчас еду» (Сибирские огни, 1980, № 2).

Оттенок сенсационности проскальзывает в восклицании Керосинова (эпизод из фильма «Антон Иванович сердится»), когда он узнает, что дочь профессора консерватории, жреца исключительно «серьезной» музыки, поет в оперетте. Заметим, узнает не из первых рук. В ответ на просьбу «проявить скромность» Керосинов отчетливо, как настоящий артист, произносит, почти декламирует: «Тайна Мадридского двора!» Ясно, что он не будет молчать и предвкушает громкий финал. Однако и здесь вся ситуация выглядит комедийно и в целом вызывает у нас иронию.

Романы Борна, рассчитанные, понятно, не на интеллектуальную элиту, давали повод для восклицаний, связанных с сенсационностью раскручиваемых по ходу развития сюжета интриг, не с сенсационностью бульварной, воспринимаемой по-разному — вызывающей искреннее восхищение и злословие, остроты, сплетни и ту же иронию. В еще большей мере это относится к тому слою исторической испанской действительности, на который опирался автор. Так, мать Изабеллы, королева Мария Кристина, вышла замуж за сержанта гвардии — плебея по происхождению и (еще до этого замужества) во время своего семилетнего вдовства родила ему (конечно, тайно) нескольких детей. После того как корона перешла к Изабелле, королева-мать (вместе с супругом, получившим титул герцога Риансареса) активно занималась финансовыми спекуляциями. Брак самой Изабеллы никак нельзя

было назвать счастливым, и очень многие ее (а значит, и всего Мадридского двора) тайны, возникавшие на этой основе, как уже отмечалось, становились секретом Полишинеля, легко расшифровываясь с помощью формулы «Он» плюс «Она», а точнее — «Она» плюс «Он».

В заключение — о примере Н. С. и М. Г. Ашукниных, взятом из рассказа А. И. Куприна «С улицы». В нем трудно уловить интонацию: «Вот где я узнал настоящие „Тайны мадридского двора“! Что ни имя — то преступление: грабеж, убийство или еще хуже». Может быть, герой считает, что увиденное, узнанное им настолько фантастично, сенсационно, что достойно упоминания в одном ряду с тайнами, поведанными Борном. Сомнений в том, что имеется в виду его роман, нет. Заголовок в купринском тексте даже заковычен. И этим пример интересен. Однако вполне допустимо другое толкование: тайны Мадридского двора — не настоящие тайны. В самом деле, что же это за тайны, которые стали явными?

В каждом конкретном случае доминирующий смысловой акцент в нашем выражении определяется тем, что преобладает в характеризуемой ситуации, что в ней подчеркивается, какие ассоциации объективно связывают ее с исходной, первичной информацией, закрепившейся в языковой памяти, благодаря успеху у массового читателя забытой сегодня книги. Разумеется, отправной точкой для нас служит уже не сам роман и не историческая действительность, а традиция.

Рисунок А. Кулагина

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каков смысл выражения „ни сень пороху“?»

И. И. Потапов, г. Дубна

Сень — в восточнославянских и сербохорватских диалектах (*senj*), а также у жителей русского Севера означает *черный* («пол-то синей такой...»). На это употребление в русском языке слова *сень* в значении «чёрный» обратил внимание еще А. А. Потебня в своих «Этимологических заметках». Это значение содержится в широко распространенном фразеологизме *ни сень пороху* — значит «нисколько, ни самой малости, ни пылинки, ни грязи». *Порох* здесь употребляется в архаическом значении «прах, пыль, грязь» (см. об этом: Славянское языкознание. М., 1973, стр. 286–287).

За знакомой строкой
«В сарачинской
шапке белой...»

И. О. КНЯЗЬКИЙ

Среди знакомых нам с детства строк пушкинских сказок нередко встречается название — *сорочины*. Вспомним «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях»:

Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить...

В *сарачинскую шапку* одевает А. С. Пушкин мудреца-звездочета из «Сказки о золотом петушке» и сварливую старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке».

Кто же именно эти сорочицы, упомянутые в сказках Пушкина, и кем реально был этот, видимо, не сказочный народ? (Расхождение в написании *сарачины* – *сорочицы* не означает, что речь идет о разных народах. В летописях и в фольклоре встречается как первая, так и вторая форма слова).

Известия о присутствии сорочиц в южнорусских степях имеются в русской летописи. В 1116 году «два сорочинина», которых подослал византийский император Алексей Комнин, убили в городе Дельстре (современный болгарский город Силистра) в Нижнем Подунавье царевича Леона, зятя великого князя киевского Владимира Мономаха: «В се же лето (1116) иде Леон царевич зять Володимер на пир от Олексия царя и взяся городов ему Дунайских несколько и в Дельстре городе лестию убиста и [его] два сорочинина посланая царем месяца августа в 15-ый день» (Полное собрание русских летописей. М., 1962).

Происхождение названия *сорочинин* исследовал советский тюрколог И. Г. Добродомов (см.: Советская этнография. № 3, 1965, с. 137–143; Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с. 102–129). По его мнению, сорочицы – западная ветвь половецкого народа, с середины XI века господствовавшего в степях Северного Причерноморья.

Для того, чтобы выяснить происхождение названия *сорочицы* и определить их принадлежность к половцам, необходимо обратиться к самому раннему периоду половецкой истории.

Движение половцев из глубин степей центральной Азии на запад и их приход в южнорусские степи связаны с миграцией тюркских народов в первой половине XI века. К середине XI века половцы (или кыпчаки) овладели огромной степной территорией от низовьев Дуная до Иртыша. Все необъятное степное пространство от Прикарпатья и до Алтая с этого времени получает в восточных, мусульманских источниках персидское название Дешт-и-Кыпчак – Кыпчакская степь. Территория к западу от Волги составила собственно Половецкую землю, населенную половцами, западной ветвью кыпчаков.

Исторические известия о начале миграции половцев на запад и об их появлении в Восточной Европе имеются в сочинении сельджукского придворного врача Марвази XII века. Согласно его сообщениям, это начало положил кочевой народ под названием *куны*. Причиной движения кунюв на запад послужили теснота пастбищ и натиск более сильного и многочисленного народа *кай*, угрожавшего куням с востока. Миграция кунюв началась из

степей Прииртышья и Семиречья. Они оттеснили далее на запад кочевавший в низовьях Сырдарьи и в Приаралье народ сары. Сары потеснили на запад гузов (в русских летописях — торки), которые в свою очередь вынудили к переселению далее на запад кочевавших в южнорусских степях печенегов. В 1048 году печенеги переправились через Дунай и вторглись во владения Византии, куда в 1064 году откочевали торки, теснимые половцами. Прочное господство в южнорусских степях перешло к половцам, появившимся на юго-восточных рубежах Руси двумя волнами — в 1055 и 1061 годах.

Вот как отразила русская летопись появление половцев у русских границ: «Того же лета (1055 г.) приходили Блуш с половци и сотвори Всеволод мир с ними и возвратишася восвоеси» (Полное собрание русских летописей).

Как видим, в тот момент половцы не представляли серьезной угрозы для Руси. Однако в 1061 году положение изменилось: «В лето 6569 (1061 г.) придоша половци первое на Руськую землю воевать. Всеволод же изыде противу им месяца февраля во второй день и бившимся им. Победиша Всеволода и воевавшие отиди идоша. Се быс первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг. Быс же князь их Сокал» (Полное собрание русских летописей).

Половцами, пришедшими двумя волнами в степи Северного Причерноморья, были кочевники — сары и куны. Названия этих народов в тюркском языке имеют близкое значение: «светлый, бледный, желтый». Такое же значение имеет и название *половцы*: *половые* — «желтые» (см.: Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — Тюркологический сборник 1975. М., 1978).

В тюркском языке *желтый* могло обозначать «центральный». Половцы, проживая на своей прародине, в Степном Прииртышье, действительно, находились в самом центре кочевой Азии. К западу от них кочевали карлуки, гузы, печенеги. К востоку — киргизы и монгольские племена.

В южнорусских степях сары и куны слились в единый половецкий этнос. Половцы-сары заняли степи к западу от Днепра, которые получили название *Белая Кумания* (*белый* имеет в тюркских языках значение «западный»). Земли, населенные половцами-кунами, получили название *Черная Кумания* (*черная* по-тюрки может означать «великая» (о семантике цветовых обозначений в тюркских языках см. статью А. М. Конопова. — Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с. 162).

Следовательно, результатом прибытия в южнорусские степи

половцев — саров и кунов — явилось деление Половецкой земли на Белую (Западную) и Черную (Великую) Куманни. Половцы-купы, населявшие степи к востоку от Днестра, упоминаются в «Слове о полку Игореве» как хины, хинове.

Возможно, тот факт, что первой волной половцев в южнорусских степях явились сары, и был отражен в русской летописи, где приведена версия их происхождения как потомков библейских персонажей Сары и Измаила: «а срацини от Измаила и творятся Сарини и прозваша имя себе саракине, рекше Сарини есмы». Название западной ветви половцев *сары* могло вызвать у русского летописца ассоциацию с «Сариными детьми», то есть детьми Сары и Измаила. Поэтому, очевидно, в летописях половцы именовались порой измальтянами.

Поскольку половцы-сары и половцы-куны русским представлялись одним народом, то их названия слились. Отсюда и происходят летописные *сарацины*, *саракине*, в дальнейшем — *сорочины*, *сарачины*, упомянутые в сказках Пушкина.

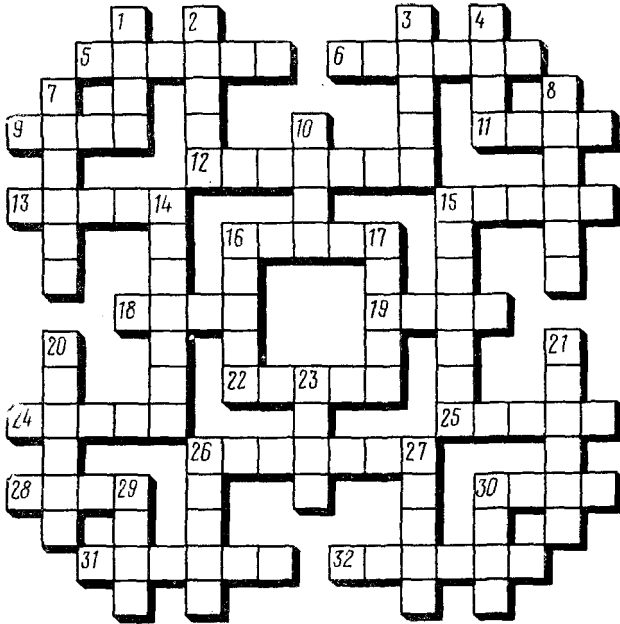
Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правило, название страны и ее жителей — слова однокоренные: скажем, в Англии живут англичане, во Франции — французы и т. д. А вот откуда произошло слово *немец* — житель Германии?»

М. И. Катанов, Пермь

Прежде всего следует иметь в виду, что оба слова — *немец* и *Германия* — не соответствуют самоназванию немцев (*Deutsche*) и не связаны с немецким языком. Слово *немец* в русском языке является древним славянским наследием. Это слово образовано от *немой* и первоначально значило «человек, говорящий непонятно, неясно», «иностранец». Именно таково значение древнерусского слова *нѣмъць*. Поскольку немцы — ближайшие иноязычные соседи славян, название было отнесено к ним. Название же страны *Германия* было заимствовано русским языком из средневековой латыни (лат. *Germanus* и т. д.). Впервые слово *Германия* отмечено в русском языке в XVII веке. Такое название этой страны принято во многих западных языках, и это, очевидно, повлияло на его закрепление и в нашем языке.

ШКОЛЬНЫЙ КРОССВОРД

«Л. Н. Толстой. КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Правильный ответ должен совпадать с одной из подсказок. Он записывается в именительном падеже.

По горизонтали: 5. Где находились вещи Жилина, когда он ехал в отпуск домой (Фазгон, дрожки, нарета, телега)? 6. Что привез Жилину хозяин, когда «прошла про Жилина слава, что он мастер» (заказы, счастье, долото, сверло)? 10. От кого Жилин получил письмо (жена, мать, отец, брат, друг)? 11. Что курсировало из крепости в крепость два раза в неделю (поезд, обоз, арба)? 12. Что принес работник по приказу Казимугамеда: «два чурбана дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок» (вандалы, колодка, калитка)? 13. Кто ехал в середине обоза (горцы, Жилин, народ)? 15. На что упал Жилин, брошенный в сарай (дрова, уголь, навоз, кизяк)? 16. Где «черхала» овца во время побега Жилина и Костылина (загон, закут, улица)? 18. Из какого материала были пошиты бешметы

богатых татар (шелк, кожа, блязь)? 19. Около чего хлопотал старик-татарин, выпавший в Жилина из пистолета (гроб, улей, стол)? 22. Сбором чего мотивировал Жилин свой поход на гору (травы, корни, ягоды, грибы)? 24. Что сняли татары с убитой лошади (хомут, сбруя)? 25. Часть имени хозяина Жилина (Абдул, Хаджа, Пелям). 26. Каких животных увидел Жилин в шелку сарая (жеребята, козлитка, барашки)? 28. Что принесла Дина на круглой дощечке Жилину (мясо, плов, хлеб)? 30. Какая часть татарского жилища была устлана войлоками и коврами (угол, вход, печь)? 31. Что смастерил Жилин после сильной грозы, когда по аулу побежали ручьи (колесо, плотик, мостик)? 32. В каком качестве находился в армии Жилин (солдат, офицер, капрал, денщик)?

По вертикали: 1. Что исполь-

зовал Жилин для маскировки на местности при побеге (куст, тень, гора)? 2. Что добавил Жилин в обыкновенную воду при лечении больного татарина (сахар, песок, ягоды)? 3. Какое оружие было при Жилине в момент взятия его в плен (ружье, шашка, сабля)? 4. На какое время суток указывало беглецам движение созвездия Высожары — созвездия Плеяд (утро, день, ночь)? 7. Среди какого народа оказались Жилин и Костылин (армяне, татары, ингуши)? 8. Как Жилин мысленно назвал «расолодевшего» Костылина, которого, тем не менее, не бросил (колода, бревно, дубина)? 9. С каким зверем сравнивает автор старика-татарина, что «идет, бывало, в чалме своей, костью подпирается, как ...озирается» (лиса, волк, рысь)? 14. Что увидел Жилин, выйдя из сарая (поселок, городок, деревня)? 15. Кого расхваливала в письме мать Жилина: «и умная, и хорошая, и именесть» (соседка, невеста, подруга)? 16. С по-

мощью какого явления природы Жилин определил местоположение русской крепости (ветер, гроза, закат)? 17. Что, по мнению Жилина, являлось источником дыма, который «малчила» в долине (пожар, трубы, битва)? 20. Какое животное зарезал брат убитого татарина для совершения поминок (кобыла, корова, свинья)? 21. Чем воспользовался рыжий татарин для заточки кинжала (точило, камень, брусок)? 23. Какое слово повторяли вслед за муллою верующие татары (асса, алла, айда)? 26. На чем сидел хозяин дома, угощая гостей блинами и пивом (лавка, пуфик, ковер)? 27. На какое расстояние «кругом пыль смочила» хлеставшая из головы раненой лошади «черная» кровь (вершок, аршин, сажень)? 29. Чем воспользовались татары, везшие Жилина в аул, для переправы через реку (мост, плот, брод)? 30. С помощью чего укрепили ремни на закрученных за спину руках Жилина (петля, игла, узел)?

Составила В. Н. Шендрик

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Каково происхождение слов *земля*, *вода*, *небо*? Можно ли выяснить, где и кто впервые их употребил?»

В. Ф. Федоров, Москва

Ученые-этимологи установили несомненное родство русского и — шире — славянского слова *вода* с древнеиндийским *udakāt*, *uda*, *udān*, что значит *вода*, а также с древнеиндийским *odman* «поток». Так как о древней Индии историческая наука располагает сведениями, относящимися к более глубокой древности, чем средениями, относящимися к древним славянским и балтийским племенам, то можно предположить, что приведенные древнеиндийские слова (*uda* — «вода» и т. п.) являются более древними, чем славянское слово *вода*.

Слово *небо* родственно древнегреческому *νέφος* «облако», имеет свои параллели в древнеиндийском и других древних родственных языках.

Слово *земля* славянского происхождения. Древним корнем его был не *земл-*, а *зем-*, это видно не только из русского наречья *оземь*, но и из обозначений *земли* в языках, родственных славянскому; сравните, например: литовск. *žẽte* «земля», латышское *zeme*, древнеперсидское *zāt* — «земля» и т. д.

Сказать же определенно, кто и когда впервые употребил эти слова, невозможно.

Всего одно слово

В школьном диктанте ученикам предложили лермонтовские строки: «Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?». Ученик уверенно выделил запятыми слово «дядя» и... запнулся: как писать «не даром» — слитно или раздельно? Написал на всякий случай раздельно. Дома решил проверить себя, благо в домашней библиотеке оказалось несколько лермонтовских изданий. Вот однотомник Лермонтова, из серии «Классики и современники» издательства «Художественная литература», 1985 г. Там напечатано раздельно. То же самое — и в трехтомнике «Избранное» (Ставропольское книжное издательство 1977 г.).

А вот в таком солидном издании, как четырехтомник издательства «Наука» (Л., 1979—1981), то же слово написано слитно. Можно добавить: и в большинстве современных изданий, а главное — в школьных учебниках и хрестоматиях оно напечатано слитно.

Так как же все-таки его писать?

Разумеется, прежде всего нужно выяснить, как его писал сам М. Ю. Лермонтов. Но, как указано в «Лермонтовской энциклопедии», автограф стихотворения утрачен, и, следовательно, ознакомиться с ним невозможно. Но ведь «Бородино» — первое произведение Лермонтова, напечатанное с его ведома. Оно появилось в журнале «Современник» (№ 6 за 1837 год). Открываем журнал — *недаром* написано слитно. Но была и вторая прижизненная публикация «Бородина» — в сб. «Стихотворения М. Лермонтова», СПб., 1840 г. редактор — А. А. Краевский. Там *не даром* напечатано раздельно!

Конечно, все издания лермонтовских стихов просмотреть чрезвычайно сложно, да в этом и нет необходимости. В самых известных из них (1842 года, ред. А. Краевский, 1847 года изд. А. Смирдин, 1863 года, ред. С. Дудышкин, 1889—91 годов, ред. П. Висковатов и др.), а также в некоторых авторитетных советских изданиях (1935—1937 годов «Akademia» под ред. Б. Эйхенбаума, в ака-

демического издания 1952 г.) написание раздельное. Любопытная деталь: в тех случаях, когда написание интересующего нас слова слитное, слитно оно и в другой строке этой же строфы («*Недаром* помнит вся Россия про день Бородина»). В тех же изданиях, где написание раздельное в первом случае, — раздельно оно и во втором.

Так кто же прав? Думается, в этот вопрос давно пора внести ясность. Если нет возможности уточнить авторское написание слова, то нужно ориентироваться на правила современной грамматики. А они гласят, что частица *не* с наречиями пишется слитно при условии, если в тексте нет или не подразумевается противопоставления. В противном случае правописание раздельное (например, «*не даром*, а за какую-то плату» и т. п.).

В лермонтовском же «Бородино» противопоставление даже не подразумевается, оно есть. «Скажи-ка, дядя, ведь *не даром* (не задаром, не просто так — Я. Д.) Москва, спаленная пожаром, французам отдана?». А далее следует и само противопоставление: «Ведь были ж схватки боевые, да, говорят, еще какие...». И затем идет подро-

ный рассказ об этих схватках за Москву. Москву просто так не отдали, за нее сражались!

А вот в строке «*Недаром* помнит вся Россия про день Бородина» наречие безусловно пишется слитно, ибо имеет совсем другое значение (не зря, не напрасно). Такой тонкий стилист, как Лермонтов, не употребил бы дважды подряд слово одного и того же значения.

Итак, в первом случае должно писаться только *не даром*, а во втором — только *недаром*, что обусловлено смыслом стихотворения.

Этой точкой зрения я поделился с такими знатоками творчества Лермонтова, как профессора В. А. Мануйлов, Э. Я. Рез, доктор филологических наук Э. Э. Найдич. Они согласились с таким толкованием текста, а следовательно, с его написанием.

Вопрос правописания частицы *не* с наречием в стихотворении Лермонтова имеет принципиальное значение, помогая более точному пониманию и толкованию текста. А ведь всего одно слово...

Я. С. Дуван,
доцент Ленинградского
педагогического института
им. А. П. Герцена

Торжокский или торжковский?

Читатель К. А. Панин (г. Колпино) считает, что *торжковский*, прилагательное от географического названия Торжок, «не соответствует ни правилам, ни духу русского языка» и что правильно — только *торжокский*. Так ли это?

Употребление древнерусского географического названия *Торжок* (генетически: тѣргъ → тѣржкъ/торжекъ — Торжек — Торжок) в косвенных падежах (кроме винительного) сопровождается и сопровождается выпадением гласного. Примеры из Лаврентьевской летописи: «Князь же Всеволодъ взя городъ Торжекъ» (1171 г.) и «Он же съѣда на Торжку почва воевати Волгу» (1182 г.). При образовании от него прилагательного также происходило выпадение гласного, что вело к чрезмерному скоплению согласных. Русский язык стремится освободиться от подобных артикуляционных неудобств с помощью древнего средства: к суффиксу *-ск(ий)* он прибавляет морфему, не имеющую собственного значения, в данном случае *-ов-*: *торжковский*. Из-за прилагательного от топчима *Торжок* наш язык не знает. Поэтому только его и находим у классиков русской литературы: «Торжковская торговка визгливым голосом предлагала свой

товар» (Л. Толстой. Война и мир); «Матрешка у меня смерть любила кататься в сапках, и сама, бывало, правит; наденет свою шубку, шитые рукавицы торжковские да только покрикивает» (Тургенев. Петр Петрович Каратаев).

Однако в последние десятилетия появилось прилагательное иной структуры: *торжковский*. Пример, присланный наблюдательным читателем: «Азбука торжокского отрока. Берестяную грамоту XII века обнаружили археологи Калининского университета в Торжке» (Правда, 16 авг. 1985). Это прилагательное находим не только в центральной, но и в местной печати: «А рядом на снимке вы видите прославленный торжокский хор русской народной песни „Ленок“» (Калининская правда, 1967, 4 февр.).

Что же происходит? Раньше пара *Торжок-торжковский* входила в тот же старинный словообразовательный ряд, что и, допустим, г. Починок (род. Починка) — починковский, г. Сапожок (род. Сапожка) — сапожковский. Прилагательное же *торжокский* стоит в ряду: Владивосток (род. Владивостока) — владивостокский, Моздок (род. Моздока) — моздокский, Ростов (род. Ростoka) — ростокский, где в географических именах отсутствует беглый гласный. Полу-

чилась парадоксальная ситуация: производящая основа (Торжок) осталась в прежнем ряду, а ее производное, захваченное господствующей словообразовательной моделью (аналогией), перешло в новый ряд. Параллельное употребление двух разноструктурных прилагательных от одного топонима *Торжок* уже становится привычным: «О торжокских золотошвеях шла слава по всей Руси» (Правда, 1973, 2 окт.); «За месяц, проведенный в торжковской больнице, Николай перенес несколько операций» (Вечерний Ленинград, 1980, 17 янв.).

В современном русском языке вариативность наблюдается и в названии жителей Торжка: *торжокцы* и *торжковцы*.

Что же сегодня предпочтительнее: старое *торжковский*

или новое *торжокский*? Первое прилагательное образовано по модели, пришедшей из древнерусских глубин, второе соответствует сегодняшней тенденции к полному сохранению производящей основы — имени собственного — в слове производном, к воздержанию от фонетико-морфологических перестроек на стыке производящего слова и образующего суффикса. *Торжковский* — традиционно и нормативно, *торжокский* — нормативно, но нетрадиционно. В общем, при выборе между традиционным прилагательным и прилагательным новым предпочтение пока отдается традиции.

Е. А. Левашов,
кандидат филологических наук
Ленинград

Нужны ли кавычки?

Известно, что разнообразные термины употребляются в соответствующем специальном тексте без кавычек. Кавычки же означают, что мы используем понятие в условном, не типичном для этого вида специальной лексики значении. Так, в лексике спортивных игр, а точнее, водного поло и хоккея с шайбой, существует слово *лишний* (пятый полевой игрок команды, если соперников в результате удаления их

осталось четверо; четвертый, если соперников трое).

Анализ употребления этого слова в спортивной публицистике показывает, что у журналистов нет единого мнения о том, является ли оно термином или профессиональным жаргонизмом. А раз нет единого мнения, то нет и единого написания: «*лишний*» то берется в кавычки, то нет. Причем такое противоречие наблюдаем даже в рамках одной и той же

статьи: 1) «...и спартаковцам потребовалось чуть меньше 20 секунд, чтобы разыграть лишнего»; 2) «Скажем, разыгрывая „лишнего“, они допускали ошибки в передачах» (Советский спорт, № 223, 1985).

Приняв точку зрения, что «термины — это слова в особой функции» (Випокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — Труды Московского института истории, философии и литературы. V, 1939, с. 3) и учитывая специфику спортивной лексики, ее существенное отличие от научно-технических терминосистем, можно отнести *лишний* к спортивным терминам. Это слово отвечает основным требованиям, предъявляемым к терминам, — оно точно обозначает специальное понятие и однозначно в рамках лексики хоккея и водного поло, а также не имеет в ней синонимов. Значит, не стоит брать его в кавычки. А вот профессиональные жаргонизмы следовало бы оформлять кавычками. К ним можно отнести экспрессивные дублиеты к терминам или словам общей лексики. Ср., например, в спортивном отчете: «Играли хорошо, но все испортил вратарь. Запустил такую пенку» (Фут-

бол-хоккей, № 46, 1985). «Пенкой» в лексике спортивных игр иногда называют ошибку, как правило, нелепую.

Терминологическое значение слова *лишний*, как и многих других спортивных терминов, развилось на базе общеязыкового. Поэтому употребление кавычек при его написании оправданно лишь в тех редких случаях, когда в одном предложении слово встречается и в специальном, и в общем значении: «В течение почти полутора минут советские хоккеисты имели двух „лишних“ игроков, но они в буквальном смысле оказались лишними» (Советский спорт, № 213, 1985). В этом примере четко прослеживается отрыв специального значения слова *лишний* от общеязыкового.

Вопрос этот, безусловно частный, но, на наш взгляд, достаточно актуальный. Ведь на страницах спортивной публицистики мы нередко встречаемся с тем, что одинаково оформляются слова, которые можно отнести к спортивным терминам, и профессиональные жаргонизмы, употребленные для большей экспрессивности текста.

А. Г. Голодов,
г. Балашов, Саратовской обл.

Почему ракета называется «крылатой»?

Со страниц газет, с экранов телевизоров, по радио все чаще и чаще звучит сочетание слов *крылатая ракета*. Оно вошло в наш обиход совсем недавно, хотя специалистам знакомо давно.

Название *крылатая ракета* первоначально относилось к новой конструкции экспериментальных управляемых ракет, серия которых была разработана в 1934–1938 годах ракетным научно-исследовательским институтом под руководством С. П. Королева (см. БСЭ, изд. 3-е, 1973, т. 13). Одним из основных конструктивных элементов новой ракеты было крыло – особая плоскость несущих поверхностей летательных аппаратов. Это и обусловило название *крылатая*.

В конце 60-х – начале 70-х годов разработкой ядерных ракет средней дальности, к которым относятся крылатые ракеты, активно занимаются милитаристские круги США. Проводя в жизнь агрессивный курс империализма, Вашингтонская администрация приняла решение о развертывании вооружения нового типа в Европе. Осуществление этих планов вопреки мирным инициативам Советского Союза нанесло огромный ущерб делу укрепления меж-

дународной безопасности, делу разрядки международной напряженности.

С конца 70-х годов словосочетание *крылатая ракета* получает широкое распространение в газетно-публицистической речи, обозначая новый вид смертоносного оружия США. Например: «Пентагон торопится запустить в производство новый вид стратегического оружия – крылатые ракеты, с тем, чтобы осложнить советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений» (Правда, 1977, 27 апр.); «По призыву общенационального комитета «Нет крылатым ракетам», в котором объединены десятки различных организаций Нидерландов, в каждый из дней недели в стране будут проводиться яркие манифестации в защиту мира, против гонки вооружений» (Правда, 1984, 8 мая).

В русском языке в основу названия положен один из отличительных признаков этого вида ракет – крыло. В английском языке (*cruise missile* – буквально «путешествующая ракета») учтена другая характерная черта – способность ракеты маневрировать в пространстве.

Смертоносное ядерное оружие вызвало волну протеста со сто-

роны прогрессивных сил всего мира. Американские ракеты средней дальности получили еще одно убийственное название «крылатая смерть»: «Дать отпор „крылатой смерти“» (Правда, 1984, 1 мая); «Поступающие данные все больше и больше подтверждают категорически отрицательное отношение большинства итальянцев к превращению их земли в стартовую площадку для крылатой смерти» (Правда, 1984, 8 мая).

Новое словосочетание *крылатая ракета* принадлежит к составным наименованиям, кото-

рые, обладая устойчивостью, обозначают предметы, явления окружающего мира. Число их в русском языке постоянно растет: *орбитальная станция, агропромышленный комплекс, челночные переговоры*.

Но в отличие от большинства подобных словосочетаний *крылатая ракета* имеет ярко выраженную стилистическую окраску — она стала символом американского милитаризма.

Е. С. Снитко,
кандидат филологических наук

О произношении некоторых заимствованных слов просят рассказать читатели Толокольников П. М. из Киева, Шевелев К. В. из Минска, Буянова К. И. из Вологды и другие.

О произношении иноязычных слов

Произношение слов, пришедших в русский язык из других языков, отличается некоторой непоследовательностью: одни слова звучат, как исконно русские, то есть они подчинились фонетическим (звуковым) законам нашего языка, например: *аккордеон, коллектор, пионер, техника, технический*; другие — в какой-то мере сохраняют ту звуковую форму, которая у них была в языке-источнике *б[о]á, [дэ]нди, т[рэ]д-юнион, [э]скóрт, фе[э]рия*.

Какие же черты наиболее характерны для слов иноязычного происхождения? Рассмотрим два случая — сохранение твердого согласного перед *э* и произношение безударного *о* в заимствованных словах.

По правилам литературного русского произношения, как мы знаем, гласный *э* смягчает предыдущий согласный звук. Например: [*л^вэ*]го, [*н^вэ*]сни, [*в^вэт^ви^вр*]. Основной же произносительной особенностью иноязычных слов является сохранение твердости согласных звуков перед гласным *э*, находящимся как под ударением, так и в безударном положении: *таран[тэ]лла, ин[ты^в]р-национал, [дэ]льта, пас[тэ]ль, кон[ды^в]нсатор, а[ты^в]льé*. (За-

метьте, что на письме этот гласный передается буквой *e*: *гаран-тella, интернационал, дельта, настель, конденсатор, ателье*). Эта черта довольно устойчива и характерна для большого количества заимствований.

С твердым согласным перед *э* произносятся также иностран-ные собственные имена: *Со[рʲэ]нто, [Дэ]кэрт, Ро[дэ]н, Мар[сэ]ль П[рэ]вб*.

Однако звучание некоторых слов еще не стало устойчивым, например можно услышать такие произносительные варианты: [тэ]мп и [тʲэ]мп, анти[сэ]птика и анти[сʲэ]птика, на[нэ]ль и на[нʲэ]ль, фо[нэ]ма и фо[нʲэ]ма, ло[гыʲэ]рѐя и ло[гʲиʲэ]рѐя и др. Подобные колебания говорят о том, что слова эти не до конца еще освоены нашим языком.

Отличительная черта многих слов иноязычного происхожде-ния — четкое, передупцированное произношение гласного звука *о* в безударных слогах, например: ба[о]бáб, п[о]́эт, крéd[о], адá-жи[о], хá[о]с. Как мы знаем, одно из основных правил литера-турного русского произношения — ослабление, редукция гласно-го *о* в безударном положении. Мы говорим: х[л]лб́днѝй, п[ѝмл]гѝ, д́бр[ѝгѝ]. Под влиянием этого правила заимствованные слова в последние десятилетия стали произноситься «на русский лад» — с гласным, близким к *a* на месте безударного *о*. В речи людей, безусловно владеющих орфоэпическими нормами русского язы-ка, — актеров, дикторов, лингвистов, можно услышать: к[ѝ]ммю-никé, п[л]́эт, ф[л]нѝтика, ш[л]с́сэ, б[л]кáл, к[л]нсерватóрия. Про-изношение же отчетливого, передупцированного *о* в таких словах делает речь говорящего несколько манерной. Заметим, однако, что в иностранных собственных именах, звучащих в русской речи, передупцированный гласный *о* сохраняется: Ш[о]пéн, В[о]́л-лér, Фл[о]бér, Д[о]лбрес, Р[о]дén, С[о]ррéнто.

Л. Н. Кузнецова,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Одно из самых популярных слов современности — *мир*. Рас-скажите, пожалуйста, о его происхождении».

Т. А. Демьяненко, г. Ростов-на-Дону

Русское слово *мир* имеет родственные соответствия во всех славянских языках. Например: чешское *mir* со значением «покой, спокойствие; мирные, дружеские отношения», болгарское *мир*

с тем же значением, польское *mię* «мир, спокойствие; авторитет, уважение» и т. д. Поэтому языковеды считают, что это слово было известно уже предкам современных славян — праславянам и входило в состав словарного фонда праславянского языка, который существовал в I тыс. до н. э.—6 в. н. э. Древнейшим значением славянского слова было «мир, покой, дружеские отношения». Ближние соответствия ему есть в некоторых родственных языках индоевропейской языковой семьи (в которую входят и славянские языки): это литовское (древнее) *miestas* «мир, спокойствие», латышское *miērs*, албанское *mirë* «хороший».

В слове *мир* предполагают корень *ми-* и суффикс *-р-* (ср. *дар* — дать), от этого корня образовано также русское *милый*. В последние годы языковеды стремятся уточнить конкретное содержание, конкретную сущность тех общественных отношений, которые с древнейших времен обозначались словом *мир*. Изучение материалов славянских и других родственных языков, народных обычаев, истории культуры позволило прийти к выводу, что уже древние индоевропейцы (потомками которых являются и современные славяне, и многие другие народы Европы и Азии: французы, немцы, итальянцы, испанцы, шведы, греки, индийцы, иранцы и т. д.) считали основой общественной, социальной организации людей состояние дружбы, дружественный договор.

Таким образом, уже на заре формирования социальных отношений наши предки назвали идеальное их состояние — дружественные взаимоотношения людей — словом *мир*.

На вопросы читателей в этом номере журнала отвечали сотрудники Института русского языка АН СССР: доктор филологических наук Ж. Ж. Варбот, кандидаты филологических наук Л. Н. Кузнецова, Л. В. Куркина, Г. Ф. Одинцов, научный сотрудник Т. В. Горячева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

«Л. Н. ТОЛСТОЙ.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕШНИК»

По горизонтали: 5. Телега.
6. Снасть. 9. Мать. 11. Обоз. 12. Колода.
13. Народ. 15. Навоз. 16. Закут. 18. Шелк. 19. Улей. 22. Травы.
24. Сбруя. 25. Абдул. 26. Козлята.

28. Хлеб. 30. Угол. 31. Колесо.
32. Офицер.
По вертикали: 1. Тень. 2. Песок. 3. Шашка. 4. Утро. 7. Татары.
8. Колода. 10. Волк. 14. Деревня.
15. Невеста. 16. Закат. 17. Трубы.
20. Кобыла. 21. Брусок. 23. Алла.
26. Ковер. 27. Аршин. 29. Брод.
30. Узел.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова
Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 17.10.86
Подписано к печати 04.12.86
А—10689. Формат бумаги 84×108/32
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 585,5 тыс. Уч.-изд. л. 9,9
Бум. л. 2,5. Тираж 68000
Заказ 3035

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121099, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.
2-я тип. издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6